

Ярина Колка

СВЯТКИ
БЕЗ ОГЛЯДКИ

Гадание — это всего лишь развлечение. Ничего же страшного не случится, если погадать, а по судьбе ли твой избранник? — так рассуждала Снеженика — избалованная столичная штучка, усаживаясь в святочную ночь перед старинным зеркалом. Каково же было ее удивление, когда утром она проснулась в теле деревенской девки — неудачницы из царской России, тоже рискнувшей попытать судьбу. Какую цель преследовали высшие силы, меняя девушек телами: преподать урок, наказать за любопытство или просто развлекались?

Глава 1

— Аааа! Он меня бро-осил! Ик... Совсем! — Снеженика, с порога забросив в один угол ключи от машины, в другой — брендовую сумочку, прямо в сапогах завалилась в кухню и театрально плюхнулась на стул. — Ксюша, это катастрофа! — она истерично скомкала в руках цветастый шелковый шарфик и трагически закатила глаза, изо всех сил пытаясь выдавить из них хоть сколько-нибудь приличную слезу.

— Так он бросил, или ты опять психанула из-за ерунды и ушла? — недоверчиво покосилась на нее Ксюха.

Снеженика вытерла кончиком шарфика воображаемую слезинку и бросила возмущенный взгляд на сестру. Это просто возмутительно, как можно не осознавать всю суть ее трагедии? У Ксюхи просто давно не было мужика. Хорошо устроилась, зараза. Засела дома, развела псарню из кусачих шпицев и в ус не дует! А ей, Снеженике, одной теперь экскаваторным ковшом все прелести семейной жизни расхлебывать! Ну ладно, пусть пока еще не семейной, Вадим предложение ей еще не делал, но куда он денется, в самом деле, от такого безудержного счастья в ее лице? Только вот она теперь сто раз подумает!

— Из-за ерунды? — совершенно не наигранно задохнулась от возмущения она. — Да ты даже не представляешь, что он на этот раз отчудил!

— Неужели маникюр твой новый не заметил? — сонно зевнула Ксюха, откидываясь на спинку кресла. На часах первый час ночи, и выслушивать очередные жалобы по поводу недооцененной прически или не в тон к туфлям подобранного кольца с сапфиром ей было совсем невмоготу. Бедный Вадька, мало того, что пашет как вол с утра до ночи, так еще и дома вместо того, чтобы отдохнуть и расслабиться, должен скакать пуделем вокруг этой куклы бестолковой. И что только он в ней нашел?

— Ты такая же, как он! — надула свеженакачаннные губки Снеженика и уже по-настоящему зашмыгала носом.

Дверь в кухню тихо скрипнула, и в проеме появился сначала сопливый черный нос, а потом и полностью недовольная, стриженная «под мишку» мордаха.

Ксюхин шпиц — Вениамин Звездоцап фон Бойчик, — а Ксюха упрямо именовала его только полным именем из паспорта — был парнем серьезным и непрошенных гостей не жаловал. До такой степени, что на порог ксюхиной квартиры не допускались не только потенциальные ухажеры, но и такие на первый взгляд безобидные персонажи как председатель ТСЖ, электрик, и тому подобные, по мнению Вениамина Звездоцапа фон Бойчика, проходимцы.

Знающие соседи давно привыкли, что общаться с Ксюхой безопаснее по телефону, а незнающие, тихо матерясь сквозь зубы, заклеивали пластырем раны от укусов и спешно делали пометку на будущее без особой нужды в негостеприимную квартиру не соваться.

Благодаря суровому нраву и неуравновешенной нервной системе Звездоцап умудрился прославиться далеко за пределами ксюхиного дома, да так, что при виде его местная шпана бросалась врассыпную, а бродячие псы уважительно обходили двор стороной.

Ксюха же, на полном серьезе полагая, что извиняться ей не за что, ибо честь быть укушенным самим Звездоцапом еще заслужить надо, регулярно таскала его по всевозможным собачьим выставкам и конкурсам, безжалостно приумножая его славу.

Судьи, стараясь лишний раз не нарываться, раз за разом присуждали ее питомцу

разнообразные награды. Как утверждала Ксюха — за его безупречную родословную и запредельную мимимишность, на самом же деле — из страха и «за ради лишь бы больше не приходили».

Сильнее всего можно было посочувствовать ветеринарам и парикмахерам в собачьем салоне, которые завидя в окно потенциально опасного клиента, всегда брали с Ксюхи надбавку «за вредность» и искренне удивлялись, что очередная заслуженная псом награда не носит такую же формулировку.

Нужно сказать, что и сама хозяйка частенько страдала от неуравновешенного характера уважаемого Вениамина Звздоцаповича, и тем удивительнее казался тот факт, что вредной псине отчего-то полюбилась ее непутевая сестра.

Снеженике — единственной представительнице ненавистного человечества — позволялось абсолютно все: сюсюкаться, уничижительно обзывать его Витаминчиком и — о ужас — даже чесать стриженое пузико.

Вот и сейчас, едва завидев, кто именно нарушил его священный сон, Вениамин Звздоцапович нисколько не возмутился, а приветливо вильнув хвостом и умильно щерясь, просочился в кухню и поспешил навстречу гостю.

— Привет, Витаминчик, привет мой сладенький! — Снеженика подхватила спица под пузо и посадила себе на коленки. — Ути, какая у тебя новая прическа! Это восхитительно, ты знал? Ты самый красивый мишка в мире! — она бесцеремонно потрепала его по плюшевой шерстке и чмокнула в нос.

Ксюха невольно отвернулась, один бог знает, что бы было, позволь она себе подобную бестактность.

— Светка, не томи, спать охота, — недовольно пробурчала она. — Рассказывай побыстрому, чем там на этот раз провинился твой ненаглядный и на боковую.

— Снеженика! — строго погрозив ей пальцем, поправила та. — Когда уже запомнишь? Да никогда! Её взбалмошная сестренка всегда считала, что она родилась не в то время и не в том теле. Она, видите ли, не рождена быть Светкой из Актюбинска, это вообще ошибка, она же как минимум прирожденная принцесса какой-нибудь Нарнии, ну или, на худой конец, королева Средиземья, и называть её феячество Светкой всем без исключения запрещалось под угрозой смертной казни.

Вадик вон вообще до сих пор думает, что это родители так поглумились, её Снеженикой назвав, а на самом деле она в детстве так ежевику называла, вот и прилепилась эта кличка, которую она с возрастом взяла да и возвела в статус имени, потому что «это же красиво и идеально мне подходит».

Чтобы «это» подходило еще идеальней, она, как только начала встречаться с Вадимом, перекрасила патлы в кипельно белый, накачала грудь и губищи, и теперь в купе с невинными голубыми глазищами и впрямь напоминала какую-то заблудшую эльфячью принцессу.

Вадим на загоны благоверной смотрел сквозь пальцы, возможно, исключительно по причине нехватки свободного времени, поскольку умудрялся в одиночку владеть два успешных бизнеса сразу. А Ксюха не успевала удивляться, как ее недалекая сестренка вообще умудрилась его захомутать и гадала, в чем именно причина: то ли Вадька видит плохо, то ли от природы мазохист.

— Тогда Вениамин Звздоцап фон Бойчик! А не Витаминчик, поняла? — грубо отбрила она, кивая на развалившегося кверху пузом на коленях сестры пса, который бессовестно продолжал позорить свое громкое имя, довольно подергивая задней лапой и вывалив язык.

Тут крыть было нечем, поэтому Снеженика только недовольно сморщила носик.

— Итак, дочь моя, я слушаю вашу исповедь, — Ксюха снова зевнула и, зная по опыту, что это надолго, поднялась с кресла и бухнула на плиту чайник.

Снеженика сдула челку с носа и театрально закатила глаза, входя в образ.

— Я ему говорю, — демонстративно растягивая гласные, проговорила она, — поехали на Крещение в Швейцарию. Мне нужно поправить здоровье, попариться в термальных источниках, подышать горным воздухом. А еще девчонки в салоне рассказывали, там делают восхитительные сливочные обертывания на основе натуральных продуктов, для моей кожи это просто...

— Так, так, а он? — бодро прервала этот поток совершенно неинтересной ей информации Ксюха. Она достала с полки вазочку с засахаренным мармеладом, искоса посмотрела на сестру, раздумывая, стоит ли открывать новенькую коробку конфет, подаренную на работе на Рождество, решила, что обойдется, и принялась заваривать чай.

— А он... — Снеженика подцепила двумя пальцами мармеладку, понюхала и брезгливо бросила обратно в вазу, — кошмар какой-то... Сказал, что мы поедем к его деду в Авдеевку! Нет, ты можешь себе это представить? Где я, а где Авдеевка?

Чопорная и экстравагантная Ксюха это представить очень даже могла, и искренне считала, что сам по себе новый имидж Снеженики так и должен называться — «полная Авдеевка». Правда, свои мысли она благоразумно держала при себе, чтобы не нарваться на предсказуемую реакцию типа «завидуй молча» и «найди себе мужика, а то совсем озверела в одиночестве», поэтому неопределенно пожала плечами и «сочувственно» поинтересовалась:

— А ему туда зачем?

— А вот это вообще полный триндец! — вспыхнула Снеженика. — Он сказал, что мы будем купаться в проруби!

Тут проникся даже Вениамин Звздоцапович, удивленно хрюкнув и чуть не подавившись собственным языком. Действительно, какое возмутительное непотребство предлагать принцессе нырнуть в прорубь в Авдеевке! Вадьке, похоже, кранты...

— Угу... — Ксюха положила в чашки чайные пакетики, щедро плеснула туда кипятка и задумчиво поставила на стол. — А после этого он сразу тебя бросил?

— Вот что ты вечно придираешься к словам? — досадливо поморщилась Снеженика. — Конечно, я гордо хлопнула дверью и уехала! Не хочет жить с леди, никто его не просит, пусть найдет себе подходящую колхозницу в Авдеевке! Ксюш, мне иногда кажется, что он... — она снова поморщилась, отодвигая пальчиком засахаренный мармелад, — вовсе не герой моего романа. Он мне просто не подходит!

А вот тут в точку. Образованный, интеллигентный и спокойный как фонарный столб Вадька не подходил возомнившей себя светской львицей Светке от слова совсем. Взбалмошная Светка, едва перебравшись в столицу и отведав безбедной жизни, обнаглела, на полную катушку врубила «принцессу» и требовала от Вадика поистине чудес. Она почему-то искренне полагала, что Вадим просто обязан возить её на самые лучшие курорты, водить в дорогие рестораны и развлекать в самых крутых столичных барах, в то время как сам он отчаянно мечтал просто тихонечко посидеть на берегу реки с удочкой, выпить вина у костра под луной и в обнимку полюбоваться рассветом.

При этом удивлял тот момент, что Вадика и в голову не приходило бросить привереду Светку и поискать себе девушку по душе. Вместо этого он предпринимал наивные попытки привить ей чувство прекрасного, свято верил, что это все дремлет в ее душе, упрятанное под

пологом наивного бахвальства. Правда потом, ожидаемо потерпев очередное фиаско, душераздирающе вздыхал в жилетку Ксюхе, которая подливала ему вина и советовала обратиться за помощью к деду Морозу.

— Ну а что? — Ксюха слопала мармеладку, облизнула пальцы и прихлебнула из чашки, — может и так. В самом деле, ты на него тратишь лучшие годы своей жизни, а потом — бац! — а он и вовсе не твой прынец!

Нет, Ксюха младшей сестре зла не желала и даже не завидовала, но вот желание надавать по башке за то, что не ценит того, что имеет, порой бывало нестерпимым.

Она глубоко вздохнула, взглянув на часы. Первый час, ну твою ж мать... Это ж минимум еще час выслушивать слезные жалобы, потом дружно костерить несчастного негодяя Вадьку, все по классической схеме, применяемой каждый раз, когда Вадька коварно «бросал» разнесчастную Светку. А спать давно охота...

— Я знаю, что нужно сделать! — загадочно подмигнула она, прикинув в голове, как побыстрее избавиться от навязчивого разговора. — Это нужно проверить!

— А как? — тут же оживилась Снеженика.

— Ну, сейчас Святки. А на Руси что делали на Святки?

— В прорубь ныряли? Нет уж, Ксюша, я с ним не поеду, и точка!

— Хоспадя, — Ксюха закатила глаза к потолку, — в прорубь — это на Крещение, а на Святки гадали на суженого!

— Да? А как? На картах? Ты умеешь? — Снеженика аж заерзала на стуле от нетерпения, а Звздоцапыч напрягся, почуяв неладное.

Ксюха выдержала паузу, забросив в рот еще одну мармеладку, нарочито медленно прожевала ее и заявила:

— Ну еще бы! Способов много, на картах — неинтересно, тут нужно брать самый верный. Но предупреждаю, он же — самый страшный. Только ты трусиха и ни за что на это не отважишься, — она исподлобья взглянула на сестру: зацепило или нет?

— Я трусиха? — Светка возмущенно вскочила, стряхивая на пол обалдевшего шпица. Любопытство смешалось с негодованием, и Ксюха поняла — клиент созрел. — Спорим, отважусь?

— Ну смотри, — прищурила зеленые глазища Ксюха, — если что, я тебя предупредила.

— Это что? — взволнованно прошептала Снеженика, забравшись с ногами на сестрин диван в спальне и наблюдая как та, предварительно установив на трюмо два зеркала, осторожно зажигает свечи.

Ксюха отмахнулась от нее, потом еще долго подправляла и подпирала чем ни попадя зеркала, чтобы они установились определенным образом, затем достала из шкафа полотенце и подозвала к себе сестру.

— Вот, смотри сюда, — почему-то шепотом проговорила она, а у той аж мурашки по коже пробежали. — Видишь?

О, да. Снеженика видела. И того, что она видела, уже было достаточно, чтобы немедленно схватить ключи от машины и бежать отсюда подальше, желательно под теплый, а главное, безопасный бок Вадьки, и хрен с ним, какой-никакой, зато свой, но... Вот это дурацкое «но» прочно засело в голове, рисуя перед глазами образы сексуальных красавцев, один из которых мог бы запросто стать ее суженым, не прояви она сейчас малодушия.

Поэтому она деловито поправила челку и храбро заглянула Ксюхе через плечо. В зеркалах отражался коридор — таинственный, уходящий в бесконечность, освещенный подрагивающими, тысячекратно отраженными огоньками свечей. Даже сейчас, при свете люстры и держась за Ксюху, смотреть в него было страшно, ибо вообще непонятно, а что там — на другом конце? Пальцы похолодели, она судорожно сглотнула.

— Ну что, ты как? — на всякий случай уточнила Ксюха. — Передумала?

— Вот еще! — быстро взяв себя в руки, заявила Снеженика.

— Тогда слушай правила, — Ксюха усадила ее за стол, бросив на колени полотенце. — Мне в зеркало смотреть нельзя, но я, так и быть, останусь в комнате, вот тут — на диване, чтобы ты совсем от страха не скукенилась. Говорить нельзя, отвлекаться — тоже. Ты должна неотрывно смотреть в зеркало, пока в коридоре не появится он...

— Кто? — побледнела Снеженика, а Ксюха расхохоталась.

— Конь в пальто! Суженый твой, конечно! А ты думала — кто? Твое дело его рассмотреть, а потом сказать «Чур меня», опрокинуть зеркала и накрыть их полотенцем.

— А потом? — распахнула клювик Светка.

— Что потом? — Ксюха отчаянно зевнула, в который раз бросив тоскливый взгляд на диван. — Ну... не знаю... Будешь знать, как он выглядит. Опять же, если это Вадим, то ты его узнаешь и перестанешь сомневаться. В общем, сообразишь по ходу дела. Главное, из зеркала его не выпускай. Потому что облик твоего суженого в зеркале нечистый принимает. Так уж считается.

Кошмар какой. Нечистый — это бес что ли? Снеженика уже отчаянно сомневалась.

— А ты сама-то хоть раз так гадала? — недоверчиво покосилась она на сестру, завершающую последние приготовления.

— А как же! — бодро отозвалась та.

— Ну? И кто твой суженый, ты видела его?

— Ага, — лениво зевнула Ксюха и поправила зеркало. Коридор покривился, выгнулся мостом, но снова принял нужные очертания.

— И кто он? — почему-то шепотом поинтересовалась она.

— Не поверишь, — присела на корточки Ксюха, заговорщицки заглядывая ей в глаза. —

Вот сижу я, смотрю, смотрю... и бац! Крис Хэмсворт!

— Да ты что? — Снеженика аж со стула чуть не сверзилась. — Прямо сам?

— А то! — гордо вскинула носик Ксюха. — А ты думаешь, с чего я замуж не выхожу?

Вот жду, когда он разведется и тогда...

— Ого... — завистливо протянула Снеженика. Ну уж если Ксюхе сам Хэмсворт явился, то ей-то и подавно подфартит... В голове замелькали фотки из интернета «Топ 100 самых сексуальных мужчин прошлого года», вот уж есть, где разгуляться. — И что? Какой он?

— А? — Ксюха только глаза закатила. Божечки мои, вот же курица глупая... Она с трудом подавила зевоту, достала из шкафа плед и, замотавшись в него, устало плюхнулась на диван. — Красивый и голый!

— Что-о-о? Голый? — задохнулась Снеженика. Вот это номер, да знай она раньше, что тут на Святки по зеркалам такое показывают, каждый год бы так «гадала». — Ну и? Какой он там? — хихикнув, поинтересовалась она.

— Незнай, я не рассмотрела, — равнодушно бросила Ксюха и, щелкнув выключателем, завалилась на подушки.

Снеженика так и застыла возмущенно, прижав ладонь ко рту и искренне недоумевая, какой же идиоткой надо быть, чтобы не рассмотреть это самое у голого Криса Хэмсворта!

— А что? — поймав ее укоризненный взгляд, попыталась оправдаться Ксюха. — Он молотом прикрывался! Всё! С этой минуты молчок! Иначе он не явится. Сиди, не отвлекайся и смотри!

Снеженика тяжело вздохнула и повернулась к зеркалу.

Мягкий свет свечей стелился по столу, отражался в зеркалах, освещая лишь совсем небольшой клочок спальни. Бесконечный зеркальный коридор, словно освещенный факелами, теперь уже не столько пугал, сколько вызывал безудержное любопытство.

Она поерзала на стуле и постаралась сосредоточиться в одной точке. Несмотря на внешнюю наивность, Снеженика душой не была и точно знала, что никаких чудес не бывает и все, что она увидит в зеркале, лишь зрительная аномалия, и бывает такое, когда глаза устают.

Так она успокаивала себя минут пятнадцать, пока не стало совсем скучно. В зеркале ничего не менялось, суженый к ней на свидание не торопился, и она, уже почти потеряв терпение, всерьез раздумывала бросить эту глупую затею, растолкать Ксюху и открыть бутылочку вина.

Под столом раздалось недовольное пыхтение, и острые коготки настойчиво вцепились ей в колготки.

«Витаминчик, чтоб тебя! Колготки же порвет!». Она, не отрывая глаз от зеркала, наклонилась, подцепила под пузо пушистый комочек и водрузила его на колени. Пусть так, зато совсем не страшно и даже веселее. Витаминчик повозился, недовольно поурчал и удобно улегся калачиком.

Часы в гостиной мерно отсчитывали минуты, за окном поутихли городские звуки, и Снеженика уже откровенно клевала носом, поглаживая сопящего шпица, когда усталый взор уловил первое движение.

С другой стороны зеркального коридора внезапно вспыхнул свет, словно кто-то дверь открыл, и в сияющем проеме появилась фигура. Она уверенной походкой двинулась по направлению к ней, но, дойдя до половины, остановилась и замерла.

Снеженика тоже замерла, боясь пошевелиться, во все глаза пялясь на потустороннего гостя. Что-либо конкретное разглядеть она пока не могла, поскольку фигура остановилась в невыгодном свете факелов. Снеженика видела лишь силуэт, по которому можно было опознать мужчину, к великому ее невезению — одетого. По силуэту читался то ли камзол, то ли пальто длиной до колен.

Ага, а вот и обещанный конь прискакал. При более детальном рассмотрении у «коня» оказались длинные — до плеч — волосы, что таки вселяло некоторую надежду, что она вполне себе может отбить «жениха» у сестры. Ну, и абсолютно очевидным оказался тот факт, что её суженый, — а если верить Ксюхе, то это был именно он, — никак не может быть Вадькой, ибо тот длинных волос отродясь не носил, и вообще был и тучнее, и габаритней этой изящной экстравагантной фигуры.

Выходит, не зря она все это затеяла! Вот знала же, чувствовала, что она создана для кого-то, не в пример Вадьке, более прекрасного! Осталось только его рассмотреть. Но «суженый» застыл, прислонившись к стеночке и затаился, явно раздумывая, а стоит ли ему двигаться дальше.

Снеженика даже расстроилась поначалу. А что, если она ему не понравилась? Ну нет, глупость какая, как она может не понравиться? Наверное, парень просто смущается и надо его подманить.

Подумать над тем, как подманивают потусторонних красавчиков, она не успела, потому что далее произошло нечто, повергшее её в крайнюю степень изумления.

По коридору плыл туман. Таинственно снежный. Он выполз из того же светящегося окна, из которого вышла фигура, добрался до скромняги «суженого», окутав его ноги, и пополз прямо к Снеженике!

Та напряглась и заволновалась. Про этот дурацкий туман Ксюха ничего не говорила, и что будет, если он «выползет» из зеркала, совершенно непонятно. Прерывать гадание не хотелось, она же еще не рассмотрела своего жениха, а тут эта оказия! Как его остановить?

Но туман остановился сам, замерев в нескольких сантиметрах от края зеркала. Снеженика выдохнула облегченно, правда, ненадолго. Белые клубы поднялись, окутывая коридор до потолка, и теперь напоминали кучевые облака на небе, из которых стали образовываться фигуры. Сначала появилась недовольная мордаха шпица, потом она растаяла, превратившись в птичью голову. Это было даже забавно, Снеженика с детства любила наблюдать за облаками. Но потом...

Птичья голова плавно трансформировалась в человеческую ладонь, которую девушка видела гораздо более отчетливо, чем фигуры до этого. Рука сложилась в кулак и вдруг погрозила ей пальцем. Снеженика открыла рот от изумления, но жест уже трансформировался, и тот же палец теперь призывно манил ее к себе!

Кожа заледенела от страха, а волосы, кажется, встали дыбом по всей длине. Причем, по всему телу. Она шумно сглотнула и потянулась за полотенцем. Но туман исчез так же внезапно, как и появился. Словно кто-то щелкнул выключателем. Он просто опал под ноги уже знакомой ей фигуре, все так же скучающей у стены.

Глаза уже нестерпимо болели и слезились, и Снеженика успела тысячу раз порадоваться, что догадалась вовремя смыть косметику. Скромняга суженый наконец-то отлепился от стенки и шагнул в туман.

Снеженика буквально вросла в стул, вцепившись дрожащими пальцами в шерстку Звездцапа, когда поняла, что видит его лицо. Хищное, с острыми скулами, тонкими

аристократичными чертами, которое ну совсем, совсем, просто вообще никак ей не нравилось! Более того, этот хищный брюнет ничего кроме панического ужаса у нее не вызывал, и она очень сильно сомневалась, что с такой внешностью можно попасть в вождельный топ-100. Нет, он явно не оттуда!

Вот же досадно! Вадька в сто раз симпатичнее, а этот... Наверняка еще и пижон, и вообще... Она так не договаривалась. Возможно, кто-то и любит таких вот сомнительных антигероев, но только не она. Может, он просто зеркалом ошибся?

Но брюнет не ошибся. Он хищно улыбнулся, причем его глаза сверкнули в свете факелов дьявольским огнем, и точно так же, как до этого туман, поманил ее пальцем!

Снеженика обомлела, отпрянула от зеркала, потом на всякий случай указала жестом на себя. Мол, точно я? Мужчина утвердительно кивнул и расплылся в хищном оскале. Мамочки!

— Ксю... — тихо прошептала Снеженика, скривив губы трубочкой вбок. — Там... мужик какой-то в зеркале... зовет меня... мне что ему ответить?

Та только завозилась, что-то промычала нечленораздельное и закрылась подушкой.

— Ксюш, чего мне делать-то с ним? — плаксиво загундосила Снеженика. — Он мне не нравится совсем! Я лучше Вадика оставляю... Ксюш!

Сестра не отзывалась, поэтому пришлось наконец-то оторваться от зеркала и посмотреть на диван. Ксюха закопалась в подушках и, судя по всему, досматривала десятый сон. Вот зараза. Снеженика снова посмотрела на зеркало. Оппа! А разрывать контакт было нельзя. Теперь это было просто зеркало, с отраженным в нем коридором, освещавшимся двумя свечами по бокам.

Фу-ух... Вот, что бывает, если напрягать глазные нервы. Как бы не пришлось теперь линзы покупать. Она подхватила Звздоцапыча и поднялась со стула, с хрустом распрямляя затекшие суставы, затушила свечи и на негнущихся ногах подошла к дивану.

Идти спать в гостиную, где ей постелила Ксюха, было страшновато, поэтому, отобрав у сестры одну подушку, она бросила ее на другую сторону дивана и устроилась «валетиком», удобно уложив под бок храпящего пса.

«Ну надо же, привидится такая ерунда... У Ксюхи вон видение приятней было. Насмотрелась, наверное, накануне «Тора», вот и видит то, о чем мечтает...» Эх, а она? Это все дурацкие Вадькины ужастики! Она и смотрела-то их в полглаза, да поди ж ты, дурное подсознание возьми, да выхвати из памяти этот нелицеприятный экземпляр...

Снеженика сладко зевнула, потянув с Ксюхи одеяло. М-да, насколько бы слаще спалось, явись к ней голый Тор... Уж она не Ксюха... Уж она бы точно рассмотрела... Она с упоением потискала теплое пузико шпица.

Томный свет луны разлился по полу спальни. Спала Снеженика, спала хитрая Ксюха, храпел, похрюкивая и подрыгивая задней лапой суровый Звздоцап, и никто из них не обратил внимание на одиноко лежащее на полу в лунном луче полотенце...

Глава 3

— ...и вот, значит, сижу я, сижу, ажно глазья уже устали и того и гляди как есть наружу ссыпятся, и спина уже болит, и ноги затекли, хучь бросай все да на печку бяги, а тут — глядь... фигура темная... да прямо ко мне и идет... — таинственно прошептала бабка Анисья и сделала многозначительную паузу.

По горнице растеклась холодящая кровь тишина, даже сверчок под печкой заткнулся, только и слышно, как поленья потрескивают, да ветер в трубе завывает. Дуняшка с Ульянкой переглянулись, поерзали нетерпеливо, поудобнее устраиваясь на сундуке.

— Ну а дальше-то что было, бабусь? Утащил тебя нечистый в геенну огненную? — Дуняшка зябко натянула на голову шаль и придвинулась поближе к сестре.

Бабка Анисья побряхтела, подкрутила фитилек у керосиновой лампы, чтоб горел поярче, и снова взялась за прялку. Тихо вертится резное колесо: монотонно, размеренно, убегают из сморщенных пальцев старухи шерстяные волокна, скручиваются косицей, да скользя тонкой нитью, на вьюшку наматываются.

— Да чур тебя, оглашенная. Слухай далее. Дык я и говорю — мужик. Да ладный-тс какой: высокий, да грудь колесом, и шуба-то на нем соболья, да шапка с камнями драгоценными. Ну, думаю, уж свезло, так свезло. Не иначе сам князь, али боярин какой в суженые мне досталси. А он то одним боком повернется, то другим: рисуется аки петух да на ярмарке, будто мне понравиться хочет.

— А ты?

— А что я? — бабка Анисья утерла двумя пальцами уголки рта и ухмыльнулась. — А я уж влюбилась, да планы на свадебку строю. И все-то мне в нем любо: и борода золотая, и усы, и удаль молодецкая, да вот глаза рассмотреть не могу, какого они цвета — пёс его знает.

Она снова остановилась, сменила вьюшку на новую и продолжила:

— И вот пытаюсь я их рассмотреть-то, значит, а он как понял — наклоняется и — батюшки святы! — гляжу, а глазья-то у него желтые, да зрачки в них вертикальные прямо как у нашей кошки Остапки!

— Ой! — в один голос обмерли девки.

— И вот он вперил зыркалы свои бесовские, да клешню свою ко мне тянет. Гляжу я, а на ей волосья черные, да когтища аки у волка. Тянет он енту лапищу-то, а она того и гляди из зеркала выскочит...

— Бабусь! Хорош девчат пужать! Ты посмотри, они же теперя и вовсе до свету не уснут! — Глаша бухнула у печи вязанку поленьев, скинула тулупчик и, стряхнув с него снег, бросила на скамью у печки. Бабке только волю дай — она ж своими рассказнями кого угодно до падучей доведет, это ж надо — додумалась девчат восьмилетних под Святки пугать.

— Дык я, можа, специально, в целях воспитательных, шоб не повадно было беса тешить, — хмыкнула бабка, а девчонки возмущенно засопели.

— Почто всё испортила, Глашка? — недовольно надула губки Ульянка, оборачиваясь к старшей сестре. — И почто дома до сих пор? Девки сегодня у Федосьи собралися и тебя звали. Шла бы, погадала что ли, а то так никогда замуж и не выйдешь!

— А ну цыц, еще цыплячий гребень учить меня будет! — насупилась Глаша. Гляди-кась, мелочь шкодливая, а поди ты, все она знает: кто да где, да по какому поводу. — А ну, кыш

спать!

— Вот еще! — тут же поддержала сестренку Дуняшка. — Замуж выйдешь, вот мужем и командуй, а к нам не лезь! Бабусь, дык что дальше-то было с лапищей?

— Ну ладнеть, и хвата на сегодня, — неожиданно поддержала Глашу бабка Анисья, видя как та, вспыхнув не хуже полена, что сейчас в печурку подкинула, возмущенно хлопнула носом. — И впрямь, поздновато уже. Давайте-кась, козочки мои, на печку прыгайте, а чем закончилось, я завтра скажу.

Девчата неохотно стекли с сундука и, мстительно зыркнув на Глашу глазами, понуро поплелись к печке.

— Давайте, давайте, — подбадривала их бабка Анисья, подсвечивая полати керосинкой. — Шалю пуховую бросить? Экий морозец сегодня разыгрался, ажно труба гудить. Глашка, надобнеть Маньку в сени из сарая забрать, суягная она. Эдак ежели в ночь разродится, дык замерзнет козленочек, жалко.

— Приведу, приведу...

— И коту запусти, вчера поутру пришел: вместо усов сосульки, об косяк зацепил — как есть все усы поломал, — Анисья, кряхтя, распрямила спину и шаркающей походкой направилась в свой закуток за печку.

— Да всех пушу. Трезора тоже? — Глаша накидала дров в печь и теперь ворошила их кочергой. Огненные искорки веселым роем взметнулись над углями, разлетелись с пеплом, оседая на празднично цветастую юбку девушки.

— А куды собралась-то? — бросила на нее мимолетный взгляд бабка. — Няужто к Федосье? Дык припозднилась ты чей-то, девки давно гуляют...

— А я про что? — свесилась с печки Ульянка. — Вечно ты опаздываешь, этак всех женихов разберут, останется тебе колченогий Кондрат да Гришка юродивый, — девчата завозились, тихо хихикая.

— И те сватать не станут, — щедро добавила от себя Дуняшка, и обе покатались со смеху.

— Уть вам, тараканья школота! — погрозила керосиновой лампой бабуся. — Эки языкастые занозы, прости господи, все в мать, как есть одна к одной!

А вот Глаша в отца пошла. Скромная, молчаливая, да телосложения богатырского. Не девка, а кровь с молоком! Такая и коня на скаку остановит, и мужика на коне, да и телегу одной рукой развернет. И все-то в ней складно да ладно: и коса толстая ниже пояса, и румянец в пол лица, и грудь арбузами, да вот поди ты... Не сватали ее парни, и дожила она в девках, страшно сказать, аж до двадцати пяти лет.

И попробуй пойми, что за оказия такая. Девка со всех сторон вроде справная. Да и в руках у нее все спорилось да ладилось: огород на зависть, куры жирные, а уж пироги такие печет, что ум отъешь. Чего греха таить, с семнадцати лет одна на себе все хозяйство тянет! Да какое хозяйство! И птица, и корова, и свиньи! А еще сад, огород и дом, да две сестренки-двойняшки, да бабка Анисья, да наполовину парализованный дед Данила.

Маманька Глаши умерла при родах, отца медведь в лесу задавил, и уже восемь лет одна только Глаша и была главой семьи. Поначалу сама женихам отказывала, мол, на кого я этих старых да малых оставлю, а как подросли девки, уж время ушло.

Глаша думала, что ушло, а вот ушлая бабка Анисья так не считала.

— А ну-ка, — она отобрала у нее кочергу и кряхтя уселась у печки. — Ступай. Ступай к Федосье, а я ужю послежу.

— Да я только оттуда, — пробубнила Глаша недовольно.

— А чаво ушла тадысь? Рано вроде разбредаться.

— За петухом послали, — словно оправдываясь, протянула она.

Девки на Святки гадали. Собрались у Федосьи, наварили кваса с пирогами и после праздничных гуляний, уже по традиции, принялись пытаться судьбу. То на картах, то на горелой бумаге. Шум, гвалт, да веселье.

Только Глаша эти посиделки не любила, поскольку была на них самая старшая. Федоська на шесть лет ее моложе, а уж тоже, почитай, засиделась. Но она лишь потому, что все с боярского дома сватов ожидала. Деревенские-то парни к ней почти все уже сватались, некоторые по второму кругу, да все от ворот поворот получили. Красивая девка Федоська, бойкая. Сказала, что за боярина выйдет, так выйдет — никто и не сомневался.

— Петух — дело хорошее... — думая о чем-то своем, проговорила бабуся Анисья, вороша поленья кочергой. — Ты колечко из шкатулки прихвати, да посмотри, авось сегодня он его отметит? А что? — неожиданно спохватилась она, — у Федосьи сваво петуха нету?

— Надысь лиса унесла, — горько вздохнула Глаша.

Бабуся усмехнулась. Ну да, унесла. Папашка ее унес на базар, да за полушку пропил. Также мне принцесса ента Федоська: ни кола, ни двора, ни приданого, а гляди ж ты, все царевичей да князей ей подавай...

— Ты токмо Клёкота Петровича не бяри... — сонно мотнув головой, посоветовала она. — А то потом беды не оберешься, собирай вас опосля по сараям да кустам, да жопы подорожником штопай...

— Так я пойду? — Глаша неуверенно покосилась на бабуку.

— Дык ты глухая шо ля, говорю ж — ступай! — отмахнулась Анисья.

— Да без жениха не возвращайся! — нагло поддакнули с печки.

Глаша зевнула, прикрыв ладошкой рот, накинула отцовский овчинный тулупчик — только он ей по размеру и был впору, намотала на голову праздничный красный платок с кистями и с обидой зыркнула на печку. Глупые блохи. Вот понятия нету — стоит ей замуж выйти, чай не в дом она мужа приведет, а сама от них уйдет, и придется этим двум пигалицам хозяйство на себе тянуть. Не понимают. Дети малые...

— Про Маньку не забудь! — строго напомнила бабуся. — И дверь шибче прижимай — дует!

Глаша вышла на крыльцо и зажмурилась. Эко намело с вечера! Снег пушистой белой периной укрыл весь двор, нарядил в теплые шапки сараи, укутал гибкие ветви деревьев, что сейчасгнулись к земле и надсадно потрескивали. Полная луна как огромный фонарь освещала все это великолепие, которое искрило серебром, переливалось россыпью камней драгоценных до боли в глазах.

Глаша восхищенно окинула взглядом двор. «Вот ведь чудо расчудесное!» Словно страна какая сказочная, а не её родная Авдеевка! В редких избах еще горели свечи, яркий огонек теплился и в оконце соседской избы, что стояла неподалеку от бани.

Баня с соседями у них была одна на два дома, что частенько практиковали на селе: мылись только по субботам, да и дрова запасать на две семьи споровней. Из соседской трубы, убегая в звездное небо, струился тонкий ручеек дыма, и Глаша невольно задумалась, отчего же Димитрий не спит?

Сосед Глаше нравился. Да что там — нравился? Она по-девичьи робела и краснела каждый раз при виде его могучей фигуры, когда он колол дрова у бани, али телегу починял.

Димитрий, как настоящий богатырь, и ростом вышел, и косая сажень в плечах, и кудри русые, да глаза голубые. Спокойный только, да неразговорчивый. Все делал основательно и молча. За девками не волочился, да в дурных делах замечен не был. Жил себе спокойно и мирно с батькой своим — пастухом Кондратом, летом помогал ему со стадом, собирал отбившихся коров, да по вечерам приносил на могучем плече из леса нерадивого папашку, который, выхлебав очередную поллитру «за радение отчизне», во все горло орал: «Куды прешь, оголтелая! Едрить тебя с колокольни, твою ж за рога, скотина пернатая!» И все это невозмутимо и молча, безропотно, как с дитем малым, на которое грех обижаться.

Уж не раз бабка Анисья намекала Глаше, мол, смотри, какой жених: и мужик видный, и руки золотые. Как будто она, Глаша, против? Да она бы хоть завтра вещи собрала, да к нему в дом пошла, да вот не нравится она ему.

Уж Глаша и так, и этак старалась: и дрова помогала рубить, и ворота грудью подпирала, когда соседская телка в подворотне застряла. Уж как старалась, ажно опору дубовую в два обхвата плечом вывернула. А по осени, когда дьяк на телеге напротив соседских окон в грязи завяз, дьяк она и телегу, и лошадь, и самого дьяка на своем горбу из грязи выволокла, да на церковный двор доставила.

А он опять не оценил. Хмыкнул только, головой покачал да в избу ушел.

А уж сколько слез она выплакала, когда по весне заслал ее Димитрий сватов к Федосье. Ох и рыдала Глаша, клочьями волосья на голове рвала. Спасибо Федоське — отказала ему. Скучный, говорит, да кровей не дворянских. А Глашу пожалела, да по секрету научила, как ласку да кокетство проявить, чтоб, значит, Димитрий, ее как женщину отметил.

Глаша послушалась, да в тот же вечер подловила его у бани, грудью могучей к стенке прижала, одной рукой короткую бороду в кулаке стиснула, второй разгладила курчавые усы, да в губы и поцеловала. Строго и холодно, чтоб понял, что не баловство енто, а намерения у нее самые, что ни на есть серьезные.

С тех пор Димитрий стал обходить ее за три двора, а баню заправлять дровами по ночам. А летом и вовсе жил на пастбище с отцом, лишний раз по двору не отсвечивая.

Глаша ступила в снег. Тот захрустел, а валенок провалился, едва не зачерпнув через

край. Все расчищенные поутру дорожки замело, и Глаша с грустью посмотрела на лопату, предусмотрительно оставленную на веранде. Нет. Если сейчас начать расчищать, то до свету и провозишься, а девки ждут петуха.

Она аккуратно, протаптывая себе валенками узкую тропку, добралась до коровника, с трудом отворила примерзшую дверь. В стойле сонно мыкнула Ночка. На ощупь отыскав в груди коз пузатую Маньку, Глаша поспешила отвести ее в дом.

В сильные морозы скотину частенько держали в снях. Поэтому еще с осени дед установил там деревянные перегородки, да подготовил временные загончики. Когда мороз особо озорничал, туда переводили даже кур.

Сейчас в снях, тихо пережевывая жвачку, посапывала молодая телочка Огневка, невесть как вопреки законам природы умудрившаяся родиться по осени. И вот теперь Манька составит ей веселую компанию.

Обустроив козу, Глаша вернулась к курятнику. Разгребла руками снег у двери, которая едва-едва открылась, и бочком с большим трудом протиснулась в узкую щель. В лицо пахло теплом и куриным пометом.

Едва перешагнув порог, тут же наступила на что-то большое и мягкое, которое, тихо рыкнув, лениво куснуло ее за валенок.

— Трезор? — Глаша нашарила руками огромный комок шерсти, который снова рыкнул и зевнул. — Ах ты ж, паскудник! Устроился неплохо? А я думаю, и чего это куры не несутся? А у нас тут Трезор дежурит!

Пёс облизнулся и снова зевнул, на этот раз довольный. Всем своим видом он словно говорил: «Имею право! Зато мимо меня ни одна лиса не проскочит». И то верно.

Глаша перешагнула через Трезора. Куры сгрудились на насесте высоко под крышей. И не видать ни зги. Чего, спрашивается, керосинку не прихватила? И как тут теперь Клёкота Петровича от других петухов отличить?

Петухов в хозяйстве Глаши было три. Двое молодых да неотесанных, из летнего выводка, да Клёкот Петрович — всему двору голова.

Клёкот Петрович имел на селе дурную репутацию. Даже не столько по причине излишней задиристости и клевачести, сколько потому, что отчего-то возомнил себя царем зверей.

Клёкот Петрович искренне полагал, что вся живность обязана чтить его величие и не имеет права и шага ступить без его благородного позволения. И ладно бы только в своем дворе, но нет. Клёкот Петрович ночами не досыпал, да днями не доедал, но умудрялся блюсти в поте клюва своего все соседние дворы, да нещадно карал всех неосторожных (включая даже лис), осмелившихся ненароком ступить на его территорию.

Людей в свои владения он пускал неохотно, но вынужденно, ибо те имели полезную привычку приносить ему зерно. Однако считал святой своей обязанностью после того, как кормушка будет наполнена, как следует наподдать кормильцу под зад, и с особенным удовольствием проделывал этот трюк с Глашей, потому что мелкие девки могли и валенком пнуть в отместку. Глаша же оглушительно визжала и убегала, теряя валенки, чем несказанно тешила большое самолюбие Петровича.

Соседские петухи, дворовые псы и даже наглые коты давно намотали на ус, что с Петровичем связываться себе дороже, и даже голодные лисы старались лишней раз не нарываться, о чем каждое утро свидетельствовала тонкая дорожка следов, аккуратно огибающая Глашин курятник и ведущая к соседнему двору.

Клёкот Петрович был петухом ответственным и свое дело знал, а посему исправно будил всю деревню в три часа утра независимо от времени года. Строго и по-военному строил всех домочадцев, а затем, наведя порядок во дворе, отправлялся демонстрировать свое величие простому люду.

При виде его белого хвоста обыватели скромно жались к заборам, а то и вовсе торопливо сворачивали в проулок, дабы не нарваться на неприятности. Ибо вся деревня помнила, как весной Глашин петух явился на церковное подворье, которое он, к слову, тоже отчего-то считал своей вотчиной, и устроил там незабываемый переполох. Чего только стоила бабка-попадья, улепетьяющая от него по грязным лужам с воплями: «Оглоблю тебе в дышло, прости хоспода, ирод куриный! Развели душегубов, наступить некуда, по душу мою грешную... Мефодий, неси топо-о-ор!»

На «ненавязчивые» советы подобру-поздорову отправить забияку в суп, Глаша только отмахивалась, а Трезор довольно урчал, ибо за то время, как в курятнике появился Клёкот Петрович, совсем забросил свои обязанности сторожа, полностью свалив их на петуха, разжирел и конкретно обнаглел, не утруждаясь даже тявкнуть лишний раз на посторонних.

Глаша тяжело вздохнула и, перекинув через руку мешок, осторожно ступила на хлипкую лесенку, ведущую на насест. Ноги скользили по застывшему помету, а руки сразу замерзли.

Не глядя пошарив рукой по сбившейся в кучу пернатой братии, она рассудила, что главный хозяин наверняка затесался где-то по центру. Поэтому, нащупав с краю пышный хвост, не раздумывая, цапнула его руками и запихнула в мешок.

Дело сделано. Чувствуя себя вороватой лисицей, она сунула мешок подмышку, прикрыла покрепче дверь курятника и спешно потрусила по залитой серебристым светом луны тропинке к дому Федоськи.

—

Дорогие друзья! Далее будем гадать на петухе)) От вас: при желании подписаться на страничку автора (вам все равно, а мне приятно), положить книгу в библиотеку, чтобы не потерять, блымнуть звездочку (если понравилось), записать печенюшками.

От меня: много юмора и хорошего настроения. При наличии петуха гадание можно повторить)))

— А вот этот на кривого Егора похож! Гляди, гляди, как ручищей загребает! А что, Дашка, пойдешь замуж за Егора?

— Не-ет, это не Егор, это ж дьяк наш! Смотри, и шапка набекрень. А нос-то, нос, какой длинный! Да борода козлиная!

— Ха-ха! Дык дьяк женатый! Не он енто! Это хряк поповский, тот, который в прошлом годе в конуре собачьей застрял, да прямо с нею по улице за пастухом Кондратом гнался!

— Не-ет! Это ж сам Кондрат! Смотри, смотри, за хвост коровий держится! Ха-ха-ха!

В горнице Федоськи набилось человек десять девок. Нарядные да румяные, они размазывали слезы смеха по лицу, пытаясь «прочитать» предсказание по тени на стене. Свеча в руках Федоськи плакала воском, огонек скакал, рисуя замысловатые тени, которые отбрасывал свернутый в комок и подоженный клочок бумаги.

Бумага рассыпалась искрящимся пеплом, когда Глаша, показавшись на пороге, громко хлопнула дверь. Вместе с ней в избу ворвался холодный вихрь, неся с собой кусочек той замороженной, чудесной красоты, что царила сейчас за окном.

— Глашка! Ты в район что ли на ярмарку за петухом ходила? — возмущенно вякнула Дашка — кузнецова дочка, принимая из рук Глаши мешок с петухом.

— И то правда! — поддержали ее остальные, — а можа в лесу тетеревов ловила? Вот же ты клуша, хоть за смертью посылай!

— Своих петухов надо иметь, — недовольно пробурчала Глаша, скидывая тулупчик на пол — прямо в ворох сваленных тут же одеж.

Федоська, откинув назад длиннющие черные косы, уже суетилась, сгребая ненужный хлам с большой деревянной столешницы. Бойкая девка, красивая, гибкая. Такая любому князю как ровня. И нарядиться-то умеет, и глазками поманить. Эта точно в этом году замуж выскочит.

Глаша завистливо проводила ее глазами. Вот бы ей так уметь! Ведь Димитрий, на что парень робкий, а и то на нее повелся. А вот ее, Глашу, за тридевять земель обходит, это ли не обидно?

Федоська тем временем, закончив разгрести стол, щедро сыпанула на него пшена и хлебных крошек. Разгрела их так, чтобы образовалось кольцо и, установив по углам стола керосиновые лампы и свечи, бойко пригласила девчонок.

— Кольца в пшено кидайте!

Девки, хихикая, разложили в круг из пшена свои колечки. Глаша тоже, потихоньку выудив его из кармана, положила с краешку. Особой надежды она не питала. Разве что, бабка Анисья подсуетится, да зазовет сватов из соседней деревни. Мало ли, может, у них там жених какой неказистый без надобности затесался. Она уже была согласна и на такой вариант, лишь бы не видеть этих то сочувственных, то насмешливых взглядов.

— Выпускай петуха! — скомандовала Федоська, и девки, взявшись за руки, дружно затянули заговор: «Петушок-батюшка, в круг выходи, счастье мое отыщи, правду открой, ничего не таи!»

На последней фразе Глаша подняла мешок и торжественно вывалила в подсвеченный круг петуха. Твою же м... мышь..!

Голоса мгновенно смолкли, и изба погрузилась в мрачную, трагическую тишину.

Казалось, даже псы за оконцем заткнулись, предчувствуя неладное. Девки не то, чтобы продолжать завывать заговор, даже дышать боялись.

— Глашка, — наконец отмерла Федоська, — ты смерти нашей хошь? Ты зачем это чудище бесовское сюда притащила?

А Глаша и сама обалдела. Клёкот Петрович, собственной персоной, нахохлившись восседал на столе, шурил глаза, но, на великое счастье незадачливых гадалщиц, пока еще не до конца проснулся и смутно осознавал где он, и зачем его сюда принесли.

— Дык... — попыталась оправдаться она, но на нее дружно зашипали. Девки осторожно отступали от стола, тихонечко, чтоб не приведи господи, ничем не громыхнуть, а просто побыстрому схватить шубейку и выскочить на улицу.

Тем временем петух, пригревшись в тепле избы, распустил перья и, лениво приоткрыв один глаз, сурово огляделся. К всеобщему удивлению и вопреки собственным правилам, Клёкот Петрович продолжал спокойно восседать на столе, вероятно плавая где-то в курином полусне. Ему явно импонировало столь активное внимание, а разглядев разбросанные вокруг угощения и драгметаллы, он и вовсе приосанился и гордо выставил вперед одну лапу.

Девки дружно охнули, но тут же заметили, что Петрович ненароком наступил на колечко Федоськи.

— Гляди-ка, — прошептала Дашка. — Твое кольцо отметил! Как есть в этом годе замуж выйдешь, да точно за боярина!

Федоська смерила всех высокомерным взглядом.

— И что встали, как коромысло проглотили? Надо уважить чудо-вестника. А ну, заводи! Называть Клёкота Петровича петушком разве что Гришка-юродивый отважился бы, поэтому песню быстро переделали:

— «Клёкот Петрович-батюшка, в круг выходи, счастье мое отыщи, правду открой, ничего не таи!»— в полголоса, почти шепотом пропели девчонки.

Хищный птиц открыл второй глаз, повернув голову вбок, подозрительно покосился на угощение и неожиданно клюнул приглянувшееся ему зернышко прямо из колечка Глаши!

Колечко встало на ребро, покатилося и бухнуло под стол.

— Во! — резюмировала Дашка, — Глашка замуж выйдет, да жених ее обратно возвернет!

— Не-ет, — поправил кто-то из девок. — Жених сватать приедет, да так и помрет от красоты невиданной!

Девки засмеялись, а Глаша, выудив кольцо из-под стола, грозно заявила:

— С петухом гадают на полу, не знали что ли? С чего ты, Федоська, на стол его втащила?

Клёкот Петрович несанкционированных разговоров не поощрял, поэтому, растопырив крылья, выдал первое предупредительное «Ко-о». В избе ему нравилось больше, чем в холодном курятнике, поэтому разгром учинять он не спешил, а поскольку барышни резких движений не делали, а просто восхищенно пялились на его непревзойденное величество, до поры до времени милостиво прощал им их присутствие.

Конечно, Клёкоту Петровичу было бы гораздо приятней, будь вместо них в его чудесном сне породистые курочки, но сон сам по себе был так приятен, что «просыпаться» он не торопился.

Девки, быстро скумекав, что временной заторможенностью петуха грех не воспользоваться, подкинули еще зерна и хотели было снова затянуть заговорную, но тут

случилось страшное.

Кузнецовская Дашка то ли простыла, на празднике гуляючи, а может, просто шерстинка в нос попала, но девка сморщилась, пожевала губу и вдруг оглушительно и зычно чихнула.

От богатырского чиха проснулся Федоськин кот, все это время сладко дремавший на подоконнике, подскочил, ударившись об оконную раму и по инерции отскочил на стол, где и налетел на возмущенно растопырившего крылья Клёкота Петровича.

Даже с полусна узрев масштаб назревающего конфликта, кот поспешил ретироваться со стола, сбив при этом пару свечей, но было уже поздно.

Клёкот Петрович, взревев громовое «Кто-о?», бросился на несчастного бедолагу, который в свою очередь, не будь дураком, тут же нырнул под ноги хозяйке. Заорав дурным голосом, Федоська отшатнулась к печке, где споткнулась о кочергу и упала в лукошко с заготовленным на зиму луком.

В избе стало заметно веселее. Крики, вопли, ругательства, причитания, хлопанье крыльев, кошачий ор — все смешалось в один бесовский хоровод. С шестков с грохотом посыпалась посуда, щедро устилая пол мелкими черепками.

Шум поднялся такой, что проснулись и мамаша, и бабки, и братья Федоськи, и даже папаша, напившийся вусмерть накануне и не планировавший приходить в сознание еще, как обычно, дней пять, тоже в ужасе вскочил и бегал по горнице вместе со всеми в поисках выхода.

В деревне проснулись собаки, подняв дружный гвалт, плавно переходящий в вой как по покойнику. Да что тут говорить, орали так, что и покойники на кладбище наверняка повскакивали, или поглубже в землю зарылись.

Девки не глядя хватали одежду и, сметая все на своем пути и спотыкаясь друг через друга, ломались к выходу. В двери образовалась пробка.

— Свечку затуши, пожар устроишь!

— Пожа-а-ар!

— Где пожар?! Полоумная, прости хосподи!

— Отцы небесные, спаситяя-помогитя, пощадитя душу мою грешную, как есть всю поломали, ни одной косточки целехонькой не осталось!

— Люди добрые, да что ж это деется? Ни за что, ни про что живую душеньку убивают, отойди уже от двери, дура!

— Укусил! Аааааа! Батюшки мои, святые угодники, всю руку же по локоть откусил!

— Чаво орешь как оголтелая? Кто укусил? Петух?

— Кот укусил твой окаянный! Под шубу забился, подлюга, всю руку по локоть оттяпал!

— Мать честная, царица небесная, защити!

Федоська, забившись в угол, прикрывалась печной заслонкой как рыцарь щитом.

— Глашка! Мешок хватай! Да на голову ему... Куды? Петуху! Энто кот! Да что ж ты криворукая!

Федоська неуклюже встала, корзина с луком перевернулась, и круглые луковицы покатались по полу прямо под ноги полуночных паникёрш. Первой упала Глаша, утянув за собой бегущую за мешком Федоську. Гулкий звук упавших тел разбавил грохот металлической заслонки и полупридушенный кошачий мявк.

Возле двери раздались вопли и хлопанье крыльев, возвестившее, что противник взлетел на полати и собирается атаковать с воздуха. Ситуация стала совсем критической, когда потухла последняя свеча. Вне себя от ужаса впотьмах, девки выдавили грудями дверной

косяк и высыпались в сени.

— Хватай! — Федоська, подцепив мешок, как лебедь взмахнула крыльями и сверзилась на пол, поскользнувшись на очередной луковице, но Глаша, подхватив ее героический порыв, на четвереньках добралась до двери и прямо на пороге исхитрилась-таки накинуть мешок на голову коварному драчуну.

Хватаясь за бока и охая, девки высыпали на улицу, на ходу обуваясь в чьи попало валенки и костеря на чем свет стоит и Глашу, и ее ненормального петуха, которого по поверью теперь еще целый год нельзя рубить, потому что он предсказатель, Федоськиного кота, саму Федоську, друг друга и весь белый свет в придачу.

Глаша, дабы не слушать льющиеся на нее из ведра пожелания, прижала к груди притихший мешок, и опрометью бросилась домой.

Глава 6

Тихо скрипнув калиткой, Глаша тяжело прохрустела валенками к крыльцу. Мысли роились невеселые, навевая тягучую тоску.

Она бросила унылый взгляд на дом соседа. Тот подмигнул ей темными окнами, в которых отразилась луна.

«И почему это не глаза Дмитрия?» — тяжело вздохнула Глаша. А он, наверное, сейчас спит. Один... В своей постели. И никогда ей, Глаше, не войти в его дом хозяйшкой. Не согреть холодную постель морозной зимней ночью...

Она громко хлопнула носом, невольно издав звук, похожий на короткий вой, смахнула снег с валенок корявым веником и, понутив голову, побрела в избу.

В сенях было холодно и темно. Бросив мешок на пороге, она на ощупь подкралась к старинному колченогому буфету и, поднявшись на цыпочки, отыскала на полочке пару огрызков свечи. Вместо подсвечников подставками им служили кружки с просом, щедро залитым застарелым воском.

В импровизированном стойле фыркнула Огневка, приветственно мекнула пригревшаяся у ее теплого бока Манька. Приглядевшись, Глаша заметила удобно устроившегося на Манькином обильном пузе кота с напрочь «обритыми» усами.

— Сидишь? — подсветив огарком свечи, поинтересовалась она у него. — В избу пойдешь, на печку?

Кот одобрительно мявкнул, потянулся и гордо просеменил к двери в горницу, из-за которой раздавался раскатистый храп деда. Глаша пустила его внутрь и хотела было зайти сама, но замешкалась, что-то обдумывая, и решительно захлопнула дверь. Ну их! Девки опять будут смеяться, бабуся сочувственно мотать головой. Неважно, что они все спят — все равно именно такая картинка крутилась у нее перед глазами. Глаза щипало, и она понимала — сейчас заревет, а значит, разбудит всех, и придется рассказывать, что никого она не нагадала, что женихи от нее даже ненагаданные под стол текут.

Тихо всхлипнув, она присела на большой дубовый ларь с мукой. Перед глазами снова проплыли могучие плечи Дмитрия, его спорые руки и мягкий взгляд. Эх, какой мужик кому-то достанется! Кому-то, а не ей...

В углу что-то зашевелилось и недовольно заклокотало. Глаша ахнула: «Клёкот Петрович! Вот же дура, замечталась, да петуха в избу с собой притащила!». Идти в курятник не хотелось. Снова обуваться, вязнуть по колено в сугробах, да на соседскую избу любоваться... Нет! Она подошла к мешку, аккуратно подцепила его и, долго не раздумывая, вытряхнула в теплую рогатую кучу.

Подержала в руках мешок, тупо на него таращась, и вздрогнула от внезапно озарившей ее мысли. Была, не была! Святки — это время для гаданий, и когда, как не сейчас стоило бы попытать судьбу? Хотя бы разок! А что, если есть у Глаши шанс? Хотя бы ма-аленькая надежда? Тогда она еще поборется, не опустит руки и никому своего Дмитрия не уступит!

Глаша пружиной подскочила с ларя и, подхватив огрызок свечи, нерешительно отворила дверь в чулан. В детстве бабуся говаривала, что в чулане живет домовая, и девки отродясь сюда ночью не заглядывали. Глаша зажмурилась, кто его знает? Сейчас как откроешь глаза, а он там сидит... в темноте! И лапищи волосатые!

Жуть! Сама чуть не взвизгнула от своих мыслей. Стараясь не глядеть по сторонам, она

быстро отыскала в куче хлама большое старинное зеркало, и еще одно — поменьше, еще мамкино, и быстро выскочила обратно в сени. Осмотрелась с опаской. Но близость рогатой живности, тихо вздыхающей у стены, и сонное «кооо» Клёкота Петровича ее успокоили. Она сняла с гвоздика у входа старый дедов тулуп и, бросив его возле ларя, удобно устроилась прямо на нем.

«Ничего, ничего, — успокаивала она себя. — Бабуся просто девок страшит, а сама сто раз так гадала». Зеркало-то ее, да непростое. Сама когда-то говорила, что деда Данилу так же нагадала, и никакой он не с вертикальными зрачками. Тут главное, мешок вовремя на зеркало набросить и сказать «Чур меня», — это Глаша точно знала.

Она неуклюже установила зеркала на слегка выпуклой поверхности ларя. Коридор вышел кривой и грязный: зеркало было в разводах и паутине. Пара огарков свечей, которые она установила по бокам, чадили, мерцали, шипели воском и грозили вот-вот потухнуть, но она не обращала внимания на все эти мелочи. Перед глазами стоял сосед, и она сейчас бы все на свете отдала, лишь бы увидеть его в зеркале.

— Суженый мой ряженный, приди ко мне ужинать... — вздрагивающим голосом прошептала Глаша и не мигая уставилась в зеркало.

Но как она ни вглядывалась, как ни старалась — ничего, кроме мутных разводов, зеркало ей не показывало. Глаша заскучала, затосковала, а потом и вовсе стало страшно. Кромешная тишина окутала со всех сторон: ни одного живого звука, лишь тихо трещат половицы, да ветер гуляет в трубе — гудит и пугает, а может, это домовый?

Глаша поежилась. Ночь то чудесная, святочная. Сейчас вся нечисть на прогулку вышла, пляшет, потешается. А она здесь одна. В вязкой темноте ночи.

«А что если придет тот, другой? — неожиданно подумалось ей. Который к бабке приходил?» Она цепко ухватилась за мешок. Вот ее спасение! Никакого другого она из зеркала не выпустит, есть у нее на этих бесов управа.

Тихий шелест крыльев за спиной заставил ее обмереть, обливаясь холодным потом. Рядом с зеркалами, едва не затушив крылом огарок свечи, приземлился Клёкот Петрович. Уселся, нахохлившись, на крышку ларя и голову под крыло спрятал.

«Вот хорошо, — подумала Глаша. — Живая душенька рядом, и не так страшно. Пускай сидит, коль не буянит».

Спина устала, и шея ломила нещадно. Глаша поудобнее устроилась на тулупе и, сложив перед собой руки, тяжело опустила на них голову. Глаза щипали и слезились, разводы в зеркале скакали вместе с потухающим пламенем свечи, Глаша видела только оранжевые всполохи в густом тумане и мутные разводы в темноте.

Глаза неумолимо слипались, но она героически распахивала их и заставляла себя смотреть дальше. Сейчас, вот сейчас она увидит Димитрия, и все образуется... Уж тогда-то она его не упустит. Главное знать, что он по судьбе ей, главное знать... Тяжеленные веки совсем перестали слушаться, голова стала чугуной, а в ушах послышался колокольный звон.

Перед глазами мелькнула гибкая мужская фигура в кафтане. Длинные темные волосы, хищные черные глаза. Мужчина хитрозубо оскалился и погрозил ей пальцем. Потом улыбнулся и медленно поманил ее к себе. Мешок выскользнул из пальцев, а голова тяжело опустилась на руки. Спала Глаша.

Синеглазый блондин улыбнулся Снеженике и игриво ей подмигнул. А та и обмерла, не смея двинуться, только громко сглотнула, разглядывая, как длинные золотые локоны, струясь, опадают на могучие плечи, как играют под гладкой смуглой кожей рельефные мускулы груди. Спустилась глазами ниже, охнула и вконец пропала, залипнув на упругих кубиках пресса.

— Тор, — представился блондин, протянув Снеженике могучую руку.

Вот это да! Снеженика аж задохнулась от неожиданности и восхищения. Хватанула ртом воздух, закашлялась, попыталась встать, но не смогла. Потом, сообразив, что она все-таки девушка, кокетливо вложила в нее свою дрожащую ладошку, которая показалась бесконечно маленькой по сравнению с его ручищей.

Сексуальный скандинавский бог галантно прикоснулся к ней губами в знак приветствия и пошло улыбнулся.

— А ты?.. — явно заигрывая продолжил он.

Она было открыла рот, чтобы достойно представиться, но красавчик внезапно перебил ее:

— Глаша?

Что? Какая еще Глаша? Что он несет?

— Глаша? — уже настойчивей повторил блондин и требовательно потряс ее за плечо.

Снеженика возмутилась. Вернее, хотела, но слова отчего-то застряли у нее в горле, она могла только возмущенно сопеть и испепелять непонимающим взглядом странного красавца. Все так красиво начиналось, и вот пожалуйста! И что, скажите, на него вдруг нашло?

— Глашка! — вдруг не своим голосом заорал Тор и, обхватив ее за плечи, встряхнул так, что в глазах потемнело, а перед взором поплыли разноцветные круги.

Снеженика попыталась вырваться, набрала воздуха в легкие, чтобы высказать этому дуболому, что с девушками так не знакомятся, и... проснулась.

Ну как — проснулась... Скорее, в другой сон попала. Снеженика вяло лупанула глазами, перед которыми в предрассветном тумане плавало испуганное сморщенное лицо какой-то старухи.

— Глашка! Ты чего, оглашенная, перебродившего квасу у Федосьи вчера накала? — строго спросила старуха, встряхивая ее за плечи. — Экась дурища, прости господя, в сенях додумалась уснуть. Застудишь все хозяйство, дитев потом в капусте искать будешь?

Старуха потрясла ее еще немного, потом, прошаркав куда-то в сторону, загромычала ведрами.

— Ночку иди доить, слышь, как орет? Должно быть, вымя тянет. Ты с вечера ее подоила?

Какую ночку? Кого доить? Снеженика тупо уставилась на бабку, которая никуда не исчезала, а напротив, подсвечивая себе керосиновой лампой, виделась куда более, чем отчетливо.

— А ентот тут откуда? — вылупила глаза бабка, и Снеженика, проследив за ее взглядом, наткнулась глазами на большого красного петуха с белым хвостом, который сидел

рядом с ней на крышке какого-то сундука и совершенно по-человечески недоуменно блямбала глазами. — Говорила ж надясь, Клёкота Петровича не тронь! — почему-то переходя на шепот, проговорила бабка. — Сейчас ведь проснется — всё! Хучь из дома бяги!

Петух оглянулся по сторонам, потом неуверенно поднялся на ноги и издал какой-то странный хлюпающий звук. Сам этого звука напугался, попятился и сверзился задом с сундука.

— И ентот квасу нахлебался? — удивленно глядя, как тот, попискивая, забился в угол, спросила бабуля. — И то думаю, отродясь такого не бывало, чтобы Клёкот Петрович рассвет пропустил! А ну-кась, забирай его, покуда пьяный, да в курятник!

Снеженике этот сон не понравился. Бабки какие-то, коровы, петухи... Куда как лучше обнаженный синеглазый красавец...

— Верните мне Тора, пожалуйста, — томно пробормотала она и, поевшись, закрыла глаза.

— Чаво? Глашка, да ты белены объелась что ли? — бабка снова потрясла ее за плечи и, не церемонясь, с размаху шлепнула ладонью по щеке. — Просыпайся, говорю, корова не доена!

— Аааааа!

Снеженика вскочила, схватившись за щеку. Та совершенно по-настоящему горела, так же, как и окоченевшие ноги, да и сама она в целом уже просто тряслась от холода.

Тусклого, едва уловимого света из маленького оконца едва хватало, чтобы разглядеть большое, холодное помещение с деревянными стенами, на которых хаотично были развешены чьи-то тулупы, деревянные сани, коса, что-то похожее на хомут и пучки высушенных трав. С улицы доносилось то унылое, то требовательное мычание и лай собак.

Бабка, подсвечивая керосиновой лампой, возилась в углу, где из загона слышалось чье-то бляение, короткие помывкивания и смачный чавк.

— Телке сама дам, а ты ступай, — снова приказала бабуся, — да лопату прихвати — намело с вечера, до сараев не добраться.

Снеженика осторожно принялась. Характерный запах деревенской скотины резанул тонкий нюх, она уже сталкивалась с чем-то подобным в деревне у Вадьки, куда он возил ее знакомить с дедом. Этой встречей она не прониклась и поспешила утащить его обратно в город, и вот теперь — словно снова вернулась в его Авдеевку. Что это за сон такой реальный?

Она незаметно ущипнула себя за руку. Ого, больно! Ну нет, ну что за бред? Это же не может быть реальностью? Она потерла место ущипа и посмотрела на руку. Да это даже не ее рука! Толстая какая-то и грубая! Снеженика с ужасом ощупала свое лицо, богатую грудь и замерла, обхватив пальцами толстенную золотую косу... Мамочки!

Бабка сунула ей в руки ведро и мокрую тряпицу и подтолкнула к двери.

— Ступай, говорю! Да дровец занеси, а я покуда печку истоплю. Шевелись, Глашка! Квашню ставить пора, вчера девки хлеб последний пожрали, чаво ты стоишь, как оглоблю проглотимши, словно впервой меня видишь?

— М-ма-ма-а...

Снеженика попятилась и, выронив ведро, отступила назад. Наткнулась на загон с теленком, который, подцепив на еле заметные рожки деревянную кадку, задрал голову вверх и смачно чавкая что-то оттуда вылизывал, и отчаянно взвизгнула.

— Глашка, ты чаво? — строго прищурилась бабка, освещая ее керосинкой.

Только сейчас она скользнула беглым взглядом по ларю, на котором все еще красовались два глядящих друг на друга зеркала. Что-то прикинув в уме, поискала глазами и, наткнувшись на одиноко брошенный у ларя мешок, строго взглянула на Снеженику.

— Гадала? — ткнув пальцем в зеркало, каркнула она. Да так, что Снеженика вытянулась в струнку и, взглянув на зеркало, утвердительно кивнула.

Странно, но оно показалось ей знакомым. Очень сильно похоже на то, с помощью которого она гадала, только новее и оправка немного не та. Так что Снеженика вовсе бабке не соврала, она действительно гадала.

— И зеркало не накрыла? — так же строго рыкнула бабка.

Мутное сознание выловило где-то в глубинах памяти ксюхино полотенце, о котором она и думать позабыла. Не накрыла, точно. Снеженика снова испуганно закивала.

Бабка истово перекрестилась и, шагнув к ней, строго заглянула в глаза:

— Ты ли, Глафира? — наигранно ласково поинтересовалась она.

Мягко так и многообещающе, что сразу понятно — ничего хорошего не жди. У Снеженики сразу живот свело от страха, да спина покрылась мурашками. Колени подкосились, вот-вот не удержат тучное тело, она затряслась, скривила губы, готовая вот-вот сорваться в рыдания, и отрицательно покачала головой.

Бабка окинула ее недобрый взглядом, отступила, сняв со стены пучок какой-то травы, затем снова подошла с ней и неожиданно и от души хлестанула этим пучком ей по голове.

— Изыди! — заорала она так, что у Снеженики уши заложило. — Изыди, нечистый! — и снова отходила ее полынным веником.

Дыханье сперло от страха, Снеженика отступила назад, споткнулась о деревянную перегородку загона и, не удержавшись на ногах, рухнула прямо в стойло к козе.

— Ксения-я-я, помоги! — только и успела непослушным языком проблеять она, перед глазами поплыл туман, и сознание погрузилось во тьму.

Глава 8

— Стало быть, померла? — скрипучий старческий голосок прорезал непроглядную темень бессознания, и сквозь едва приоткрытые веки Снеженика увидела свет.

— Да чур на тебя, пенек старый! Иди вон на печку, окаянный, беду еще накличешь! Дык, как вы говорите, батюшка? Мешок муки и козу?

— Дело зело нечисто, тут надуть во здравие славить, да обрядом беса гнать, а это сложно, — густым громовым басом проговорил кто-то рядом и затянул нараспев, налегая на букву «о»: — Помолимся во здравие рабы божьей Глафиры, за душу ея грешная... И бутылъ медовухи накинъ, тады быстрее пойдет.

Снеженика испуганно зажмурилась, а бабка, потоптавшись неуверенно, возмутилась:

— Чавой-то у тебя, отец Игнат, расценки какие-то запредельные, не по-людски это!

— А будить меня до свету по-людски? — гаркнул тот. — Девка твоя, сама говоришь, одержимая! Можя, и вовсе не она уже, а сам бес во плоти! Подумай, старая, чаво будет, коли люд мирской узнает? Каменьями забьют, да в омут! — пробасил поп, и у Снеженики совсем отпала охота «просьпаться».

— А можя и не одержимая, чай я сама слыхала, как она святую Ксению-заступницу призывала! Стало быть, не оставила ее святая! — не унималась бабуса.

— Экая ты жадная, Анисья, — досадливо пробасил отец Игнат. — Одна у вас девка, да на выданье, ославится по селу — какой идиот ея посватает? А тебе козу жалко... Гони сама тадысь беса, а я погляжу!

— Дык чего его гнать? В мешок — да в прорубь, — снова вставил свои пять копеек дед, но бабка цыкнула на него и обернулась к попу.

— О-хо-хо... ну что ж, согласная я, — еще какое-то время посомневавшись, смирилась она. — Но только без медовухи!

— И то ладно, — довольно хлопнул в ладони поп и вдруг как гаркнет прямо в ухо Снеженике: — Вставай, дочь людская, да очи свои до свету яви!

Та, хоть и не хотела выдавать, что проснулась, подскочила и осоловело огляделась. Небольшая избенка, да печка беленая. Сама она сидит на небольшом топчане, возле которого задумчиво топчется все та же бабка, да размахивает руками здоровенный мужик с окладистой бородой и в рясе. На лавке возле печки притулился плюгавый старичок с ехидными глазками и козлиной бородкой. Уперевшись сморщенными ладонями в кривой бадик, он с интересом взирал на происходящее, а с печки с не меньшим любопытством смотрела еще пара глаз.

Обстановка вся из себя по-деревенски простая: одежда, прялка у стены, да и весь нехитрый скарб. Куда ее забросило? Понятно, что в село, но больно тут все по-киношному как-то. Снеженика похолодела, чувствуя, как сворачивается в животе тугой комок страха, с трудом сглотнула и вытаращила испуганные глаза на попа. Актер или настоящий? Похоже, что второе...

— М-ма-мааа... — шепотом протянула она, потому что голос предательски пропал.

— Как есть помрет, — резюмировал дедок, — уже и мать призывает, а та уж восемь лет, как померла...

— Да чтоб ты, старый, окошел! — тут же взъелась на него бабка, замахиваясь полотенцем. — Мало нам горюшка, Глашка ополоумела? Ты еще!

Она от души отходила его пару раз рушником, но дед, видимо, уже привыкший, только крякнул и усмехнулся в седые усы.

— Видали? — оживился поп, обличаяще тыча пальцем в Снеженику. — Крестом святым себя не осенила. Точно вам говорю — бес енто! Тут гнать долго придется, да соседей позвать надобно, мужиков посильнее, чтоб держали.

— Куды тебе соседей? — тут же зашипела на него бабка. — Сам говорил — народ прознает, сплетни пойдут. А оно мне надо? Сами справимся. Ты, батюшка, говори, что делать надобно, а я подсоблю, — с готовностью засучила рукава бабка и, поймав вопросительный взгляд попа, добавила: — И два литра на обогрев души. Но это опосля!

— Добро! — пробасил отец Игнат и довольно хмыкнул.

Снеженика замерла на топчане, боясь даже дышать. Нет, книги про попаданок она не раз читала, вот только никак не ожидала нежданно-негаданно вдруг оказаться на их месте.

«Вот же нефартовая, — думала она, пока поп, приказав бабке принести ведро воды, творил над ним какие-то молитвы, осеняя крестом. — Ведь везет же некоторым, во дворцы к властным властелинам попадают, или к кому там еще... в постели к мускулистым драконам, на худой конец, к эльфийским принцам каким-нибудь, а она? Что это? Древняя Русь или чудом затерянный с советских времен в глухих лесах колхоз?»

Особо размышлять было некогда, ибо отец Игнат, не теряя времени, уже затеял процедуру изгнания. Он достал из-за пазухи кропило и, щедро обмакнув его в ведро с водой, что есть силы брызнул в лицо Снеженике.

— Отведай водицы святой, нечистый. Изыди! — гаркнул он громовым басом так, что стены задрожали, а зубы Снеженики самопроизвольно клацнули.

Она захлебнулась водой, хватанула ртом воздуха и закашлялась. Но отец Игнат дело свое знал, и тут же отпустил ей новую порцию ледяного душа, да еще от души добавил мокрым венником по щекам.

Распахнув глаза, Снеженика повалилась с топчана и — откуда только голос взялся? — что есть силы заорала. С печки раздались испуганные вопли и плач, и бабка поспешила задернуть занавеску:

— А ну, — шикнула она на двух бледных, как полотно, девчонок. — Неча тут смотреть, не дитячье енто дело, сидите тихо!

— Видали? — торжествовал поп, продолжая низвергать холодные потоки на впавшую в оцепенение от страха Снеженику, — не нравится бесу водица-то святая! Сейчас мы его, паскудника, оттуда ладаном выкурим! А не выкурим, так плетью выгоним! Анисья, неси кнут! — снова гаркнул он и монотонно и густо затянул молитву.

Как ни странно, холодная вода привела Снеженику в чувство. Что? Кнут? А ведь он серьезно! Перед глазами запестрили мельком виденные картинки из интернета. Что они там еще с одержимыми делали? На костре, кажется, сжигали? Или это не на Руси? Мамочки, да неважно же!

— Изыди! — снова заорал поп, вода вокруг ее головы чадящим кадилом. — Анисья, кнут в ведре с водицею святою замочи!

Снеженика зажмурилась, а сердце, кажется, упало на пол и закатилось под топчан. В воздухе просвистела упругая петля и щелкнула кончиком о деревянную половицу.

— Сдаюсь! — вдруг неожиданно сама для себя заорала Снеженика, прикрывая руками голову. — Я это, я, батюшка поп, а никакой не нечистый!

Прозрение пришло неожиданно. Сейчас главное избавиться от этого борца с нечистью,

а уж все остальное — потом. Сердце колотилось как бешеное, тело бросило в жар, она опустила руки и смиренно взглянула в суровое лицо отца Игната.

— А ну-ка? — батюшка, собрав кустистые брови на переносице, строго заглянул ей в глаза. — Как звать тебя, дочь горемычная?

— Глаша... Глафира! — обмирая от страха, ответила она.

— Добре, — согласился поп, вполне довольный собой. — А енто кто? — он резво ткнул рукояткой кнута в бабку.

— Бабушка... Анисья... — с трудом, но припомнила необычное имя Снеженика.

Но отец Игнат не унимался, продолжая экзамен.

— А ну поведай мне, как деда тваво звать? — громовым голосом наседал он.

А вот тут проблемка. Деда-то никто по имени при ней не называл. Снеженика вытаращила на него глаза, судорожно соображая, что ответить, и понимая, что вот-вот заревет, все испортит, и не миновать ей кнута.

— Протопопий Микеньгьевич, — неожиданно пришел на помощь дед, довольно хрюкнув. Похоже, он тут единственный, кому этот цирк по душе пришелся, — ты есчо про кота спросить не забудь!

— Дык козел ты бородатый, а не Микентьевич! — снова всплеснула руками бабка. — На погост скоро, а он все веселится аки дите малое, прости хосподи!

— А чаво ж не веселиться, коли весело! — снова крякнул дед и добавил уже строже: — Чаво пристали к девке? Нормальная она! Приснилось чей-то, а ты как курица ошпаренная — сразу за батюшкой! Почто девку по селу славишь? — он строго постучал бадиком по полу, и бабка, было открывшая рот, чтобы возразить, неожиданно покорно примолкла. — А ты, отец Игнат, ступай! — продолжил дед. — Спасибо, что не отказал, муку и козу я тебе сегодня на телеге доставлю. Ступай, да не болтай лишнего. Анисья, отсыпь литра три за работу, не скупись, чай старался человек.

Отец Игнат, не особо обращая внимание на деда, оглядел дело рук своих и довольно крякнул. Удовлетворенно потер ладони и свысока взглянул на бабку, всем своим видом говоря, мол, видали? Мастерство не пропьешь.

— Епитимью на тебя налагаю, чтоб не повадно было беса тешить! — погрозил он пальцем Снеженике. — «Отче наш» десять раз на дню читать и земные поклоны о сорок шпук бить, да от причастия святого до Крещения тебя отлучаю!

— Благослови тебя мать, царица нябесная, что в беде не оставил, да от супостата нечистого избавил, — размахисто крестясь, поклонилась попу бабка Анисья. — А пойдёмка, батюшка, провожу тебя, да для успокоения душевного лекарства добавлю.

Снеженике понадобилось несколько минут, чтобы перевести дух. Она уселась на полу, вытирая мокрое лицо уголком красного цветастого платка, что болтался у нее на шее.

Дедок кряхтя поднялся и, опираясь на бадик и подволакивая ногу, подошел к окну. Проводил глазами до калитки донельзя довольного батюшку, который обнимая одной рукой трехлитровую бутылку мутного самогона что-то самозабвенно втолковывал семенящей рядышком бабуле, и обернулся с Снеженике. Усмехнулся в усы, причесав пятерней небогатую бороденку:

— Дед Данила меня кличут, будем знакомы!

Еще несколько минут она тупо просидела на полу, хлопая глазами, пока бабка Анисья разбиралась со своими домочадцами. Две девчушки с печки после долгих уговоров, споров и угроз были вытолканы бабкой за дверь: одна — с лопатой, вторая — с ведром. Кот, на всякий случай, отправлен туда же, а вот дед удалиться из избы напрочь отказался, мотивируя тем, что «куды ж такая театра, да без меня».

Бабка поругалась, поворчала, погрозила рушником, но смирилась и, наконец, обтерев руки о передник, уселась на топчан рядом с незваной гостьей.

— Ну рассказывай, кто есть такая, да как звать? — с недоверием оглядывая ее, начала она. — Отца Игната, можа, провела, токмо меня не проведешь. Я с такой оказией уже встречалась. Так что говори смело, да на деда не смотри, ему все одно в селе никто не поверит: дурной, аки Петрушка на ярмарке.

Снеженика растерялась. Сейчас, когда сковавший тело ужас начал потихоньку отпускать, навалилась дикая усталость. Ей казалось, что все это сон и хотелось только одного — побыстрее проснуться в своей кровати, под теплым боком вдруг ставшего до боли в сердце любимым и родным Вадьки, а все вот это, начиная с зеркала и заканчивая попом, собрать в мусорный пакет и выбросить подальше на задворки сознания.

Она потеряла кулаками глаза и, осознав, что ее мечтам не быть реальностью, громко всхлипнула.

— Я... это... ыыыы, — наконец не выдержала она и, громко разревевшись, решила, что пора сдаваться. — Снеженика...

— Снеже...тьфу! Енто чего, коровья кличка? — поморщился дед, усаживаясь на лавку.

— Нет! — возмутилась Снеженика, хлюпнув носом. — Человеческая!

— Ясно, ну а звать-то как? — сочувственно, как к умственно-отсталой, обратилась бабуся.

Снеженика разревелась пуще прежнего. Теперь уже из жалости к себе. Мало того, забросило на какую-то Кудыкину гору, чуть кнута от попа не отхватила, так теперь еще и оскорбляют в самых светлых чувствах. И кто? Бабка какая-то доисторическая... Её — представителя современной развитой цивилизации!

— Света. Светлана, — утерев опухший нос рукавом, выдала она.

— Красивое имя, редкое, — неожиданно одобрила бабуся, и Снеженика, преполненная чувством собственного достоинства, гордо взглянула на деда. — Светлая, значит, енто хорошо, а почто беса вызывать решилаась?

— Никого я не вызывала! — снова скривила лицо она. — Я просто погадать хотела, на суженого! Он у меня есть, но я подумала, а вдруг это не он... И тут Ксюша говорит, давай проверим... А там мужик... Странный. Он мне не понравился, я и ушла спать. А зеркало закрыть забыла... ыыыы...

— Вот тараторит как сорока, — поморщилась бабка и вопросительно посмотрела на деда. — А что, Данила, повторяется история?

— Дурь ваша бабья повторяется, хучь скрозь столетия, хучь скрозь века! — сурово выругался тот. — Что у курицы мозгов, и то поболее! Та хоть знает, что петух — он вот тут, в курятнике, а не в зеркале его разглядывать побежит!

Дед Данила многозначительно и с вызовом постучал себя пальцем по лбу.

— Ишь, смотри-ка, распетушился, каплун матёрый! — тут же взбеленилась бабка. — А можа, я тоже в свое время думала, что королевич заморский ко мне посватает, а не скоморох с базара!

— Тьфу на тебя, Анисья, вот надобно было б не брать тебя тогда, пушай бы по селу как ведьму ославили! Глядишь, одной ведьмой и меньше бы стало! Говорил же, выкинь енто зеркало бесовское! Дурное оно! Как знал: оставишь — все одно какая дурная башка вяпается!

— Нельзя! — строго погрозила пальцем бабка. — Не бесовское оно, а заговоренное!

— Зачем отца Игната позвала, коли знала, в чем дело? — не унимался дед.

— Откель я знала? Да мало ли, какая гадость в ее личину обрядилась? А так хоть знать буду — не нечистый енто, а девка бестолковая...

— Энто ты у нас бестолковая! Что ума, что суеты, как у курицы нетоптанной! Вот куда теперя Глашку закинуло?

Снеженика едва успевала переводить удивленные глаза с одного спорщика на другого и не могла поверить в то, что видит. Складывалось впечатление, что если для них подобное перевоплощение и не обычное дело, то как минимум, вполне знакомое.

— А Глаша в Москве теперя. В квартире у Ксюши, получается... — пробормотала она и замолчала, наблюдая, как вытягиваются в удивлении лица стариков.

— У самого царя-батюшки что ли? — ахнула бабка. — Дык ты, девка, кровей царских али как?

— Царя-я-я..? — удивленно промычала Снеженика. Историю в школе она не любила. Ну зачем это все — ворошить прошлое, если оно уже прошло? Даты эти всякие, цари... Поэтому теперя пришлось поднапрячь память, чтобы хотя бы попытаться сориентироваться во временном отрезке, в который попала. Так-так, кого мы помним из царей? Разве что Ивана Грозного... До него вроде царь Горох был, а после — Берендей. Или наоборот? Ну это неважно.

— Это Иван Грозный что ли? — поморщив лоб, наконец, блеснула познаниями она.

— Хех, — усмехнулся дед. — Каких там царских? Холопка и есть холопка.

Снеженика задохнулась от возмущения.

— А вы, Протопопий Микентьевич, или как вас там... Зря думаете, что я глупая. У нас и двадцать первом веке и технологии, и телефоны, и самолеты есть! А царей нету. И холопов тоже.

— Двадцать первом? — хмыкнула бабуся, глянула на деда и перекрестилась. — Подальше меня ушла... Вот что, девка, поднимайся с полу, да завтрак готовить иди. И мой тебе совет: болтай поменее, да работай поболее. Девчатам ничего не говори, мол, ударила голову о притолоку у Федосьи вчерась, вот мозги и покривились. По всем вопросам к нам с дедом обращайся, справимся, бог даст...

Снеженика напугалась:

— Бабусь, это что же происходит? Я такая тут и останусь? — она снова скривилась, готовая вот-вот разрыдаться. — Я домой хочу, меня жених ждет! Я на маникюр на завтра записана! — и Снеженика снова взвыла.

— Ишь ты, француз чтоль? Ниче, подождет, не развалится...

— Какой француз? Я не хочу коров доить, я их боюсь!

— Значит, научишься, — уверенно прихлопнула бабка, поднимаясь с топчана, но поймав полный ужаса и недоумения взгляд Снеженики, добавила полупшепотом: — То бесы

играют в свои игрища, да вот токмо Святки — не время их силы. Сейчас силы другие правят, а значит, и игрища их контролируют. Раз уж ты тут, значит, поучить вас с Глашкой решили. Как и меня, грешную, однажды. Прими, девка, урок ентот, а как усвоишь — вернут они как было, уж мне-то верь.

— А жених? — ужаснулась Снеженика, вспомнив про Вадьку. — Да он эту вашу Глашу... она же... Он же меня бросит! Ааааа!

— Хех! Коли по судьбе тебе — не бросит! — улыбнулся дед Данила. — Судьба, что петля, затянет, да не выпутаешься! Я вот не выпутался...

— Ах ты ж, старый... — начала было бабка Анисья, но ее прервал истошный визг со двора.

В сенях раздался топот ног, потом грохот ведер и вопли. Дверь отворилась, хлопнув о стену так, что с нее посыпалась побелка, в избу ворвался поток морозного воздуха, потом испуганный с вздыбленной шерстью и глазами в полморды кот, и наконец, девчата, толкаясь и вопя, посыпались через порог.

— Бабусь, там Клёкот Петрович взбесился! Рычит и даже на кур кидается! Ульянку за коленку укусил! — задыхаясь и хватая ртом воздух, как от быстрого бега, доложила одна. — А ты, дедусь, отца Игната возвертай! Как есть бес в его вселился, гнать надо!

Еще несколько минут она тупо просидела на полу, хлопая глазами, пока бабка Анисья разбиралась со своими домочадцами. Две девчушки с печки после долгих уговоров, споров и угроз были вытолканы бабкой за дверь: одна — с лопатой, вторая — с ведром. Кот, на всякий случай, отправлен туда же, а вот дед удалиться из избы напрочь отказался, мотивируя тем, что «куды ж такая театра, да без меня».

Бабка поругалась, поворчала, погрозила рушником, но смирилась и, наконец, обтерев руки о передник, уселась на топчан рядом с незваной гостьей.

— Ну рассказывай, кто есть такая, да как звать? — с недоверием оглядывая ее, начала она. — Отца Игната, можа, провела, токмо меня не проведешь. Я с такой оказией уже встречалась. Так что говори смело, да на деда не смотри, ему все одно в селе никто не поверит: дурной, аки Петрушка на ярмарке.

Снеженика растерялась. Сейчас, когда сковавший тело ужас начал потихоньку отпускать, навалилась дикая усталость. Ей казалось, что все это сон и хотелось только одного — побыстрее проснуться в своей кровати, под теплым боком вдруг ставшего до боли в сердце любимым и родным Вадьки, а все вот это, начиная с зеркала и заканчивая попом, собрать в мусорный пакет и выбросить подальше на задворки сознания.

Она потерла кулаками глаза и, осознав, что ее мечтам не быть реальностью, громко всхлипнула.

— Я... это... ыыыыы, — наконец не выдержала она и, громко разревевшись, решила, что пора сдаваться. — Снеженика...

— Снеже...тьфу! Енто чего, коровья кличка? — поморщился дед, усаживаясь на лавку.

— Нет! — возмутилась Снеженика, хлопнув носом. — Человеческая!

— Ясно, ну а звать-то как? — сочувственно, как к умственно-отсталой, обратилась бабуся.

Снеженика разревелась пуще прежнего. Теперь уже из жалости к себе. Мало того, забросило на какую-то Кудыкину гору, чуть кнута от попа не отхватила, так теперь еще и оскорбляют в самых светлых чувствах. И кто? Бабка какая-то доисторическая... Её — представителя современной развитой цивилизации!

— Света. Светлана, — утерев опухший нос рукавом, выдала она.

— Красивое имя, редкое, — неожиданно одобрила бабуса, и Снеженика, преполненная чувством собственного достоинства, гордо взглянула на деда. — Светлая, значит, енто хорошо, а почто беса вызывать решилаась?

— Никого я не вызывала! — снова скривила лицо она. — Я просто погадать хотела, на суженого! Он у меня есть, но я подумала, а вдруг это не он... И тут Ксюша говорит, давай проверим... А там мужик... Странный. Он мне не понравился, я и ушла спать. А зеркало закрыть забыла... ыыыы...

— Вот тараторит как сорока, — поморщилась бабка и вопросительно посмотрела на деда. — А что, Данила, повторяется история?

— Дурь ваша бабья повторяется, хучь скрозь столетия, хучь скрозь века! — сурово выругался тот. — Что у курицы мозгов, и то поболее! Та хоть знает, что петух — он вот тут, в курятнике, а не в зеркале его разглядывать побежит!

Дед Данила многозначительно и с вызовом постучал себя пальцем по лбу.

— Ишь, смотри-ка, распетушился, каплун матёрый! — тут же взбеленилась бабка. — А можа, я тоже в свое время думала, что королевич заморский ко мне посватает, а не скоморох с базара!

— Тьфу на тебя, Анисья, вот надобно было б не брать тебя тогда, пушай бы по селу как ведьму ославили! Глядишь, одной ведьмой и меньше бы стало! Говорил же, выкинь енто зеркало бесовское! Дурное оно! Как знал: оставишь — все одно какая дурная башка вляпается!

— Нельзя! — строго погрозила пальцем бабка. — Не бесовское оно, а заговоренное!

— Зачем отца Игната позвала, коли знала, в чем дело? — не унимался дед.

— Откель я знала? Да мало ли, какая гадость в ее личину обрядилась? А так хоть знать буду — не нечистый енто, а девка бестолковая...

— Энто ты у нас бестолковая! Что ума, что суеты, как у курицы нетоптанной! Вот куда теперя Глашку закинуло?

Снеженика едва успевала переводить удивленные глаза с одного спорщика на другого и не могла поверить в то, что видит. Складывалось впечатление, что если для них подобное перевоплощение и не обычное дело, то как минимум, вполне знакомое.

— А Глаша в Москве теперь. В квартире у Ксюши, получается... — пробормотала она и замолчала, наблюдая, как вытягиваются в удивлении лица стариков.

— У самого царя-батюшки что ли? — ахнула бабка. — Дык ты, девка, кровей царских али как?

— Царя-я-я..? — удивленно промычала Снеженика. Историю в школе она не любила. Ну зачем это все — ворошить прошлое, если оно уже прошло? Даты эти всякие, цари... Поэтому теперь пришлось поднапрячь память, чтобы хотя бы попытаться сориентироваться во временном отрезке, в который попала. Так-так, кого мы помним из царей? Разве что Ивана Грозного... До него вроде царь Горох был, а после — Берендей. Или наоборот? Ну это неважно.

— Это Иван Грозный что ли? — поморщив лоб, наконец, блеснула познаниями она.

— Хех, — усмехнулся дед. — Каких там царских? Холопка и есть холопка.

Снеженика задохнулась от возмущения.

— А вы, Протопопий Микентьевич, или как вас там... Зря думаете, что я глупая. У нас и двадцать первом веке и технологии, и телефоны, и самолеты есть! А царей нету. И холопов

тоже.

— Двадцать первом? — хмыкнула бабуся, глянула на деда и перекрестилась. — Подальше меня ушла... Вот что, девка, поднимайся с полу, да завтрак готовить иди. И мой тебе совет: болтай поменее, да работай поболее. Девчатам ничего не говори, мол, ударились головой о притолоку у Федосьи вчерась, вот мозги и покривились. По всем вопросам к нам с дедом обращайся, справимся, бог даст...

Снеженика напугалась:

— Бабусь, это что же происходит? Я такая тут и останусь? — она снова скривилась, готовая вот-вот разрыдаться. — Я домой хочу, меня жених ждет! Я на маникюр на завтра записана! — и Снеженика снова взвыла.

— Ишь ты, хранцуз чтоль? Ниче, подождет, не развалится...

— Какой француз? Я не хочу коров доить, я их боюсь!

— Значит, научишься, — уверенно прихлопнула бабка, поднимаясь с топчана, но поймав полный ужаса и недоумения взгляд Снеженики, добавила полусшепотом: — То бесы играют в свои игрища, да вот токмо Святки — не время их силы. Сейчас силы другие правят, а значит, и игрища их контролируют. Раз уж ты тут, значит, поучить вас с Глашкой решили. Как и меня, грешную, однажды. Прими, девка, урок ентот, а как усвоишь — вернут они как было, уж мне-то верь.

— А жених? — ужаснулась Снеженика, вспомнив про Вадьку. — Да он эту вашу Глашу... она же... Он же меня бросит! Ааааа!

— Хех! Коли по судьбе тебе — не бросит! — улыбнулся дед Данила. — Судьба, что петля, затянет, да не выпутаешься! Я вот не выпутался...

— Ах ты ж, старый... — начала было бабка Анисья, но ее прервал истошный визг со двора.

В сенях раздался топот ног, потом грохот ведер и вопли. Дверь отворилась, хлопнув о стену так, что с нее посыпалась побелка, в избу ворвался поток морозного воздуха, потом испуганный с вздыбленной шерстью и глазами в полморды кот, и наконец, девчата, толкаясь и вопя, посыпались через порог.

— Бабусь, там Клёкот Петрович взбесился! Рычит и даже на кур кидается! Ульянку за коленку укусил! — задыхаясь и хватая ртом воздух, как от быстрого бега, доложила одна. — А ты, дедусь, отца Игната возвертай! Как есть бес в его вселился, гнать надо!

Глава 10

— Наконец-то! Ты чего так долго?! — Ксюха, едва открыв дверь, буквально за грудки втащила Вадика в квартиру.

— Долго? — удивленно переспросил тот. — Семь утра!

— А мы тут, знаешь ли, с пяти не спим!

Вадим недоуменно оглядел Ксюху: в мятой пижаме, вся включенная, короткие черные волосы торчат в разные стороны, бледная как полотно и глаза в пол лица: то ли со сна, то ли на эмоциях.

Она трясущимися руками приняла у него куртку и, повесив ее мимо вешалки, настойчиво потащила Вадика в комнату.

— Ксень, да что у вас стряслось-то? Трезвонишь ни свет, ни заря! Я ни черта не понял!

— А уж я-то как не поняла! — охотно поддержала Ксюха, заталкивая его в спальню. — Твоя благоверная, вот ты и разбирайся, какая извилина у нее за какую зацепилась, и где переключатель сработал. А то я уже за свой рассудок переживать начинаю!

— Чего? — выгнув бровь, Вадим снова недоуменно уставился на нее, но Ксюха резво развернула его за плечи.

— Вот чего! — обвинительным тоном объявила она, указывая на свой диван. Там, забившись в угол и накрывшись с головой одеялом, замерла Снеженика. Рядом неуверенно топтались два Ксюхиных шпица Поночка и Чубчик, они удивленно переглядывались и принюхивались в нерешительности.

— Полюбуйся! — вздрагивающим от волнения голосом продолжила Ксюха. — Мало того, что мой Вениамин Звездоцап фон Бойчик в три ночи вздумал играть в петуха, пол дома перебудил своим воем, так эта туда же! Проснулась в пять утра и давай гроыхать впотьмах чем ни попадя. Спрашиваю: «Ты чего потеряла?» Знаешь, что отвечает? «Ведро, говорит, ищу, надобно корову подоить!» Корову, Вадим!

Ксюху нервно передернуло и она подтолкнула к дивану обалдевшего Вадьку.

— Ты послушай, кстати, что она бормочет! Это же молитва! Настоящая! Откуда она ее знает? Отродясь даже в церкви не была!

Вадим потоптался у дивана, задумчиво почесал репу, снова недоверчиво оглядел Ксюху, пытаясь сложить в уме два и два, и вдруг, развернувшись, решительно отправился на кухню.

— Ты куда? — сорвалась вслед за ним Ксюха.

— Чего вы вчера пили? — громко хлопая дверцами шкафа, спросил он. — Бутылку покажи! Суррогат какой-нибудь купили, да? — он нагло заглянул под мойку, потрянул мусорное ведро.

— Сдурел? — возмутилась Ксюха. — Ничего мы не пили, только чай! Она ко мне в двенадцать ночи заявила. Из-за тебя, кстати! Сколько можно уже? Ты или бросай ее, или женись, или зарплату мне назначь ежемесячно, я вам семейным психологом работать не нанималась!

— Психиатром... — задумчиво протянул Вадим, зацепившись взглядом за кресло.

Там, пытаясь уместиться всеми четырьмя лапами на изящной декоративной спинке, балансировал Вениамин Звездоцапыч. Он отчаянно старался усидеть на ней как на насесте, падал носом в подушку, пыхтел, пушил хвост и упрямо запрыгивал снова.

— Кстати, да! — проследив за его взглядом, тяжело вздохнула Ксюха. — И у этого что-

то переклинило. С утра по дому меня гоняет, но это ладно, я уже привыкла, но, Вадь, он даже Поночку сегодня обижает! Я ветеринара боюсь вызывать, скажет — неизвестный науке случай, придется усыпить...

Звздоцапыч в очередной раз сверзился со спинки и тут заметил Вадика и Ксюху. Повернув голову вбок, он сначала недобро оценил их одним глазом, потом, по-куриному — другим, и вдруг, соскочив с кресла, бросился напрямик на Вадима.

Тому считать укусы было не впервой, вот только на этот раз Звздоцап не кусался. Затянув грозное «Рр-о-о!», он распушил хвост, подпрыгнул и боднул Вадима в коленку.

— Витамин, ты че? — удивился тот, но пёс не унимался и, обойдя его как боец на ринге, боднул носом под другое колено.

— Видал? — нервно воскликнула Ксюха. — Шпиц клевачий! А вдруг это бешенство?

А вот это зря. Звздоцап оглянулся на голос, и Ксюха непроизвольно побледнела от этого взгляда, робко отступая за спину Вадима. Шпиц словно этого и ждал и с гортанным «Ро-ро-роо!» с разбегу кинулся на хозяйку.

— Ааааа! — испуганно завопила Ксюха, ухватила за Вадима, и теперь они с Звздоцапычем наматывали круги вокруг обалдевшего парня: одна — с воплями, второй — с непонятными урчащими звуками.

— Стоп. Сто-оп! — заорал Вадим, когда голова начала кружиться от этой мельтешащей карусели.

Одной рукой он поймал Ксюху за рукав пижамы, второй — подхватил за шкуру зарвавшегося шпица. — Может, мне просто всех троих погрузить в машину и доставить в дурку? А там пусть разбираются!

Звздоцап в дурку не хотел, поэтому, исхитрившись, извернулся и цапнул обидчика за руку.

Вадька выпустил шпица, а тот, нет бы поиметь совесть и отступить, издав очередной гортанный рывк, вдруг снова рванул в бой.

Подобной наглости Вадим никак не ожидал, и теперь в карусели по кухне кружили и он, и Ксюха, и Звздоцап, и неосторожно заглянувший на кухню в поисках завтрака Чубчик.

— Твою ж...! — грязно выругался Вадик, не без труда вытолкав Ксюху в коридор и подперев могучим плечом дверь кухни. — Сумасшедшая моська! Кому рассказать — не поверят!

— Поверят! — срывающимся голосом поведала Ксюха, истерично роясь в сумочке в поисках успокоительного. Не нашла и тяжело сползла по стенке на пол.

— Что за..? — Вадик нервно взлохматил волосы. — Короче! Я не знаю, что вы тут вчера ели, пили или курили, но я разберусь — мало никому не покажется! Но сейчас мне некогда! Просто до ужаса некогда! У меня сделка с китайцами, и если вы ее сорвете...

В пару шагов перемахнув коридор, он зашел в спальню и осторожно присел на краешек дивана возле Снеженики.

— Снежа, поехали домой, а? — Вадим попытался аккуратно стянуть с нее одеяло, но не тут-то было. Та вцепилась в него мертвой хваткой.

— Кисунь, ну прости меня... — виновато зашептал он, пригнувшись к ее уху. — Я все понял — поедем в Швейцарию. Я все сделаю, как ты захочешь. Что еще? Я дурак. Только поехали домой пожалуйста...

Ксюха, презрительно фыркнув при виде этих телячьих нежностей, скрестила руки на груди.

— Да она тебя не слышит даже! Вон, как бормотала, так и бормочет...

— И давно это с ней? — посерьезнел Вадим, прожигая строгим взглядом Ксюху.

— С утра... Я ж говорю — корову, грит, доить пора. Ну я обалдела, думала, лунатит что ль во сне? Встала, свет включила. А она меня как увидела, да как заорет дурниной: «Бесовка! Бесовка!» — и прятаться! На себя бы с утра в зеркало глянула сначала, овца в колечках! И не надо мне тут! Мне стрижка короткая идет, все на работе говорили! И в черный она сама мне советовала покраситься, ведь «Черный цвет так изысканно гармонирует с бледной кожей!» — возмущенно процитировала та, пародируя манеру сестры.

— Так, — отмахнувшись от словесного потока, попытался сосредоточиться Вадька. — Чем вы перед сном занимались?

Он обвел глазами комнату и остановился на столе, где все так же красовались два зеркала. Вопросительно задержал взгляд на Ксюхе.

— Это что?

— Ой... — обомлела та, вылупив глаза и прикрывая рот ладошкой. — Вадь, ты только не ругайся...

— Ну?

— Она вчера гадать пыталась. На суженого...

— Вот как? — брови Вадима удивленно поползли вверх.

— Нет, ты не подумай! — сбивчиво затараторила Ксюха. — Она просто проверить хотела, ты это или не ты... А то вдруг это не ты, а она... Ой... — Ксюха окончательно сбилась, сообразив, что сболтнула лишнего, стушевалась и замолчала.

Вадим поджал губы и понятливо кивнул головой.

— Дай догадаюсь, кто надоумил...

— Ну, знаешь! — тут же взорвалась Ксюха. — Я, между прочим, работаю! Не высыпаюсь! Мне некогда ее сопли розовые подтирать! Сам тоже хорош! Чего не догнал вчера? Не вернул? Спать небось, довольный, завалился, мол, пусть опять Ксюша расхлебывает!

— Тю! Понеслась! Это может быть взаимосвязано? — он ткнул пальцем в зеркала, потом — в бормочущее одеяло на диване.

Ксюха, едва открыв рот, чтобы продолжить гневную тираду, вдруг задумалась, перевела взгляд с Вадика на зеркало, потом на диван и неожиданно выцепила глазами валяющееся на полу полотенце.

— М-м...

— Не мычи.

— М-может... — едва проблеяла она, не сводя с него испуганных глаз.

— Каким образом?

— Н-ну, если она выпустила потустороннюю сущность из зеркала, та вроде как могла свести ее с ума...

— Этого еще не хватало...

— Нет, это в теории. Я в этом не разбираюсь, если честно! Надо бы покопать в интернете. Я просто кино смотрела, там вызывали с помощью спиритического сеанса чью-то душу, а потом не смогли ее обратно запихнуть, и оно всех поубивало... Вадь?

— А?

Вадим, похоже ее и не слушал, думая о чем-то своем. Вот что за характер? Вечно замкнется и в уме уравнения решает. Поэтому Светке с ним и трудно. У той темперамент,

ветер в заднице и в голове, а этот... вечно набычится и сам себе на уме. Может, потому что мозгов много. А вот Светке бог не додал.

Вадим тем временем пододвинулся вплотную к Снеженике и обхватил ладонями ее дрожащие пальцы. Та постаралась высвободиться и громче забормотала молитву.

— Снеж, девочка моя... — Вадька настойчиво сжал ее ладони и аккуратно высвободил из дрожащих пальцев край одеяла.

А та замерла, поджав колени и зажмурил глаза. Почувствовав, что ее лишили единственного убежища, сжалась в комок, закрыла лицо ладонями и в голос завопила.

— Да что с тобой, Кисунь? Посмотри на меня, пожалуйста! — Вадик обхватил ее за плечи, затем осторожно отлепил ее руки от лица, прошелся пальцами по щеке и нежно подцепил за подбородок. — Ну же?

Голос его звучал так ласково и успокоительно, что даже Ксюха расслабилась, а Снеженика, перестав вопить и почувяв на себе сильные мужские руки, тихо всхлипнула и осторожно приоткрыла глаза. Моргнула удивленно, вперив обалделый взгляд в лицо Вадима и тихо ахнула:

— Димитрий?

Глава 11

— Эмм, ну если хочешь, пусть будет Димитрий, — неуверенно согласился Вадька. — Хотя я и по паспорту Вадим... Кисунь, поехали уже, а?

— Я Глаша! — вдруг радостно доложила ему Снеженика, чем повергла их с Ксюхой в крайнюю степень изумления. — Глаша — соседка твоя, не узнаешь?

Девушка так глупо улыбалась сквозь слезы, что Вадим невольно предположил, что без психиатра тут не обойтись.

— Оооо! — закатила глаза Ксюха и полезла за телефоном.

— Не надо, не звони! — тут же напугался Вадим.

— Куда?

— Ксень, у меня сделка! С иностранцами! Я воюю за них с конкурирующей фирмой! У них руководитель пожилой, принципиальный, помешанный на семейных и культурных ценностях. И компаньона в России ищет под стать. Ты хоть представляешь, что будет, если они нароют, что я девушку свою довел до дурки? Мне репутация сейчас нужна прозрачности хрустальной!

— Чего? — вылупила глаза Ксюха. — Я вообще-то собиралась погуглить, что это с ней...

Глаша переводила испуганные глаза с одного на другую.

— Бесовка! — шепотом поведала она Вадиму, прижав ладонь к губам.

— На себя посмотри, кукла надутая! — вспыхнула было Ксюха, но Вадим остановил ее жестом.

— Снеж, это Ксюша — сестра твоя! — приобняв девушку за плечи, тихо объяснил он. Та залилась румянцем и смущенно отстранилась.

— Сестер у меня две, — вдумчиво пояснила Снеженика, загибая пальцы. — Ульянка и Дуняшка — двойневые они, и им по восемь лет. А енто я не знаю, кто. Правда, не бесовка?

— Правда, — улыбнулся Вадим, настойчиво прижимая ее к себе. — Мы сейчас поедem домой, выпьешь успокоительного, поспишь, и все образуется...

— А кто ж ее так?

— ...потом пригласим терапевта, куплю путевки в горы и... Кого?

— Ее, — сочувственно покачав головой, Снеженика бесцеремонно указала пальчиком на Ксюху. — Всю косу как есть девке отрубили и дегтем вымазали... За что ж ее, а? Никак, блудная?

— Да ты совсем берега попутала, овца патлатая? — терпение Ксюхи тоже было безгранично. — Вадим, забирай ее и валите! Пока я и в самом деле санитаров не вызвала!

— Ругается... — удивленно заключила Снеженика, доверительно заглядывая в лицо Вадиму.

— Конечно, ругается... — растерянно согласился Вадим. Он озабоченно оглядел девушку, потом придвинулся поближе и схватил ее в охапку: — Снеж, ну хватит, не смешно, прошу тебя!

И тут же получил по рукам.

— Ты, Димитрий, странный какой-то! — вдруг заявила Снеженика, выпутываясь из его объятий и краснея. — Сначала бы сватов, да сговор, а уж потом руки-то распускай! А то я не хочу потом в дегте, как она...

Вадим растерянно отшатнулся, ища глазами помощи у Ксюхи, но та только фыркнула и упулилась носом в телефон.

Снеженика тем временем жеманно улыбнулась, прикрываясь краешком одеяла:

— А я уж думала, не нравлюсь я тебе, уж сколько слез пролила, да и вовсе отчаялась. А ты сватов-то засылай, глядишь, а я не откажу...

— Отказала вообще-то, — устало выдохнул Вадим, сползая на край дивана. — Кто сказал, рано мне замуж, давай пока так поживем?

Глаза Снеженики округлились как две полные луны:

— С Федоськой меня путаешь?

— С какой Федоськой?! — застонал Вадим, вскакивая с дивана. — Снежа, хватит! У меня сделка! Если я ее упусти, никакой тебе Швейцарии, поняла? Что за блажь? Если вы меня так разыграть решили, то это вообще не смешно!

— Можно тебя на минуточку? — вдруг поманила его пальчиком Ксюха. — Вы, как вас там, Глаша, да? Посидите тут пока, угу?

Она подцепила Вадьку под локоток и настойчиво потащила его в гостиную.

— Вот, нашла, смотри! — торжественным полупшепотом объявила она, прикрыла задвижную дверь и ткнула пальцем в телефон. — Где тут... мистика и тайны... зеркала... бла, бла, бла... А! Вот! «...были описаны случаи, когда пациент переставал воспринимать реальность, объявлял себя другой личностью, зачастую даже из совсем другой страны или времени. При этом человек начинал разговаривать на незнакомых ему ранее языках и выдавать некие факты, о которых раньше представления не имел, но они имели место быть в истории. С точки зрения медицины это объясняется как редкий вид шизофрении...», так, это пропустим, вот! «...экстрасенсы называют это явление реинкарнацией или переселением душ, но носящим временный и обратимый характер»... Бла, бла... «...подобное возможно только при стечении крайне редких обстоятельств, как то: соотношение определенного отрезка времени, подходящего по душевным показателям объекта для обмена и наличия сильного энергетического артефакта». Вадь! Это зеркало! Я когда его на барахолке покупала, мне продавец сказал — магическое! Ну я не поверила, думала, цену набивает! А оно, похоже, того... И в самом деле непростое.

Вадим молча слушал ее, сидя на диване и уперев локти в колени. Нетерпеливо морщился, скептически поджимал губы, мотая головой, и все время поглядывал на часы.

— Че за бред? — пробормотал он, сдавив пальцами виски. — Ты хочешь сказать, что она гадала и нечаянно поменялась душами с... как ее там? Какой-то Глашей?

— Да! — глаза Ксюхи выражали такую искреннюю степень восхищения, что Вадим сделал себе пометку вызвать психиатра и ей.

Он молча поднялся с дивана и направился в прихожую.

— Короче. Мне все это не смешно. Наиграетесь — скажи ей, пусть позвонит. У меня китайцы...

— Какие китайцы?! — всплеснула руками Ксюха, хвостиком следуя за ним по пятам. — Тут исключительно редкий случай! На всю историю единичный, может быть! Ты что, не понимаешь, твоя Снежа сейчас висит где-то в глухом селе в теле девки Глаши, а эта самая Глаша — вот она, тут!

— Прекрасно. Вот и разбирайтесь, — Вадим нашарил среди обуви свою куртку, но Ксюха безапелляционно вырвала ее у него из рук.

— Что значит — разбирайтесь? Ты же видел, она меня боится! А тебя хотя бы узнает...

— Ты все это серьезно что ли сейчас? — недобро прищурился Вадим.

— Нет, блин! Я, знаешь ли, каждое утро с пяти утра в такой дурдом играю! Мне, между прочим, сегодня с Вениамином к выставке готовиться надо!

— Вот и готовься! Только зоо-психиатру его покажи сначала...

— Вадим! А ну-ка вспомни, ты хоть раз слышал, чтобы она молилась? Замуж за тебя спешила? Я уж молчу, что она отродясь не видела корову и даже понятия не имеет, что ее можно доить!

— Не трудно в интернете посмотреть... — Вадим отобрал у Ксюхи свою куртку, выудил из кармана ключи от машины и блымнул сигнализацией.

— Постой, ты куда? — напугалась та. — Ты что, меня с ней одну оставишь? Вадь! Я ее боюсь! Не уходи!

Ксюха резво выхватила у него брелок и бегом метнулась в гостиную.

— Отдай! — рявкнул вконец обозленный Вадик.

— Не отдам! — довольно высунулась из-за двери та, и по блестящим глазам было понятно: хоть неделю ищи — не найдешь, куда она его спрятала. — Давай поговорим с ней! Вадь! Задай вопросы, давай послушаем, что она ответит, проверь мою теорию, ну ты же умный, а?

Вадим грубо выругался и в сердцах скинул куртку обратно на пол.

Глаша аккуратно сползла с дивана. Что за изба такая диковинная? Тесная, хоть и обстановка богатая. Она с восхищением погладила ладонью диванную обивку, а ткань-то дорогушая какая! Никак, только цари такую себе позволить могут! Это в какую же сказку расчудесную ее занесло?

В том, что именно занесло, а не приснилось, она не сомневалась. Еще с детства помнила рассказы бабушки Анисьи, как приключилось с той однажды диво дивное... Решилась она тогда погадать на Святки на старинном зеркале, что от бабушки ей досталось. Далеко на чердаке прятала мать это зеркало, так нет. Полезла, в паутине вся вымазалась, но достала. А все потому, что решиться не могла, принять предложение соседа Данилы, али отказать.

Ну не пара он ей, — думала Анисья. Она девка видная, с приданым, а он? Только и славился по селу, что выходками своими дурными. Что ни слово — то шутка, что ни дело — так беда. Другие парни, что богатыри, подковы руками гнули, а этот хлипкий, да только на гармони играть и горазд. Да зато как! С соседних сел съезжались послушать, когда тот на ярмарке концерты устраивал. Весело с ним, душа радуется, а с другими тошно. И как ни бегала она от него, а ноги сами обратно несли. Скучно без него, и все тут...

Вот так же, как и Глаша теперь, уснула Анисья, да зеркало закрыть позабыла... А потом рассказывала, что попала она в страну чудную. Вроде и Россия-матушка, а все-то по-другому!

На селе скотины — видимо-невидимо, все вместе работают и колхозом все это дело кличут. Вместо лошадей поля огромные рычащие машины пахут, и такие же по небу летают, да урожай от вредителей обрабатывают.

Детишки в школах красные платки на шеях носят. А сама она попала в тело девушки Зинаиды, которую все уважали и странно обзывали секретарем ячейки партбюро... И полагалось этой Зинаиде все время перед людом выступать, хороших хвалить, плохих порицать, и все время Коммунизму какую-то славить... А ента, значит, Коммунизма у них вместо царя-батюшки тогда всем людом правила.

Глаша бабке Анисье сначала не верила: виданное ли дело, Коммунизме какой-то поклоняться? И что за царица такая — непонятно, бабке Анисье так и не удалось ее повидать. А уж машины по небу летают, уж и вовсе бред. Но дед Данила подтвердил. Говорит, не выдумывает бабка твоя. Просто в будущее заглянуть ей довелось. И строго-настрого ей запретил кому-нибудь об этом рассказывать.

Глаша поднялась и подошла к окну. Огромное какое, таких и в царских палатах не сыскать. Выглянула на улицу — батюшки святы! — никак изба эта на самом высоком дереве построена! Вскрикнула Глаша, зажмурилась, аж голова закружилась. Даже рассмотреть ничего толком внизу не успела, только заметила дорогу широкую, а по ней взад-вперед разноцветные колесницы снуют, да все без лошадей!

Едва дух перевела, да за сердце ухватилась. Одно хорошо — Димитрий тут. Как, почему? — разбираться не хотелось, главное — рядом, да Кисуней ее кличет и смотрит ласково. Так, что аж на душе все переворачивается, и готова она даже в этом скворечнике остаться, лишь бы с ним рядом. Правда, бороду зачем-то сбрил, да волосы остриг, но так ему, пожалуй, даже лучше.

А вот девка эта блудная странная какая. Хорошо, хоть — не бесовка, а то как зыркалы свои вытаращит зеленые, ажно волосья дыбом встают. Но Глаша Димитрию верила: сказал — не бесовка, дык кто она такая, чтобы спорить?

Глаша развернулась и тут же споткнулась о Поночку, которая все утро вертелась в спальне, вынюхивая подробности утреннего переполоха.

— До чего ж щеночек ладный! — умильно улыбаясь, она присела и потрепала песика за ушком. — Только маленький какой. Его, наверное, и куры обижают? — поинтересовалась она у заглянувшего в комнату Вадима.

Ксюха выглянула у того из-за плеча и нетерпеливо втолкнула его в комнату. Видя, что на вопрос о курах он вроде как ответить затрудняется, она прокашлялась и осторожно начала сама:

— М-мм, Глаша, да? Меня зовут Ксения, а это вот Вадим, ну, или, как вы изволили выразиться — Димитрий, разницы особо нет... Мы... как бы рады приветствовать вас у нас в гостях и...

— Ксения — это хорошо, — тут же перебила ее Глаша, — это значит, точно не бесовка! Коли тебя в честь пресвятой Ксении-заступницы прозвали!

Ксюха подавилась словами и вопросительно взглянула на Вадима, мол, помогай давай! Тот присел на краешек дивана, задумчиво почесал подбородок и поинтересовался:

— А какой год сейчас, Глаша, не подскажете?

— Дык 1866 от Рождества Христова, — абсолютно искренне поведала она.

— Александр Второй... — тихо проговорил Вадим, повернувшись к Ксюхе, а та аж присела на корточки, бледнея.

— Да, да! — охотно подтвердила Глаша. — Государь наш царь-батюшка Освободитель!

— Хмм, — посерьезнел Вадим. — А скажите, Глаша, вы откуда?

— Дык Авдеевка[1] же, та, что под Москвой! — поведала Глаша, почему-то обращаясь к Ксюхе. — Вот и Димитрий, он тоже оттуда!

— И как там, в Авдеевке? — тепло улыбнулся Вадим.

— Ну... — задумалась Глаша. — Все вроде по-старому. А, нет! Отец Игнат сейчас по церкви заправляет. А как в прошлом годе земскую управу учредили, отец Никодим туда и подался, да погнали его! Вот смеху-то было! Он потом в другую деревню переехал, что на другом берегу Иштымки.

— Иштымки? — уточнил Вадим и снова озадаченно потер подбородок. Потом поднялся и достал из кармана брлок телефона:

— Алло, Кирилл? Слушай, Кир, такое дело... Китайцы сегодня на тебе... Да не ори ты. Не могу! Че хочешь делай! Думай, импровизируй, прояви креативность! Андрея подключи, он языкастый. Я тебе сейчас все доки на электронку скину... И презентацию тоже... Да харе орать!!! Да — важнее, чем китайцы, представь себе! Справишься — премию утворю. Упустишь — сам знаешь... Ясно, нет? Все, отбой!

— С кем енто он? — вылупила глаза Глаша, ища поддержки у Ксюхи.

А Ксюха слушала Вадима и беспокойно грызла ногти. Раз тот послал по боку китайцев, вариантов остается два: либо Светка окончательно съехала кукухой, либо ее бредовая теория реальна.

— Это он по работе... — пробормотала она, прикидывая в уме, который из двух вариантов Вадим посчитал более верным. А что, если первый? Это что ж теперь: обследования, диагнозы, психушки... Таскай ее по психиатрам. А кто этим будет

заниматься? Не он же! Он ее просто бросит, и вся эта катавасия — на ней? Вот натворила же делов!

Ксюха закатила глаза и нервно, с подвыванием, выдохнула. И тут же почувствовала на своем плече мягкое прикосновение.

— Да ты не убивайся так... — сочувственно заглядывая в глаза, успокоила ее Глаша. — Ты девка хорошая, добрая... А коса отрастет... Отрастет, куда она денется?

[1] Географические названия частично придуманы автором

— Корова, говоришь? А как насчет земской управы? Ты знала, что их при Александре учредили? Нет? Вот то-то... А Иштымка — это старое название речки нашей. Уж мало, кто помнит, что она так называлась, разве что дед мой. Он всю жизнь историей села увлекался, генеалогическое древо собирал. Уверен, и про отца Игната знает, если спросить... Но Снежа... Точно этого не знает! — вдохновенно нашептывал на ухо Ксюхе Вадим, пока Глаша восхищаясь и ахая бродила по квартире, рассматривая Ксюхины «хоромы».

— Вадим, ты чего?.. — вцепилась в его рукав Ксюха. Она мелкими шажками семенила рядом с ним, пока он следовал за Глашей по пятам, отбирая у нее то одну, то другую, на его взгляд, опасную вещичку. — Я ж пошутила... Ну, в смысле, думаю, чем не вариант... А ты что же, думаешь, все это правда?

Вадим резко затормозил, и Ксюха по инерции чуть не вписалась носом в шкаф.

— Нет, ну нормально? Сначала ты убеждаешь меня, что это возможно, а когда я нахожу доказательства, сразу бросаешься переобуваться? — возмущенно зашептал он, разворачивая ее за плечи.

— Нет... но... То есть да... Вадь, а чего теперь нам с этим делать? — пискнула она, растерянно таращась на Вадима огромными глазами, и хлюпнула носом — того и гляди заревет.

Светку было жалко. Пусть на ее взгляд непутевая, пусть дура неблагодарная, но своя же, родная, на собственном горбу возвращенная, в ущерб собственной нервной системе воспитанная... Без пяти минут замуж пристроенная... А эта Глаша... Да за ней же глаз да глаз каждую минуту до конца жизни нужен!

Ну вот, точно. словно в доказательство невеселым мыслям с кухни раздалось рычанье и приглушенные вопли.

Не сговариваясь, они переглянулись с Вадимом и опрометью бросились в кухню. Картина, что пред ними предстала, не отличалась новизной, но некоторые свежие нотки все же присутствовали.

Глаша, забравшись на табуретку, тоненько визжала, отбиваясь полотенцем от Вениамина Звездаповича, который с выражением крайнего недовольствия на морде бегал вокруг табуретки, при этом забавно разбрасывая в стороны лапы, и подпрыгивал, пытаясь «клюнуть» Глашу в пятку.

— До чего же песик у вас странный! — пытаюсь отгородиться от недовольного пёселя полотенцем, воскликнула Глаша. — Страсть, как нашего Клёкота Петровича напоминает!

— А Клёкот Петрович — это кто? — неожиданно сам для себя заинтересовался Вадим.

— Петух же мой! Ужас, до чего клевачий!

— Петух, значит... — Вадим призадумался было, пытаюсь собрать мысли в кучу, но Глаша тараторила сорокой:

— Я надьсь в курятнике напугала, да к Федоське в избу гадать его принесла. Ох и шуму там наделал! Теперя хоть девкам на глаза не показывайся! Но зато тихо сидел, когда на зеркале гадала. Ни разу даже не побил, и с ним не страшно...

— М-да, петухи — они такие... Постой! Так ты на зеркале гадала?

Глаша, застыла на табуретке, как цапля поджав ногу, и неопределенно пожалала плечами.

— Ох, грешна... Не послушалась бабуку Анисью, да зеркало старое достала... А оно

говорят, колдовское и...

Ксюха ахнула и молнией метнулась в спальню.

— Такое? — завопила она, держа на вытянутых руках перед Глашей свое антикварное зеркало.

— Ой, дык оно же! — всплеснула руками Глаша и чуть не сверзилась с табуретки. — Только оправа маленько не та!

Ксюха бухнула зеркало на стол и тяжело опустилась на кресло.

— Ты понимаешь? — многозначительно взглянула она на Вадима.

Глаша переводила недоуменный взгляд с одного на другую.

— Прошу прощения, Глаша, — прокашлявшись, деликатно проговорил Вадим, джентельменским жестом помогая той слезть с табуретки. — Видимо, мы должны вам кое-что пояснить... М-м-м... даже не знаю, с чего начать, чтобы вы поняли меня правильно. Видите ли, активизировав магическое зеркало, вы случайным образом поменялись телами с моей невестой, которая тоже попыталась гадать... Я, кстати, вовсе не Димитрий, а судя по всему, его потомок... Так вот... Почему так произошло, я сказать не могу...

Глаша спрыгнула с табуретки и окинула оценивающим взглядом Вадима. И то правда — другой он, но до чего похож же! С одной стороны грызла досада — Кисуней этот богатырь звал вовсе не ее, а с другой — было отраднo: ее Димитрий там, дома, сердце его никем не занято, а значит есть у Глаши шанс...

— Дык, знамо дело — почему, — деловито одернув халатик, доложила Глаша. — Она, видать, как и я, зеркало накрыть позабыла.

Теперь удивился даже непробиваемый Вадим.

— Простите, то есть, вы в курсе, что происходит?

Нет, ну нормально! Он весь из себя из 21 века с двумя высшими образованиями пол дня разбирался что к чему, слова подбирал, чтоб не напугать гостью, а она больше него об этом знает?

— Дык с бабушкой Анисьей уж такое было! Я сейчас вам расскажу! — оживилась Глаша, деловито усаживаясь на табуретку.

Спустя пол часа они так и сидели за столом, причем и Ксюха, и Вадим — с открытыми ртами перед давно остывшими чашками чая, Глаша же, не переставая щебетать, наливала себе уже, кажется, пятую.

— Ох, до чего ж хорош чаек! — прихлебывая, нахваливала она. — Нам на ярмарку редко привозят, да дорого! Мы ж не купцы какие, только по праздникам покупаем. Это ничего, что я еще налью? А вы пейте, пейте, покуда горячий! Так вот, я и говорю... Чаво ж спросить хотела? Ох, забыла... А! — обрадованно вскинулась она. — Вот бы бабушку Анисью порадовать, да повидать — она какая — Коммунизма?

Ксюха, сделав было глоток холодного чаю, подавилась и закашлялась. Вадим на автомате постучал ее по спине и, плеснув в стакан чистой воды, протянул ей.

— А Коммунизмы уже нет... — в тон ей задумчиво протянул он.

— Померла? — ахнула Глаша, и Ксюха, едва глотнув воды, фонтаном выплюнула ее на стену.

— Ну, можно сказать и так, — улыбнулся Вадим, невозмутимо подавая Ксюхе полотенце. — Вы, Глаша, этот отрезок времени перемахнули. В более далекое будущее угодили.

— Ох ты ж! — нисколько не удивилась, а даже скорее обрадовалась гостья. — И кто ж теперь народом правит?

— Президент.

— Вот! Другое дело! — неожиданно со знанием дела одобрила Глаша, повергая Ксюху в очередной обморок. — Как дед Данила говорит — не бабье енто дело страною править. А президент — хотя бы он мужик, уже справно! А ты, хозяйюшка, собачек покормила? — без всякой паузы перешла на другую тему Глаша.

Все три шпица, выстроившись в струночку, сидели возле стола, молча пожирая хозяйку глазами. Точно же! Совсем с этими чудесами про хозяйство свое позабыла!

Быстренько наполнив миски сухим кормом, Ксюха вернулась за стол. Чубчик и Поночка дружно захрустели вкусняшками, а напыженный Звездоцап только возмущенно повел носом.

— И то правда! — тут же согласилась с ним Глаша. — Где ж енто видано, собак козьим горошком кормить! Я Трезору косточку поутру выношу, али хлеба краюху с молоком!

Ксюха уронила голову на стол.

— Нету у меня косточки, — тихо простионала она. — Вадь, ты только не уходи, умоляю. Я тут с ней с ума сойду!

— Сделаем так! — помолчав в своей манере, стукнул ладонью по столу Вадим. — Собирайтесь и поедем ко мне. В загородный дом. Думаю, Глаша, там приспособиться к новым реалиям вам будет легче.

— В смысле, а я тут при чем? — испуганно очнулась Ксюха. — Правильно, поезжайте! Там и природа, и первый этаж...

— Собирайся, говорю!

— Я не могу, у меня выставка, собаки!

— А у меня китайцы! Были... — поднимаясь из-за стола, парировал Вадим. — Одевайся и псов своих пакуй до кучи. Я один это все расхлебывать не собираюсь, ну и потом, мало ли, какая женская помощь ей потребуется, я так полагаю, что мне она теперь до сватовства и свадьбы и прикоснуться к себе не позволит!

— Ой, батюшки! Я это не надену! Да где ж это видано, чтобы девки в панталонах в обтяжку ходили!

— Это джинсы! У нас так ходят!

— Я не надену! Срамота! Экие хоромы дорогие, а одежду нормальную справить не можете!

— Ксюш, да найди ей платье!

— Ох, а худая-то какая! — сокрушалась Глаша, разглядывая «себя» в огромное зеркало шкафа-купе. Длинное шерстяное платье Ксюхи терракотового цвета, по мнению Вадима, сидело на ней шикарно, но Глаша была недовольна. — А губы-то, губы?! Словно пчелы покусали! Ой-ё-ёй! Такая молодая, а как есть вся седая! Да что ж с ей произошло-то такое, мать честная?

Ксюха, уже не сдерживая смех, размазывала по лицу счастливые слезы.

— Дык, говоришь невеста, а голодом до смерти заморил! — накинулась на Вадима Глаша. — Вот кому она теперь нужна такая? Коса покоцанная, да седая! Ох, вот же обделил боженька красотой... Ты уж не бросай ее, — еще раз сочувственно оглядев себя в зеркало, заявила она Вадиму. — Девка-то, видать, страданица, коли к таким годам здоровье положила. Но бог даст — поправится, коли любить да жалеть будешь, поправится

обязательно! А ты, я вижу — любишь. Правильно в народе говорят — не в красоте счастье, — обнадежила она Вадима, а Ксюха сползла по стенке на пол:

— Ааа! Можно я это запишу на телефон? — задыхаясь от смеха, выдохнула она. — Чтобы потом нашей принцессе дать послушать!

— Ее бы вернуть сначала, — тоже улыбаясь, пожал плечами Вадим. — Если это вообще возможно...

— Вернется, куда она денется! — уверенно заявила Глаша. — Бабка Анисья же вернулась! Эх, вот только бы догадались ей сказать, когда Ночку доить будет, чтоб ведро с левой стороны ставила, а то правой она лягается шибко!

— Твою ж мать... — усмехнулся Вадим, подхватывая одной рукой загнувшуюся в новом припадке хохота Ксюху. — Я хочу туда, я должен это видеть...

Темные тучи сгустились над Звздоцапом. Ох, неудачный день выпал ему сегодня по собачьему гороскопу. Как знал, всем нутром чуял — не надо было на ночь есть паштет куриный, ох, не надо, да и кота черного облаивать на днях тоже, пожалуй, не стоило.

Звздоцап затравленно топтался на небольшом, расчищенном от снега, пятачке двора. Окружили, демоны, в кольцо взяли, медленно сжимают круг, вражьи морды, вот только капитулировать без боя он не станет.

— Кондрат, ты чего там жмешься? Проход между сараями прикрой, не то в твой двор упустим, беды не оберешься.

— Не упустим, — сплюнул в снег плюгавый мужичонка сомнительной наружности в шапке-ушанке набекрень. Потряхивая старой оглоблей, он перекрывал Звздоцапу путь во дворы. — А ты, Анисья, в огород его не упустит, а то оттуда на речку сиганет — и поминай как звали.

— Дык и пуцай бежит, — встрял козлобородый дедок с бадиком. — Чай в теплые края не улетит...

— Я тебе убегу! — погрозила дедку веником бабка Анисья. — Там мяса килограммов пять, для лис что ли его выкармливали, да столько горестей от супостата ентого терпели? Во двор не пускай! Да не умничай, коли не просят! Кондрат! К погребке его прижимай! А как в дверь нырнет, дык там его мешком и накроем.

Щас! Накроют они! Звздоцап судорожно перебирал в уме пути спасения. Мужика с оглоблей можно цапнуть, но можно и промахнуться... А оглобля большая, поэтому лучше прорываться через бабку. Но больно веник у той страшный. Звздоцап оглянулся — со стороны курятника две мелкие девки планомерно растягивали рыбацкую сеть. Совсем плохо. Остается дедок...

Если рвануть на скорости, то можно проскочить, вот только лапы мерзнут, да и мало их как-то... На двух он бегать не привык. Но хуже всего, что сбегать без боя не хотелось. Бойцовское нутро рвалось в атаку, снедаемое желанием немедленно перекусать всех этих негодяев, посмевающих попать его собачьи права.

Все-таки мужик — он самый наглый, ни тени уважения на лице! Да и сивухой от него прет, ажно с морды воротит. Таких кусать — не перекусать, пока ума-разума не наберутся.

Звздоцап подал немного назад для разгона, зарычал: вышло плохо, но грозно, отбросил для устрашения назад лапами снег. Лап катастрофически не хватало, но теперь были крылья, и пока он воевал в курятнике с курами, он худо-бедно выучился их использовать.

Дальше события развивались стремительно. Тонкое собачье мышление подсказало: вместе с тактикой стратегического устрашения нужно использовать и технику визуального обмана противника. Поэтому нацелившись на бабку Анисью, он в последний момент сменил направление и бросился прямо на Кондрата. Вспорхнул, вцепившись когтями в ворот телогрейки — благо, мужик росточку небольшого — и клюнул прямо промеж глаз.

Кондрат охнул, но оглобля не выпустил, да и принятой с утра на грудь поллитры для отступления было маловато, зато достаточно, чтобы впасть в стадию упрямого быкования.

Кондрат взревел раненым буйволом, покачнулся, но устоял и с оглоблей наперевес попер на Звздоцапа. Тут на помощь последнему пришла гравитация, ибо тяжелая оглобля предательски понесла своего обладателя совсем не по намеченному маршруту, а немного в

сторону и вбок, прямо на девчонок, только что красиво растянувших сеть вдоль курятника.

Увидев несущуюся на них машину возмездия, от которой, путаясь в ногах, улепетывал Звздоцап, девки подняли визг, но завязнув по колени в сугробе, удрать не успевали. Спасла их деревянная тачка, что лежала перевернутая колесами вверх у курятника, с осени заботливо укрытая дедом ржавым металлическим листом, на котором бабка Анисья обычно сушила яблоки.

Налетев с размаху на эту конструкцию, Кондрат потерял оглоблю, загромыхал железом и, повалившись на ручки тачки, перевернул ее на себя, являя удивленным зрителям нового персонажа.

Сладко спавший под тачкой Трезор, даже не успел сообразить, что его тайное убежище, куда он еще с вечера заблаговременно проделал подкоп, раскрыто, и сонно хлопал глазами, нежданно-негаданно оказавшись в самом центре кровавой разборки. Однако, увидев прямо перед мордой разгневанного петуха, испуганно вытянул морду и на всякий случай сдал назад, пятясь к воротам.

Звздоцап, обнаружив подходящего по размеру противника, заметно воспрял духом и, окрыленный успехом, кинулся в новую атаку.

Но умудренный опытом Трезор связываться с буйным петухом вовсе не собирался, поэтому подскочил как ошпаренный и, развернувшись на скорости прямо в воздухе, ткнулся носом аккурат в развернутую сеть. Девки, не удержав концы, рухнули следом, и все дружно покатались в сугроб.

Бабка бросила веник и засеменила разгребать вопящую кучу-малу. Девки визжали и ругались, Трезор скулил, а из-под тачки раздавался громкий храп.

— Етить, какая театра скоморошья, — веселился дед Данила. — А вот поленился бы выйтить и пропустил бы, вовек себе бы не простил!

— Да что ж ты, ирод, все хохочешь? Помогай давай! — разматывая барахтающийся клубок, завопила бабка Анисья.

— Дык, не могу! Помру сейчас от смеху!

— Вот никто в селе не удивится, Данила! По жизни скоморох, да и со смеху помер! Бери тогда мешок, да иди кур из сугробов откапывать! Разогнал энтот окаянный всех, теперя не соберешь — так сами не вернутся, в снегу померзнут!

Звздоцап гордо вышагивал по двору победителем. Можно было бы, конечно, покусать еще и бабку, да вот вдруг все разбегутся, кому тогда являть победное шествие героя?

Бац! Метко брошенный под хвост валенок впечатал могучего чудо-воина всем телом в сугроб. Возмущенный таким вопиющим коварством и нарушением военной этики, он даже не сразу успел сообразить, что произошло.

Над головой раздался хруст снега, и два огромных сапожища застыли прямо напротив клюва. Здоровенный мужик приподнял Звздоцапа за крылья, отряхнул и молча потащил к бане. Другой рукой неизвестный богатырь выдернул из полена здоровенный топор и умело крутанул его в руке. Лезвие красиво сверкнуло на солнышке, и до Звздоцапа вдруг дошло...

Сейчас бы самое время проснуться и до конца своих дней заречься есть куриный пащтет перед сном, да вот не просыпается что-то! Мужик пнул сапожищем огромный пенек, проверяя, крепко ли тот стоит, и Звздоцап отчаянно взвыл...

— А ну не смей! Не смей, я сказала!

Снеженика, с растрепанной косой, на ходу пытаюсь попасть рукой в рукав дедова тулупа, спешила к бане.

Всю эту суматоху она наблюдала из окна избы, не переставая удивляться петуху. Каждое его движение, каждый жест казались до боли знакомыми и вызывали в душе тихую тягучую тоску. Глупая, неправдоподобная мыслишка назойливой мухой крутилась в голове, но Снеженика все отмахивалась от нее, пока, наконец, не сообразила: а почему бы и нет? Песик сидел у нее на коленях, когда...

Русоволосый парень по-хозяйски подхватил петуха, прикинув его вес, и потащил к пеньку... Витаминчик!

— Не тронь! — запыхавшись, она что есть силы толкнула наглеца в спину. — Твой что ли петух? Своих руби, а моего не трогай!

Закусив губу, она не без усилий и пыхтя выдернула бедолагу из его сильных рук и только после этого подняла глаза на душегуба. И тут же ахнула, осев в сугроб в обнимку с петухом.

— Вадим?!

Да собственной персоной! Только патлы отрастил да небритый! Откуда он тут?

Парень хмыкнул и недобро, а главное, безразлично глянул на Снеженику.

— Бабки Анисьи петух. Она и просила подсобить. А тебя никто не спрашивал, — сказал, как отрезал, и руку протянул, только не ей, чтоб помочь подняться, а требовательно: — Петуха сюда давай, да в избу иди. Не бабье это дело.

Что?! Уму непостижимо! Снеженика просто не верила своим ушам! Вадим не то что подобным тоном никогда с ней не разговаривал, у него такого даже в мыслях не бывало! А тут... Обросшая копия Вадима ухмыльнулась в усы и посмотрела на нее свысока.

— Облезешь! — с трудом взяв себя в руки, Снеженика самостоятельно выбралась из сугроба и, отбросив косу, спрятала петуха за спину. — А тронешь — дом сожгу! Уяснил?

Тот снова нагло усмехнулся, вогнал топор в пенек — так, что только щепка полетела. Потом равнодушно развернулся, подошел к перевернутой тачке, отбросил ее одной рукой и, подобрав мерно похрапывающего родителя, размеренной походкой направился к соседней избе.

Петух как-то странно заскулил и доверчиво ткнулся клювом прямо ей в подбородок. Черные бусинки глаз блеснули благодарно и очень знакомо, совсем по собачьи преданно.

— Витаминчик? — ласково позвала Снеженика и ей показалось, что петух едва заметно и приветливо вильнул хвостом.

Снеженика нервно мерила шагами избу. Уязвленное самолюбие отчаянно требовало реванша. Да как он смеет? За время совместной жизни с Вадимом она привыкла совсем к другому. Он любовался, восхищался, осыпал подарками и комплиментами, тихо терпел ее выходки и никогда не перечил. А если она его доставала, то просто замыкался и молчал, потом успокаивался и первым шел мириться, даже если она была виновата. Это сначала умиляло, потом бесило, потом и вовсе надоело, но было для нее привычным и правильным.

Но безразличие — это то единственное, чего она никогда не видела у Вадика в глазах. Чего же на него нашло? Ах да... она же в чужом теле! Но разве это причина, чтобы вести себя подобным образом?

— Димитрий, значит? Каков наглец, а? — она сдунула с носа выбившуюся прядку и грозно зыркнула очами на стариков. — Не спрашивали меня! Посмотри чего!!! Меня всегда спрашивают! Особенно он!!!

— И чего же он для вас такой особенный? Глашка-то тожа по нему сохла...

Снеженика резко затормозила возле бабки Анисьи.

— Я не сохла! Это он по мне сох! Там, в моем мире!

— Дык не он же... — пожал плечами дед Данила.

— Какая разница?! Эта, как её, генетическая память должна же быть! И совесть! — продолжала расплываться Снеженика, понимая, что несет полный бред. Конечно, это не Вадим, но видеть перед собой его лицо и чувствовать такое безразличие оказалось обидно и невыносимо.

— А Глашка-то ему не по сердцу, уж она и так, и сяк старалась... — продолжал подзуживать дед Данила.

— Я ему покажу — не по сердцу...

— Другую сватал...

— Чтоооо?!!

А вот это было уже слишком. Оскорбленная эгоистка в Снеженике проснулась и ухватила за дрын. Вадим он или нет, но это дело принципа! Он не может и просто не имеет права не обращать на нее внимания, а уж помыслить о том, чтобы уйти к другой... Снеженика шумно выпустила воздух из ноздрей, как бык на корриде, и мстительно закусила губу.

Бабка Анисья потихоньку толкнула деда локотком, тот понятливо крякнул и улыбнулся в седые усы. Теперь даже безусому коту было понятно — попался Димитрий, захлопнулся капкан, и не уйти...

За дело Снеженика взялась рьяно и немедленно, со всем пылом оскорбленного самолюбия и нерастраченного профессионализма. Поэтому, когда после обеда бабка Анисья заглянула в избу посмотреть, как готовится обед, то только руками всплеснула.

На обеденном столе вместо ожидаемых пирогов и шей был распят дедов тулуп, нещадно погромсанный овечьими ножницами. По горнице кружили обрезки пестрых лоскутков и ленточек, а Дуняшка с Ульянкой собачками крутились вокруг старшей сестры по принципу «дай, подай, иди на фиг», беспрекословно выполняя все ее поручения.

— А батюшки! Да разве ж можно в Святки шить! — с порога ахнула бабуся. — Дык

примета же! Скотина ж родиться не будет!

— А мы и не шьем! — тут же отбрила ее Снеженика. — Мы творим! Это творческий процесс. Скотина поймет!

— А вы чаво тут крутитесь? — цыкнула она на девчонок. — Велела же курей по улице собирать!

— Мы собрали!

— И сколь набрали?

— Четыре мешка... — деловито доложила Дуняшка и поднырнула под руку Снеженике, чтобы было лучше видно. — Глаш, вот тут еще бы бантик...

— Гляди-кась! — цокнула языком бабка Анисья, наблюдая, с каким благоговением девки крутятся вокруг новой гостыи. — Так и знала, что подслушивали... Все-то им знать надо, да везде носы свои сунуть... Бантик ей... Постой... Какой бантик? Енто ты где ленту алую взяла, не в сундуке ли? — спохватилась она.

— В сундуке, — зажимая зубами конец ленты, промычала Снеженика, прилаживая с Дуняшкой бантик на отложной воротник уже вполне читающей под ее умелыми руками дамской расклешенной шубки.

— Дык енто похоронная! Я ж себе ее на гроб купила!

— А ты не жадничай, бабуль, тебе чего важнее: Глашку замуж выдать или в гробу красивая лежать?

— А энтот почему опять в избе? — удивленно вскинула брови бабка, обнаружив мерно дрыхнувшего на печной лавке петуха. Тот удобно устроился на пуховой подушке и похрапывал, засунув нос под хвост, обустроенный уютно и со вкусом, даже с услужливо пододвинутой к лавке пудовой тыквой, чтоб удобней запрыгивать было.

— Он тут жить будет, — уверенно объявила Снеженика, не прерывая своего дела. — Чтобы кур не гонял.

— О курях она озаботилась. А о нас кто подумает?

— Он смиренный...

— Кто смиренный? Попадья из церкви выйти боится...

— Он больше не будет!

— Все куры седые...

— Он не со зла!

— Зато с дури! Ить хотела ж зарубить, чего не дала? Силушек нет никаких! Ни нам, ни соседям проходу не дает, доколе еще терпеть эту оказию?

— Не гони его, бабусь! — вступилась вдруг Ульянка. — Он Глашу слушается, даже команды выполняет, забавный такой!

— Да тьху на вас, — всплеснула руками бабка Анисья. Как есть одной командой спелись! И бес их разберет, энтих пришлых девах, почему их дети нерадивые да петухи клевачие слушаются. — А обед? А корова? — строго добавила она. — Ты, девка, обязанности свои знай. Хошь-не хошь, умею-не умею, а на тебе они! А я стара уже — спина не гнется!

— Точно! — вдруг спохватилась Снеженика, словно ухватившись за какую-то идею. Быстренько сгребла со стола свое творение, переложив его на топчан и выцепила искрящимися вдохновением глазами девчонок. — А что, девоньки, пироги готовить умеете? Предлагаю сделку: с вас — пироги, с меня — такие же шубки! Для каждой!

— Экая bestия! — крикнула бабка, понимая — мешать не надо. Девка боевая, матёрая, и

дело свое знает. Раз сумела своего Димитрия из будущего захомутать, то и этот никуда не денется, а значит — быть их Глашке замужем.

— Тук, тук, тук, есть кто дома? — Снеженика, подметая крыльцо полами новой шубейки, застыла на пороге соседского дома.

Двор утопал в сиреневых сумерках. По снегу плыла поземка, завиваясь в причудливые колечки, а снег поблескивал драгоценными переливами в свете восходящей луны. Снеженика поправила намеренно небрежно накинутый на голову платок, из-под которого выглядывала тугая коса с алой лентой, и поудобнее перехватила руками расписное блюдо с пирожками, укрытое чистым ручником.

Дверь открыл Димитрий.

— А я к Кондрат Егорычу! — с порога объявила Снеженика, подробно проинструктированная ушлыми сестренками. Она кокетливо отодвинула его плечом, причем так, чтоб ненароком «нечаянно» зацепить полной грудью, и заглянула в избу. — Дома ли батюшка твой?

Кондрат Егорыч изволил почивать прямо за столом. Уткнувшись носом в пустую тарелку, он сладко похрапывал в обнимку с початой бутылью самогона. Разбуженный стуком, приподнял голову, с трудом размыкая осоловевшие глаза, и, разглядев гостью, приветливо мыкнул.

— И вам доброго здоровьечка, Кондрат Егорыч! — затараторила Снеженика, скидывая шубейку в руки замершему столбом Димитрию. — А что ж вы ужинаете, да без закуси?

Она элегантно жестом откинула назад заплетенную тонким колоском косу и присела на лавку напротив гостеприимного хозяина.

— А я вам пирожков напекла! Уж не сочтите за наглость, но вы сегодня пострадали от моего петуха. Вы уж простите, Кондрат Егорыч, не доглядела! И примите, так сказать, угощеньице в качестве компенсации за причинение вреда здоровью!

Сосед скосил сонные глаза к носу, и Снеженика могла поклясться, что слышит, как со скрипом поворачиваются в его черепе ржавые шестеренки. На лице его отразилось недоумение, плавно переходящее в чувство собственного превосходства. Ни слова не поняв, но почуяв в речах гостьи уважение к его персоне, Кондрат Егорыч подобрался и важно поддержал разговор:

— Дык... Я... И... Воооо! — он многозначительно потряс указательным пальцем, а Снеженика тут же подхватила диалог:

— Ой, и не говорите, Кондрат Егорыч! Вы человек уважаемый, интеллектуального труда, и дело свое знаете, и к животным особый подход имеете! Не то, что некоторые, чуть что — сразу за топор... — при этом она даже не посмотрела в сторону Димитрия, да она за все время вообще на него даже взгляда не бросила, словно и не было его в избе.

— Нуу... — гордо задрал нос пастух, величаво соглашаясь с каждым ее словом и, преполненный чувством собственного достоинства, значимо закончил фразу: — Дык!

— Вот и я удивляюсь, — снова подхватила Снеженика. — И у такого почтеннейшего человека — такой сын некультурный! Никакого же уважения ни к чужому имуществу, ни к слабому полу! Нехорошо это!

Кондрат Егорыч удивился, но словам гостьи внял. Даже попытался оказать содействие.

— Уть! — погрозил он пальцем сыну, безрезультатно пытаясь приподняться и стукнуть кулаком по столу, но потерялся в пространстве и бухнулся обратно на лавку.

— Ой, беда, беда... Как говорится: в семье не без... ну, вы меня поняли... — посетовала Снеженика. — Ну да ладно, пойду я! — спохватилась она, поднимаясь. — Веселый вы человек, Кондрат Егорыч, разговорчивый! Всегда приятно пообщаться с интересным собеседником. Вы закусывайте, закусывайте, а за тарелкой я завтра зайду!

Она все так же не глядя выдернула шубейку из рук так и не двинувшегося с места Димитрия, словно он простая вешалка для одежды, и добавила с порога:

— Я вам завтра щец принесу, Кондрат Егорыч! А то сын-то у вас непутевый, так и с голоду помереть недолго. И сам готовить не умеет, и жениться не спешит. Нет, понимаешь, никакого понятия, что отец пожилой, уставший труженик, за ним уход надлежащий нужен... Только о себе и думает, а я читала, в вашем возрасте отдых полезен и витамины.

При последних словах Кондрат Егорыч согласно мыкнул и, расчувствовавшись, потянулся за бутылью, справедливо расценив, что тост получился на славу.

Димитрий вышел на крыльцо вслед за Снеженикой.

— И когда же ты, Глафира, читать выучилась? — недоверчиво спросил он. — То бэ да мэ сложить не могла, а то читала она! Того и гляди в земской управе заправлять станешь!

— А много ль ты обо мне знаешь? — поправляя платок, зыркнула глазами она. — Это ты ни бэ ни мэ сложить не можешь, а я могу и написать!

Она подхватила прутик от веника и красиво вывела на серебрящимся под луной сугробе «Димитрий — дурак».

— Спокойной ночи тебе, сосед! — и, вильнув бедрами, скрылась в соседнем дворе, оставив недоуменного парня разбирать ее послание.

Снеженика вышла на крыльцо. Утреннее, по-весеннему яркое солнышко золотило чуть подтаявшие дорожки, осевшие сугробы и влажные ветки деревьев, по которым скакали и орали, силясь перекричать друг друга, неугомонные воробьи. Она прищурилась и посмотрела на небо — голубое, без единого облачка. Вдохнула полной грудью утреннюю прохладу и улыбнулась — красота-то какая! И ведь жили же люди раньше: и снег искрящийся, и воздух свежий, и небо голубое! Хотя... Может в своем времени она этого просто не замечала?

Она обняла двумя руками пустое ведро и неуверенно потопталась на крыльце. Сегодня предстояло испытание — знакомство с Ночкой. Данная зверюга вменялась ей бабкой Анисьей как главная обязанность, и деваться было некуда.

Девки весь вечер наперебой рассказывали, что ничего там страшного нет: корова — как корова, да только на душе у Снеженики было беспокойно. Про коров она читала, что животные они не хищные, и уже это немного вселяло надежду, что сегодняшний день закончится без жертв.

Вообще с девчонками ей очень повезло. За умеренную плату в виде перешитого тулупчика или сказки про Красную шапочку с ними можно было договориться о чем угодно, а уж поделиться небогатым опытом, последними сплетнями, да надавать бесполезных советов они готовы были и бесплатно, только успевай слушать.

Дверь тихонько скрипнула, и на пороге появился заспанный Звездоцап. Тот факт, что он теперь петух, по его мнению, ни в коем случае не обязывал его встречать рассвет, поэтому спал он досыта, а свои дела по привычке выходил справлять на улицу, чем несказанно удивлял стариков. Он лениво потянулся и проковылял к ближайшему кусту.

Снеженика весело спрыгнула с крыльца и побрела к сараю. До земли зачищенный двор возле дома соседа не оставлял сомнений — ее сообщение Димитрий прочитал. При мысли о нем на сердце потеплело и стало весело. Проснулся интерес и азарт охотницы. Снеженика потеряла ладошки: то-то еще будет, Димочка, ты только подожди!

Вообще-то без девчат соваться в коровник она не планировала, но те задержались в избе, чтобы помочь вечно ворчащей бабке Анисье, и Снеженика решила рискнуть. Подумаешь — корова! Не ягуар же!

Едва отворив дверь сарая, она взвизгнула и выронила ведро. В коровнике дрались коты: рыжий безусый бабки Анисьи и серая пиратская морда какого-то бродяги. Коты выкатились прямо ей под ноги и встали в боевую стойку.

«Нга-нга-нга!» — теряя слюни, заявил пират, но рыжий в долгу не остался: он завел уши назад, запустил хвост и взвыл: «О-о-о-о! Мня!»

— Чтоб тебя! — согласилась с ним Снеженика, поспешно забегая в сарай.

В коровнике пахло скотиной и навозом. Снеженика поморщилась. Особенно сильно воняло из загона с козами. Хорошо, что туда ей было не надо, поэтому она развернулась в сторону стойла и тут же вляпалась в жирную коровью лепеху.

— Фууу, — пробормотала она, вытирая грязный валенок о солому, с трудом сдерживая желание все бросить и убежать в избу. Но бабка Анисья житья не даст! Все твердит, что она должна усвоить какой-то урок, чтобы домой вернуться. Эх, знать бы, что же это за урок!

Остатки настроения улетучились, когда она заглянула в стойло. Огромное, черное как ночь, рогатое чудище, стояло в загоне и что-то лениво жевало. Оно равнодушно, прямо как

Димитрий, скользнуло по ней глазами и мотнуло головой, лизнув мясистым языком собственный бок. Тягучая нитка слюны упала на солому, а чудовище ткнулось носом в пустую кормушку.

Снеженика так и замерла, не в силах двинуться. Какая же это корова? Это же демон из преисподней! Того и гляди перепончатые крылья расправит за спиной!

Дверь сарая громко скрипнула.

— Ну как тебе? Нравится? — весело поинтересовалась Дуняшка.

— А чего она... такая большая? — с трудом выговорила Снеженика.

— Обычная, — пожала плечами Дуняшка. — Значит, смотри! — деловито продолжила она, окрыленная осознанием, что сейчас она главная. — Сначала надо ей мешанку дать. Вот так!

Она что-то замесила в большом тазу, добавив туда теплой водицы, что принесла с собой и, щедро сдобрив картофельными очистками, подсунула эту вкуснятину Ночке. Та довольно захрустела угощением, а Дуняшка пригласительно кивнула:

— Вот теперь можно и доить.

Она отобрала у оторопевшей Снеженики ведро, подставила к боку коровы кривую скамеечку и предложила:

— Давай!

В другое время Снеженика уже бежала бы прочь и волосы назад, но теперь очень хотелось домой, и выбора не было.

Она осторожно присела на табуреточку и с глазами, полными ужаса, уставилась на упругое коровье вымя. Потом вскочила обратно.

— Давай сначала ты!

— Ох, беда с тобой! — засмеялась Дуняшка. — Смотри! Сначала вымя тряпицей влажной оботри, потом обмажь сосцы гусиным жиром, — поучала она, показывая, как и что нужно делать,

Дуняшка примостилась на скамеечке, и вскоре под ее умелыми руками о дно ведра ударили первые струйки молока. Они пересекались в воздухе, искрились снежной пылью и стекали густыми каплями по стенке ведра, образуя белую пену. Снеженика зависла, залипнув на эту картину. Доселе она видела молоко только в магазинных упаковках и ни разу не озаботилась мыслью, а откуда оно берется?

— Теперь попробуй ты, — скомандовала Дуняшка, уступая ей место на скамеечке.

Ну что ж! На первый взгляд — не сложно. У малявки получается, корова не кусается — можно и попробовать. Снеженика с готовностью поправила платок и с опаской примостилась у коровы.

— И что делать? — растерялась она.

— Как — что? Доить!

— Чего?

— Корову!

— Как?

— Руками! — расхохоталась Дуняшка. — Как я показывала. Хватай за сосцы и тяни!

— А если укусит?

— А-ха-ха! Какая ж ты дурная, Глашка!

Снеженика закрыла глаза, собрала всю волю в кулак и нерешительно ухватила за сосцы, зажмурилась и потянула. Ничего.

— Оно не работает!

— Кто?

— Ну, нету молока!

— Я же раздоила! Тяни шибче!

— Ей же больно будет!

— Не будет!

— Мамочки... — Снеженика выдохнула и потянула сильнее. Ночка фыркнула и не обращая ни малейшего внимания продолжила жевать.

— Не получается!

— Дык тяни сильнее!

Снеженика зажмурилась и дернула.

Ба-бах! Звонко дзинькнув о тяжелое копыто, ведро пулей выскочило из-под руки Снеженики и, вылетев в приоткрытую дверь, загромыхало по обледенелой дорожке. Сама же горе-дойрка от страха опрокинулась назад и упала на спину вместе с табуреткой. Вскочила, путаясь в полах тулупа, застряла валенком в перекладине скамейки, попыталась вытащить ногу, и тут же отхватила пощечину тяжелой метелкой хвоста.

— Мамочки! — охнула она, хватаясь за щеку, и опроретью бросилась на улицу прямо со скамейкой на ноге, но поскользнулась на все той же коровьей лепехе и загромыхала, повалившись на аккуратно прислоненные к стене мотыги и грабли.

Те звездаподом посыпались на ее бедовую головушку, а Снеженика, с трудом выбравшись из кучи огородной утвари, снова рванула к выходу. Споткнулась о сидящего у порога вездесущего Звездоцапа, который конечно же засунул свой любопытный клюв в сарай, дабы проконтролировать столь серьезный процесс, и наконец-то, уже вне себя от ужаса вывалилась на улицу. И тут же оказалась нос к носу с озадаченным соседом.

Димитрий как раз нес стопку поленьев в дом, но привлеченный жутким грохотом свернул к сараю. Сначала из распахнутой двери вылетело ведро, потом кувырком — петух, а за ним — его соседка с безумными глазами и табуреткой на ноге. Она сделала кульбит на разлитом молоке и, по инерции проскользив до него, схватила за рукав. Поленья посыпались на снег, да и сам Димитрий, не ожидав такого натиска, не устоял на ногах и вместе с Глашей бухнулся в сугроб.

В довершение картины на крыше сарая послышалась возня, сдавленные мявки и рычание. Серо-рыжий клубок сверзился вниз и покатился по расчищенной дорожке прямо на них. В воздух взметнулись разноцветные клочья шерсти, снежная пыль и ошметки соломы.

— Спасите! — что есть силы завопила Снеженика, цепляясь за шею Димитрия.

Тот громко выругался, стряхнул ее с себя. Хлопнул в ладоши, разгоняя котов, которые при громком звуке расцепились и дунули в разные стороны, и, потирая бок, поднялся с земли.

Из сарая выглянула испуганная Дуняшка, тут же подбежала кормившая кур Ульянка.

— Глашка, ты цела?

Снеженика медленно приходила в себя. Вот же как некстати все случилось. И надо было ему выйти из дома именно сейчас! Нужно срочно исправлять ситуацию. А что делать, когда все пошло не по плану? Правильно! Сделать вид, что так и было задумано!

— Доброе утро, сосед! А я тут уборку в сарае затеяла...

Димитрий поворчал в усы и молча принялся собирать поленья. Вот же чурбан

неотесанный!

— Что, даже не поможешь девице подняться?

— Где девица, а где баба неповоротливая, — проворчал он и отвернулся. Потом сгрузил груды дров у своего крыльца и вернулся к бане за новой.

Снеженика закусила губу и недоуменно проводила его глазами. Ого, крепкий орешек попался, голыми руками не возьмешь! Но ничего, и не таких видали!

С трудом проглотив обиду, она поднялась и отряхнулась.

— Два сарафана, две шляпки и по рубахе с рюшами! — коротко бросила она девкам. — Только корова на вас!

— По два! Каждой! — деловито сложила руки на груди Дуняшка. И где только эти занозы выучились торговаться?

— Черт с вами, по два! Но в сарай я больше ни ногой!

— Идет! — девки переглянулись и скрылись в коровнике.

Снеженика, охая, подковыляла к бане.

Димитрий ловко орудовал топором. Огромные поленья разлеталось в мелкую щепу от одного удара, а сам он — суровый и хмурый — скинул тулуп и, казалось, даже не замечал ничего вокруг.

Снеженика кокетливо уселась на пенек, старательно пряча в сугробе грязный валенок.

— Вот смотрю я на тебя, сосед, и диву даюсь! Такой мужик видный — и никому не нужен...

Рука Димитрия дрогнула, но работу он не прекратил.

— Так уж и никому, — усмехнулся он, не глядя на нее.

— Тебе Федоська отказала....

— Зато ты не откажешь небось, — грубо бросил он, задетый за живое. — То-то я смотрю, постоянно рядом вьешься... Только и ждешь...

— Я? — возмущенно хмыкнула Снеженика. — Да если хочешь знать, я за тебя ни за что бы не пошла!

— Вот как? — на этот раз Димитрий опустил топор и обернулся.

— А ты как думал? — повела плечом она. — Мне нравятся мужчины ласковые, к красоте женской равнодушные, а ты? словно полено это — деревянный и бесчувственный.

— Ну дык и мне девки красивые да женственные нравятся, а не медведицы неуклюжие, — сказал, как припечатал, собрал груды дров и молча пошел к избе.

Снеженика возмущенно хватала ртом воздух. Руки чесались запустить вслед поленом, а еще лучше — топором. В жизни ее так не унижали да таким пренебрежением не обливали! Тоже мне, принц неприступный! Вадька больше был похож на принца, а его, заметьте, она охмурила вообще с первой встречи!

Как сейчас помнила тот день, когда подвернулся каблук на эскалаторе в торговом центре. Она схватилась за руку стоящего рядом парня, разлила на его дорогой костюм стаканчик кофе, что он держал в руках. Вот только тот не ругался, даже слова грубого не обронил, наоборот, еще и извинялся, что она на него его же кофе пролила...

Сердце сжалось теплыми тисками. Да будь это Вадим, он и из сугроба вытащил бы, и отряхнул, и сто раз поинтересовался, в порядке ли, и весь вечер пылинки бы с нее сдувал... Как тогда, зимой... Снеженика прикрыла глаза. Они катались на лыжах на Красной Поляне. Она неудачно упала, ободрала ладони о корку снега. Он принес ее в номер, усадил у камина, обложив подушками, и весь вечер отпаивал горячим глинтвейном... Снеженика тихо

всхлипнула. А теперь что же? Так и оставаться ей здесь беззащитной, никому не нужной и одинокой?

Она подхватила на руки пригорюнившегося рядом Звздоцапа. Какой всё же классный ее Вадька... И как он там, без нее?

Вадим болезненно поморщился, глядя в монитор видеонаблюдения. Камера у входных ворот навязчиво демонстрировала черный Ниссан его помощника Андрея. В двенадцать ночи! Какого черта?

Он тихо выругался. Визит Андрея в его загородный дом был некстати от слова «тебя еще тут не хватало», особенно после того, как сегодня они с Кириллом виртуозно провалили презентацию и упустили партнеров, которых Вадим окучивал почти год!

Разговаривать после такого с Андреем не хотелось, разве что — убить, и заявляться среди ночи прямо к нему в дом со стороны его помощника было по меньшей мере небезопасно.

Звонок продолжал трезвонить, вызывая мигрень и искры в глазах, в довершение к этому Андрей еще начал сигналить, и Вадим, напугавшись, что тот разбудит весь поселок, нехотя нажал на кнопку. Ворота отъехали вбок, пропуская ночного визитера, а Вадим, скрипнув зубами, поплелся открывать дверь.

— Полюбуйся! — даже не здороваясь прорычал Андрей, затаскивая через порог дома грязное, лохматое нечто.

Нечто болталось, поддерживаемое Андрюхой за шкирку, и отчаянно воняло рыбой.

— Ты что, бомжа ко мне притащил? — удивился Вадим.

— Ну почему же, — хмыкнул Андрей, — это твой креативный директор. И, мать его, до такой степени креативный, что даже я не перестаю удивляться!

— Кирилл? — глаза Вадима полезли на лоб.

Вообще-то Кирилл был блондином, но сейчас в руках Андрюхи болтался грязный бомж с лохматыми черными патлами в некогда дорогом и добротном костюме, сейчас больше напоминавшем выдавшую виды помойную тряпку, щедро разукрашенную разноцветными пахучими пятнами, с оторванным рукавом и дырой на коленке. При этом костюм был мокрым, а верхней одежды на Кирилле вообще не было, поэтому Андрей быстренько затащил его в дом и свалил как куль с мукой в прихожей.

— Он самый, — подтвердил Андрей самые худшие опасения Вадима. — Забрал из ментовки — и сразу к тебе, уж извини, но не знаю, куда его в таком виде везти.

— Почему он в таком виде?

— Да говорю же — неконтролируемый приступ креативности, чтоб его! — чуть не сплюнул Андрей. — Мы сегодня как презентацию с китайцами похерили, так он места себе не находил. Нажрался коньяка, поперла бычка по типу «я что ли хуже их?» Кароч, орал, что докажет тебе, что он круче бараньих колечек... Я думал — пьяный бред, а он... Прикинь, нацепил парик, усы и поперся вечером в ресторан, где наши китайцы с конкурентами контракт обмывали. Догнался там до кондиции, устроил дебош... На вот, зацени, — он пошарил в кармане и протянул Вадиму флешку. — Попросил знакомого мента копию записи с камер наблюдения сделать. По-моему, тянет на Оскар...

— Ты зачем его сюда-то притащил? — растерялся Вадим. — У меня сейчас своих проблем хватает!

— А куда? — развел руками Андрей. — Маринка его бросила, а у меня жена беременная! Ей такие стрессы ни к чему. Не, можно было оставить в обезьяннике, но мне казалось, он тебе еще нужен!

— Да у меня ща...

— Всё! — Андрей хлопнул Вадьку по плечу и развернулся на выход. — Не знаю, что там у тебя, и знать не хочу. Я своё дело сделал, дальше ты разбирайся. А мне еще после этого идиота машину отмывать. И я так понимаю, что завтра в офисе вас не ждать? Поэтому я поеду. Не возражаешь?

— Фуу, — выглянула в прихожую Ксюха, успев застать закрывающуюся за Андреем дверь. — Тут кто-то сдох? Вроде она уснула, — быстро доложила она застывшему столбом Вадиму. — А то прям стресс на стрессе, я и не ожидала, что она так машины испугается. Я вот что подумала, а может, проспится, мозги на место встанут, и завтра проснется как ни в чем не бывало? Вадим, это что? — Ксюха прервалась и указала глазами на пол.

— Это Кирилл, познакомься. Мой зам, — устало выдохнул Вадим. — Кир! — он присел на корточки и потрепал его за плечо. Тот что-то нечленораздельно промычал в ответ, нашарил в прихожей Ксюхин сапог и, пристроив его вместо подушки, демонстративно отвернулся.

— Интересный у тебя подход к подбору персонала... — скривила губы Ксюха.

— А ты не ерничай, а лучше помоги, — Вадим подхватил Кирилла под руки и на удивление легко закинул себе на плечо. — Ванную открой!

Ксюха, зажимая нос, засеменила к ванной:

— А это что, у вас такой дресс-код, чтобы отличать своих по запаху?

Вадим молча сгрузил тяжелую ношу в ванную. Кирилл недовольно замычал, почмокал губами и снова обнял сапог, который он умудрился не выпустить по дороге.

— Вот! — хлопнула в ладоши Ксюха, отбирая у него свое имущество. — Теперь надо дверь покрепче закрыть и шкаф снаружи придвинуть, чтобы ночью не вылез...

— Чего? — улыбнулся Вадим и включил душ. Кирилл даже бровью не повел, только поежился, явно с удовольствием, и смачно захрапел.

— Зря теплую включил, — с сомнением протянула Ксюха, здесь нужен арктический лед...

— Вот и займись. Раздень его и помой, а мне нужно срочно глянуть кое-что, — Вадим подкинул в руке флешку Андрея. — Реально, я должен быть в курсе, что он конкретно натворил.

— Я?! Мыть вот это?! — Ксюха попыталась изобразить возмущенный обморок, но Вадим ее уже не слушал, а просто молча развернулся и дунул из ванной.

— Куда? — бросилась за ним Ксюха. — Я не твой подчиненный, чтобы мне указывать!

— Не ори, разбудишь Глашу, — бросил Вадим, скрываясь в своем кабинете.

— Бесстыжая ты морда, Вадька! Предлагать порядочной девушке такое?! — деланно возмутилась Ксюха. — И дома начальника выключай! — добавила громким шепотом в щелку двери.

Она тяжело вздохнула, немного потопталась у двери, пытаясь подслушать, что там смотрит Вадим, и вернулась обратно в ванную. Здорово подмывало бросить здесь этого вонючего русала, но было жалко Вадьку. Тот тоже порядочно набегался и устал. Да что ж за день такой безумный?

Кирилл уже пускал пузыри, и задержись она подольше, пришлось бы всю ночь прятать труп, а это опять ненужные хлопоты...

— Вот же чудо-юдо на мою голову!

Ксюха с сомнением оглядела вышеозначенное чудо. Подумав, стянула с него дорогие

ботинки, немного помедлила и взялась за пряжку ремня... Через десять минут в ванной плавал неплохо сложенный молодой мужчина в боксерах и прилипшей к телу белой рубашке.

«Хмм, а очень даже ничего...» — Ксюха невольно залюбовалась.

Костюм мокрой лужицей растекся по полу ванной. Ксюха брезгливо подцепила двумя пальцами пиджак, с сомнением посмотрела на стиральную машинку, потом скривилась и отправила его в корзину для мусора. Туда же полетели рваные штаны. Нужно бы упаковать все это добро в мешок для мусора. В два мешка. Нет, лучше — в три, чтоб не воняло.

Присев на край ванны, она потянулась к пуговицам на рубашке парня, но тот неожиданно открыл глаза.

— О-ой, царевна-лягушка, — полусонно пробормотал он, смешно растягивая гласные.

Ксюха чуть не свалилась в воду от возмущения. Ну да, глаза большие и зеленые, и водолазка эта цвета хаки ей всегда была к лицу, но это же не повод, чтоб ее лягушкой обзывать!

— Вопрос еще, кто здесь лягушка, — недружелюбно отозвалась она, расстегивая пуговицы на его рубашке.

— Оу, вот прям так сразу, даже без прелюдии? Какие нынче царевны пошли... — пьяно улыбнулся Кирилл, скосив глаза на ее руки. — А не подскажите, а на каком болоте я вас подстрелил?

— Это я тебя ща подстрелю, если не замолкнешь, — строго, как воспитательница в садике шкодливому пацану, выговорила она, — я тут как раз у Вадима в кабинете пневматическое ружье видела.

— Ну разве можно так... с царевичами, — обиженно булькнул Кирилл и сполз под воду. Ксюха выудила его за ворот рубахи.

— Ты на царевича никак не тянешь. Разве что на Водяного... Руку давай, да снимай же...

Мокрая ткань липла к телу, цеплялась за пальцы, а обладатель рубашки вовсе не торопился ей помогать.

— Я а-а-динокий Водяной, никто не водится со мной... — душераздирающе взвыл он, и Ксюха прыснула.

— Не удивительно, — она нагнулась, чтобы стянуть рубаху с другой его руки.

— Мадам, вы станете моей женой? Этой... Водянихой... Мне так одиноко в этом болоте... — неожиданно заявил Кирилл и, обхватив ее за талию, потянул на себя.

Ксюха такой подставы не ожидала, поэтому завизжала, расплескивая воду, но не удержалась и плюхнулась задом прямо на живот Кирилла. Вылупив глаза, как кошка, упавшая в воду, ухватилась пальцами за края ванной, пытаясь вылезти, но тщетно — Кирилл держал её крепко. Вне себя от возмущения, она вцепилась пятерней в его волосы и заверещала еще громче, когда поняла, что, кажется, лишила Водяного шевелюры. Черные патлы остались у нее в руке, а на озорные глаза упала длинная светлая челка. Теперь этот русал казался даже симпатичным, и Ксюха на мгновение застыла, перестав выдираться из его рук.

Дверь хлопнула, и на пороге появился Вадим. Причем на удивление приободренный и довольный.

— Ну как, справляешься? — весело поинтересовался он у Ксюхи.

— Чего лыбишься? Руку давай! — сердито рывкнула она, скользя мокрыми ладонями по

бортику ванной.

— Я вижу — клиент отживел, — улыбнулся Вадим. Он подал руку Ксюхе, помогая выбраться. Та, кряхтя и булькая от негодования, вылезла из ванной и теперь стояла, польхая праведным возмущением, а с одежды ручьями стекала вода.

— Как видишь, — сердито буркнула она и продемонстрировала Вадиму черный лохматый парик. — Вот полинял только малость. У тебя все замы по зиме линяют или только самые креативные?

Глава 18

Глаша проснулась как всегда — до зари. Сладко потянулась на мягкой постели. До чего же у них все богато и по-царски — даже вставать неохота!

Вадим устроил ее со всеми удобствами — в спальне на первом этаже с окном, выходящим в сад, предварительно убрав из комнаты всякое непотребство в виде телевизора, колонок и пылесоса.

И все бы хорошо, да вот беда — такие хоромы богатые, а рядятся в обноски! Штаны какие-то рваные, кофты растянутые. То ли дело занавески! — Глаша любовно огладила рукой плотную переливчатую гардину. Экое платье получилось бы — краше, чем у самой царицы!

Вчера после долгих споров, уговоров и примерок она, скрипя зубы, согласилась одеть только банный халат Снеженики — махровый, вырвиглазово розового цвета с бабочками. Во-первых — длинный, во-вторых — красота-то какая! Белая дубленка с норковой опушкой тоже пришлась Глаше по душе, на этом вопрос ее гардероба временно был закрыт.

Глаша покрутилась возле зеркала, любуясь бабочками. Пригладила волосы и заплела их в тонкую косицу. Поохала, еще раз пожалев ее несчастную обладательницу, и осторожно вылезла в гостиную.

В гостиной на диване храпел чужой мужик. Вчера его Глаша не видела, но решила не удивляться. Мало ли... Дом вон какой большой, не одни же они там живут, не иначе как на несколько семей. Сосед, значит.

Она аккуратно обогнула диван и выскочила в прихожую, накинула дубленку и пушистые угги. Эти занятные валенки ей тоже понравились.

Зачем ее с утра несло на улицу — она и сама не знала. По привычке. Хозяйство же ждет. Скотина не кормлена. Но тут же погрустнела, вспомнив, что скотину тут не держат. Хотя, нет... Местное хозяйство в виде трех шпицев уже нетерпеливо толпилось у порога, поскуливая и намекая, что вовсе не против составить ей компанию.

— Пойдемте, маленькие мои, пойдемте. По нужде приспичило? И то дело... И взяли моду — собак в доме томить. Столько места вокруг, склотить бы будочку, да на двор, — тихо приговаривала она, открывая входную дверь.

Шпицы дружно дунули на улицу — все, кроме Вениамина Звздоцапа фон Бойчика, который вальяжно вышел, отряхнулся и, повернувшись на восток, гортанно взвыл, отчего Глаша вздрогнула — заболел что ли? Но тот довольно вскинул нос и потрусил к ближайшей скамейке.

Глаша тоже присела. Ясное, морозное утро было таким же, как в ее родной Авдеевке. Небо на востоке перемежалось темно-синими и алыми полосами с оранжевыми всполохами. Она видела эту красоту сквозь стволы высоких сосен, что росли на участке Вадима. Как же уютно! Кованые фонари подсвечивали выложенную плиткой дорожку, вдоль которой даже зимой зеленели глянецом кусты бересклета. Пушистый снежок поблескивал в свете фонарей, а на рябине, усыпанной красными ягодами, уже чирикали ранние птицы.

Шпицы резвились вне себя от счастья, гоняясь друг за другом по расчищенным дорожкам, но Звздоцап их энтузиазм не разделял. Глаша подивилась, наблюдая, как он с важным видом запрыгнул рядом с ней на лавку, не без труда, цепляясь зубами и лапами, перелез на металлическую кованую спинку и ожидаемо рухнул носом в сугроб. Глаша только

головой покачала, когда он безрезультатно повторил эту попытку и, сжалившись, усадила его себе на колени. Так они и встретили рассвет.

Когда мимо ворот проехала первая машина, Глаша вздрогнула. Даже вспоминать не хотелось эту жуткую металлическую повозку, которая несется быстрее ветра. Как ни любопытно было Глаше рассмотреть сам город, но справиться с испугом не смогла и всю дорогу визжала с закрытыми глазами. Потом догадалась накинуть капюшон и дрожала. Вот то ли дело — лошадь! Глаша даже верхом ездить умела. Ведь есть же место, чтоб сарай построить, да пару лошадок завести! Нет — ездят на этих вонючих телегах... И она испуганно покосилась на гараж.

Шпицы нагулялись и смешно поджимая лапы толкались у двери, кидая на Глашу вопросительные взгляды. Уже давно рассвело, пора бы позаботиться о завтраке. Вчера Ксения показала ей кухню. Просторная, жалко — без печки. Со страшным зверем по имени микроволновка Глаша связываться не решилась, а вот духовой шкаф при хорошем воображении мог бы сойти и за печь, так что нужно попробовать. Она поднялась с лавки и довольно потянулась.

В гостиной разворачивалась горячая баталия. Вадим — руки в боки, и Ксюха — исключенная, в жуткой пижаме с разноцветными танцующими единорогами, нападали на ночного гостя.

Глаша потихонечку, чтоб не мешать, прокралась вдоль стенки и вместе с собаками юркнула в кухню.

— Да что ресторан, ты его про вечер вчерашний спроси! — донесся вслед возмущенный голос Ксюхи.

— Подожди, у меня к нему других вопросов море... — грозно пробасил Вадим.

— Да чего пристал, не помню я ничего! — отбивался Кирилл. Он испуганно вжался в диван, обводя непонимающим взглядом помещение. Где он? Как тут оказался? Что это за девка, явно — с претензиями, и явно — к нему?

Смотреть на девку было страшно, на единорогов — еще страшнее, а на Вадима после вчерашнего вообще смотреть не хотелось. В голове царил сумбур, и деревянные дриады пели серенады. Хотелось забиться под подушку, чтоб никого не видеть и не слышать, но чувство самосохранения подсказывало — надо защищаться.

— Что значит — не помню? — наседал Вадим.

— То и значит! — торопливо огрызнулся Кирилл. — Помню презентацию, потом, как коньяка в офисе выпил... А потом просыпаюсь вот тут... Вот в этом... — он с сомнением оглядел себя: выцветшая футболка, явно на пару размеров больше и такое же сползающее трико. — Че за хрень ты на меня нацепил?

— А ресторан?

— Какой ресторан?

— Кир, я запись с камер наблюдения смотрел! Скажи еще, что не ты сорвал китайцам ужин с конкурентами?

— Я сорвал?! — глаза Кирилла надо было видеть: искренне недоумевающие, словно он в гостиной у Вадьки мраморного трицератопса встретил.

— Тебе огласить список твоих достижений?

— Да чё я такого сделал?

— Испортил репутацию приличному заведению... — начал перечислять Вадим.

Кирилл нахмурился, старательно выискивая в памяти события вчерашнего дня. Тщетно.

— Подрался с директором конкурирующей фирмы...

— С Семагиным что ли? — надменно фыркнул Кирилл. — Так ему и надо...

— Ну а партнеры наши чем тебе не угодили?

— Хрена с два они наши партнеры!

— Но это не повод, чтобы портить с ними отношения! Тем более, их руководитель — пожилой, принципиальный человек, с кучей тараканов в голове! — повысил голос Вадим.

Кирилл неуютно поежился под его суровым взглядом.

— Да я не собирался! И вообще — он меня неправильно понял...

— Очень хочется надеяться, что он вообще ничего не понял!

— Да чего такого я сказал?!

Вадим поднял брови и развел руками:

— Что с Фудзиямы на него плевал!

— Да ну ты гонишь! — неуверенно усмехнулся Кирилл.

— Назвал его узкоглазым лапшеедом...

— Блин... — Кирилл досадливо сгреб волосы рукой и задумался. Мыслительный процесс давался нелегко, поэтому он не стал увлекаться. — Надеюсь, переводчик догадался не переводить?

— Не знаю, — продолжал добивать Вадим. — Но потом ты залез в аквариум, съел лангуста и громко заявил, что Курилы ты им не отдашь...

— Кто — я? Китайцам??

— Вот и я удивляюсь. Ну, видимо на тот момент тебе было пофиг, кому именно их не отдавать...

Теперь глаза Кирилла выражали крайнюю степень изумления. Он схватился за голову и болезненно поморщился.

— Я че, ваще дурак?

— Ну, если тебя это утешит, то почти пол ресторана с тобой решительно согласилось...

— Оййй...

В голове мелькали разрозненные, несвязные картинки. Подлец Семагин увел у них партнеров и праздновал победу... И после третьей рюмки коньяка стало очевидно, что Кирилл, как заместитель директора, не может и не имеет права допустить подобного безобразия... М-да... Вроде бы он подстраховался, надев парик. Это вселяло смутную надежду, что ни китайцы, ни Семагин его не узнали. Очень смутную, как и остальные мысли в голове. Жутко хотелось пить, словно он неделю питался одной селедкой... Как Шариков... Он и похож сейчас, наверное, на него... Что за бред в голове?

— Постой, чего я съел? — вдруг испугался он.

— Лангуста. Живого...

— Но я не ем морепродукты! — Кирилл икнул и с трудом подавил рвотный позыв.

— Э-э! Не надо мне пачкать гостиную! Иди продышись, а потом расскажешь, как тебе вообще такое в голову пришло! — Вадим подцепил его за шкуру и решительно потащил к выходу.

— А чё сразу я? — тут же вывернулся тот. — Между прочим, я все подготовил идеально! И встреча, и презентация, и угощение — все по высшему разряду! И они, кстати, были довольны, вот только этот их главный самурай...

— Это китайцы, Кир...

— Да пофиг! Так вот он и спрашивает, а, мол, по какой такой уважительной причине ваш руководитель не счел нужным осчастливить нас своим присутствием? А ты ж мне не сказал — по какой! Я и придумать ничего не успел, отделался общими фразами, а он оскорбился видите ли! Говорит, раз он с самого начала проявляет такое неуважение, то, мол, и говорить с вами не о чем. Надулся как индюк, я уж и так, и эдак перед ним, а потом думаю — да пошел ты! Обиделся он... Иди и сделай себе харакири...

— Кир, ты географию в школе учил?

— Да чё ты докопался? — Кирилл нервно подтянул сползающие штаны и прошелся по комнате. — Это, между прочим, твоя вина, не моя! — он обличающе ткнул пальцем в Вадима. — И кстати, что же это за причина, не хочешь рассказать? Я там, значит, куклачёвским пуделем скачу, а он тут с девками на даче зависает!

Ксюха вспыхнула так, что аж единороги заискрились, набрала воздуха в легкие, но Вадим ее опередил:

— Это Ксения. Сестра моей невесты.

— Отлично, Ксюх, водички принеси... — бухнулся обратно на диван Кирилл.

Ба-бах! Заторможенная реакция не позволила Кириллу вовремя уйти в сторону, и запущенный Ксюхой многострадальный сапог впечатался ему прямо в лоб.

— Щас! То раздень его, то искупай, то спать уложи! Нашел прислугу!

Кирилл удивленно распахнул варежку:

— Вадим, а че, она меня купала?

— Ты, знаешь ли, так благоухал китайской кухней, что больше вариантов оставить тебя в доме не было...

— И ты доверил ей мое брэнное тело? — не унимался Кирилл.

— Тебя что-то не устраивает?

— Нет, но кто ее знает... — с сомнением оглядывая Ксюху, протянул он. — Ты уверен, что я могу быть спокоен за свою честь?

— Ах ты тухлый краб моржовый! — Ксюха дикой козой подскочила к дивану, хватаясь за подушку, и Вадим едва успел перехватить ее за единорогов.

Кирилл одним махом перескочил через спинку дивана. Не успел — вслед прилетела подушка, а потом и подобранный рядом сапог.

— Вадим! Да кто она ваще такая? — высунулся из своего убежища Кирилл.

— Кто такая?! — ахнула Ксюха. — А вчера, между прочим, замуж звал!

— Чего? — Кирилл так побледнел, что Ксюхе аж обидно стало. — Нет, правда? — бросил он растерянный взгляд на Вадима.

— А я откуда знаю? — усмехнулся тот. — Хорошо хоть, что её, а не самурая... Ты вчера так блеснул чешуей, что я бы ничему не удивился.

— Надеюсь, ты не согласилась? — осторожно поинтересовался у Ксюхи Кирилл.

— Ага! Надейся! — возмущенно фыркнула она. Безудержная мстия рвалась наружу, и Ксюха упивалась ею... — Как тут не согласиться? Всегда мечтала выйти замуж за пьяного придурка, воняющего рыбой!

Кирилл криво усмехнулся и погрозил ей пальцем. Потом горделиво поднялся, подтянул спадающее трико под грудь и чинно зачесал пятерней растрепанные волосы — помогло мало, они так и торчали соломой в разные стороны.

— Мадам, — он склонил голову и прижал руку к груди, — я прошу у вас нижайшего пARDону. Был, знаете ли, навеселе. По-трезвому я ни за что бы...

Ксюха схватилась за ближайшую подушку.

— ...ни за что бы не позволил себе подобной дерзости! — уловив ее маневр, быстро и громко закончил Кирилл. — А чем это тут так воняет? — добавил он, сморщив нос.

В гостиной здорово тянуло гарью, а по полу всюду стелился густой серый дымок. Ксюха с Вадимом переглянулись и не стовариваясь рванули в кухню.

Вадим распахнул дверь и с трудом подавил желание тут же захлопнуть обратно. Нет, как же все-таки много может выдержать нервная система за столь короткий срок!

В кухне витал черный дым. Лез в глаза, нос, вился под потолком, красиво оседая на светлые стены. И разобрать, что именно горит, на первый взгляд было весьма проблематично.

Под ноги, чихая и отфыркиваясь, метнулись два шпица и, не обращая внимания на хозяйку, скрылись в гостиной. Сама же виновница торжества кашляла и обмахивалась полотенцем.

Вадим быстро нажал кнопку вытяжки: черный дым начал потихоньку развеиваться, и взору предстал открытый нараспашку духовой шкаф. Дым валил именно оттуда и, кажется, не собирался останавливаться.

— Что... кхх... что здесь происходит? — сиюсь разлепить слезящиеся глаза, прокашлял Вадим.

Глаша размазывала по лицу темные потеки.

— Дык что ж за печка без трубы? — с трудом выдохнула она.

— Какой трубы? — растерялся Вадим.

— Пожар! — вдруг оглушительно завопила за его спиной Ксюха. — Ведро надо! Воды! Я щас!

Она бросилась в гостиную, споткнулась о Кирилла, потом сунулась в кладовку, загромычала там чем-то и опрометью выскочила на улицу, оставив дверь открытой. От притока воздуха духовка полыхнула оранжевым, и Вадим с трудом протер глаза. Seriously? Дрова?! Наваленные аккуратной кучкой прямо на решетку, они горели, дымили и почему-то чадили черным, при этом странно воняя пластмассой.

— Эт-то еще что? — с трудом сдерживая ругательства, выговорил он. — Ты где их взяла?

— Дык на улице! — охотно пояснила Глаша. — В сарае без стен!

Точно. В садовой беседке для барбекю хранились дрова для камина... Ну что ж, спасибо, столовый гарнитур на дрова не пустила, он как раз в стиле кантри, из мореного дуба.

— А что там расплавилось?

— Хотела воды вскипятить...

— Да тьфу ты, как воняет... Это же... — Вадим попытался присмотреться. — Черт, этс ж пищевой контейнер. В нем не готовят!

— Дык чугунок я не нашла...

— Глаша... — откашлявшись, начал Вадим. Дрова затрещали, облизывая рыжими языками стенки дорожущего духового шкафа, а с решетки закапала черная жижа. — Это электрическая печь, она...

— Па-а-асторонись! — пожарной сиреной взвыла Ксюха, выплескивая содержимое ведра.

— Стой!

Поздно. Вадим едва успел героически закрыть собой духовку, но частично по цели Ксюха попала. Да так, что шипящие головешки вынесло волной и разбросало по всей кухне,

а вот большая часть ледяного душа ухнула как-раз на Вадима.

— Ёшкины-матрешкины... — удивленно протянул Кирилл, заглянув в кухню как раз в тот момент, когда из электрического шкафа повалили клубы серого пара. Он присвистнул и попятился от разливающегося по полу мокрого пятна с флотом из головешек. — Я начинаю понимать, почему ты не пришел...

Вадим искрил и потрескивал от злости, как оголенный электрический провод под дождем — того и гляди взорвется. Он отряхнул мокрые штаны и очень красноречиво взглянул на Ксюху. Весь спектр эмоций она прочитала в этом взгляде. Уточнений не требовалось.

Она аккуратно поставила ведро и, сделав руками жест, мол, я ничего не трогала, скромно попятилась к стенке. Вадим мысленно сосчитал до десяти, сверля ее суровым взглядом, выдохнул и решительно шагнул к окну. Оглушительный грохот заставил Ксюху зажмуриться, а Глашу — схватиться за сердце.

Вадим взвыл, прыгая на одной ноге.

— А это еще что?! — взорвался он, указывая на поваленное строение из двух табуреток и перекинутой через них доски.

— Насест... — виновато развела руками Глаша.

— Насест? Я не ослышался? Для кого?

— Дык для Клекота Петровича! — поспешно объяснила она, почему-то указывая на Звздоцапа. Тот, в отличие от остальных шпицев, из кухни эвакуироваться не торопился, а деловито восседал на подоконнике.

— Это собака, Глаша! — застонал Вадим. — Она что в девятнадцатом, что в двадцать первом веке, но все равно собака!

— Глаша? — удивленно уточнил Кирилл.

— Ага, — поспешила вмешаться Ксюха. — Это псевдоним такой. Творческий. Она у нас того... танцует и поет в ансамбле... этом, как его... песни и пляски. Ты бы отгрёб отсюда, а? — она ловко потеснила его плечом из кухни, закрывая дверь.

— Дык нет же! Не собака! — торопливо пояснила Глаша. — Я тут подумала... Клёкот Петрович же, когда я гадала, рядом с зеркалом на ларе сидел! Зябко мне стало в курятник его возвертать, я и оставила...

— И что? — снова закашлялся Вадим.

— Я и подумала... Больно уж песик ваш на него похож. Ну не ведут так себя собаки! Ему на жердочку охота, и он все время падает...

Вадик многозначительно глянул на Ксюху, потом на Звздоцапа и присел на перевернутую табуретку. Обхватил руками голову и тихо засмеялся.

— И что? — возмущенно выдохнула Ксюха.

— А я-то думаю — чё с ним не так? Ааааа, нимагу-у-у...

Ксюха возмущенно хлопала глазами:

— Чушь! Он всегда был не подарок!

— А теперь подарок... — смеясь, промычал Вадим.

— Забористо вы тут курнули... — задумчиво почесал в затылке Кирилл. Никто и не заметил, как он тихонько и бочком снова протиснулся в дверную щель.

— Ты тут еще? — накинулась на него Ксюха.

Но Кирилл сдаваться не собирался. У двери завязалась борьба.

— Я покормить его хотела, — словно оправдываясь, затараторила Глаша, — а он козий

горошек не ест и мясо тоже. Хотела пшена насыпать, но не нашла. Ему бы каши сварить...

Словно в подтверждение ее слов, шпиц повернул голову набок, оглядел Вадима и призывно вильнул хвостом. «Даёшь каши!» — читалось на его наглой морде.

Вадим закатил глаза к потолку.

— Вот я и подумала — нужен насест! Ведь правильно? — Глаша с надеждой заглянула в лицо Вадима.

Тот обреченно покачал головой. Конечно, правильно. Тут вообще все правильно! Подумаешь, мистики нагнали, кухню разгромили, сорвали сделку века — это, определенно, нормально! Почему-то это он схавал. А вот каша с насестом для шпица основательно добила... Хоть из дома беги!

Вообще Вадим трудностей не боялся, все проблемы решал вдумчиво, всегда семьдесят семь раз отмерив, но когда за дело берутся активистки: одна — в бабочках, вторая — в единорогах, тут уж либо старайся сохранить хладнокровие, либо спасайся бегством. Ах да, еще креативный директор до кучи. На случай, если станет слишком скучно...

— Кирилл, ты у нас изобретательный? — отрешенно выдохнул он. — Мне нужен насест для шпица... Организуешь?

— А психиатр тебе не нужен? — пропыхтел тот, стараясь одной рукой удержать сползающее трико, а второй — выпихнуть Ксюху из кухни. Та активно сопротивлялась, цепляясь за косяки, и в свою очередь пытаясь выпихнуть его.

— Такой, чтоб шпиц с него не падал, — деловито уточнил Вадим, удивляясь, какой бред он несет. — Может, лыжи?

— Тогда уж лучше гладильная доска... — усмехнулся Кирилл. Он удачно потеснил Ксюху плечом и теперь прикрывал вход спиной, не давая ей пролезть.

Вадим просиял:

— Гениально!

Разборки прервал телефонный звонок.

— Алло! — Вадим с трудом поднялся, вытирая мокрые руки о штаны. — Ну как тебе сказать? Немножко занят... Слушаю... Ага... В смысле? Чего?!!! — глаза его полезли на лоб, и он чуть не выронил трубку. Он замер на мгновение, потом нервно перекинул трубку в другую руку и заорал: — Ты совсем?! У меня спросить не мог для начала? Я не могу... Мне некуда... Да тут... Когда?! — вдруг гаркнул так, что Кирилл с Ксюхой прекратили возню, а Звздоцап, поджав хвост, спрыгнул с подоконника и рванул из кухни. — Нет, нет, нет! Так не пойдет! Что значит — пока? Стой! Андрей, стой, мать твою! Алло! Андрей! Уволю на фиг!

Судя по коротким гудкам, собеседник бросил трубку. Вадим несколько минут ошарашенно молчал, пожирая глазами чадающую духовку. Причем выражение лица было настолько красноречиво, что никому и в голову не пришло его потревожить.

Улучив момент, Ксюха поднырнула под руку Кирилла:

— Вадь, ты чего?

Вадим почесал в затылке и так посмотрел на Кирилла, что тот сразу съежился и явно собрался последовать примеру Звздоцапа.

— Этот клоун, короче, и Семагину сделку сорвал, — задумчиво доложил он Ксюхе и тихо засмеялся, сползая по холодильнику на пол. — Аааа! Кир, вот ты придурок... Андрюха сказал, что китайцы передумали. Не понравилось им, что глава такой солидной компании вяжется в пьяную драку с голодным бомжом, что жрет сырых лангустов...

— Бомжом? — тут же вскинулся Кирилл. — Да они охренели? Да мой костюм дороже, чем их картонный Чанган стоит! Стоил...

— Так вот, — не обращая на него внимания, продолжил Вадим. — Завтра китайцы в полном составе обедают... где бы вы думали? У меня. Вот прямо тут, — Вадим пригласительно обвел руками развалины кухни. — Андрей пообещал им душевные посиделки в славянском стиле с национальной едой... Уволить вас к едрене фене! — рывкнул он и отчаянно погрозил кулаком Кириллу, а тот и сам впал в ступор, не веря в то, что слышит.

— Постой... Китайцы послали лесом Семагина? Seriously? — не сразу опомнился он.

— Куда уж серьезней...

Кирилл просиял.

— Тройная премия! — он сделал победный жест рукой, едва успев подхватить штаны. — Есть!

— Размечтался! Будет, если будет контракт! — быстро осадил его Вадим. — Значит так... — он закрыл глаза и мучительно потер пальцами виски. — Ты... — он ткнул пальцем в Кирилла. — Собирайся, едешь с Андрюхой в город. Мне нужно: новый духовой шкаф. С установщиком. Сегодня! Это раз!

Потом оценивающе посмотрел на Глашу.

— Павловопосадская шаль, чем ярче — тем лучше. Это два, — и, бросив взгляд на Ксюху, добавил: — Две.

— Чего? — торопливо опомнилась та. — Не-не-не! У меня нет времени тут с вами частушки распевать! Я мало того, два дня работы пропустила, за свой счет, между прочим! У меня завтра выставка! — она многозначительно потрясла указательным пальцем перед носом Кирилла. — С Вениамином Звездоцапом фон Бойчиком!

— Чевойчиком? — удивился тот.

Ксюха надменно фыркнула и гордо удалилась, спотыкнувшись о ведро.

— Минус один, — устало потер глаза Вадим. — Хреновая из вас команда!

— Слушай, а может того... — осторожно встрял Кирилл. — Давай позвоним в суши-бар, закажем пару праздничных сетов или еще чего... китайского...

— Лангустов? — усмехнувшись, предложил Вадим, а Кирилл икнул и сменил цвет лица на бледно-зеленый. — Блин, ни одного нормального ресторана русской кухни не знаю. Придется отзывы гуглить...

— Приготовить что ли чего надо? — неожиданно подала голос Глаша. — Дык я могу.

— Что? — Вадим и Кирилл в четыре глаза уставились на нее.

— Вам угостить гостей заморских надобно? Дык я и пироги умею, и щи, и кури печеную... Только печкой пользоваться меня научите!

По лицу Вадима расплылась довольная улыбка.

— Кир, и букет. Розы. Самый дорогой, — добавил он. — Глаша, спасительница моя, диктуй, что нужно!

Глаша довольно просияла, утирая полотенцем чумазое, в саже, лицо.

Снеженика провела ладонью, размазывая по лицу густую сажу. По вискам струились ручейки пота, она стянула с головы мокрый платок и сбросила шубейку. Едкий дым застил глаза, мешал дышать, но сдаваться она не собиралась. Дрова в топке пылали и плевались искрами, каменная кладка печи трещала, а огромный чан пыхтел, ухал и гудел, словно ракета, вот-вот готовая сорваться в космос.

Из-под закрытой двери бани зловеще струился серый дымок, а у порога предбанника суетился петух. Он взволнованно бегал взад-вперед, прокладывая в снегу глубокую дорожку, заглядывал под дверь и беспокойно поквокивал.

Едва завидев бегущего от избы деда Данилу, петух заволновался еще сильнее, бросился ему под ноги, хватая клювом за тулуп, и рванул обратно к бане. Следом за дедом неслись Дуняшка с Ульянкой.

— Не открывает! — на ходу объясняла деду Ульянка, путаясь в полах шубейки и спотыкаясь через петуха. — И выходить не желает. Кричит — я сама!

— А ну отвори! — заколошматил бадиком по двери дед Данила. — Отвори. Угоришь ведь, бедовая!

— Заслонку! Заслонку отодвинь! — прокричала в щель двери Дуняшка. — Дым в трубу уйдет!

В ответ послышался кашель и недовольное сопенье. Примчались, доброжелатели. А она никого не звала! Урок — так урок, дайте пройти его самой, ибо сил никаких нет здесь больше оставаться! Домой хочется, в цивилизацию, к удобствам, к Вадиму!

Мало того, с коровой не срослось, так с готовкой — и того хуже. Тесто убежало и скисло, щи пересолила, да так, что даже Трезор плевался, каша сгорела до головешек. И теперь Снеженика пыталась реабилитироваться в отчаянной попытке самостоятельно протопить баню.

Дед Данила подергал за ручку двери. Мощная, толщиной в мужскую ладонь, обитая войлоком дверь даже не шелохнулась.

— За Дмитрием беги! — озабоченно приказал он Ульянке и снова забарабанил бадиком. — Выходи, дуреха, угоришь как пить дать, етить!

Девки с космической скоростью дунули за соседом и так же быстро притащили его за руки, даже не дав нормально обуться.

Димитрий поморщился, слушая их сбивчивое объяснение, и молча взялся за деревянную ручку. Дернул так, что стены мазанки покачнулись, и быстро выволок Снеженику за шиворот. Та откашливалась, отплевывалась, не забывая отбиваться.

— А ну отстань, сундук дубовый! Куда клешни свои тянешь! Отпусти!

Димитрий усадил ее в сугроб, а сам так же молча выгреб кочергой из топки горящие поленья и бросил их в снег. Туда же, шипя, полетела крышка чугунного чана.

— Мозги как у курицы, — констатировал он, укоризненно глядя на Снеженику.

Дед Данила заглянул в баню и присвистнул.

— А ну-кась, — он сунул в руки девкам по ведру, — бегом за водой на речку! Ты что же в чан воды не налила?! — обернулся он к Снеженике.

— Я налила! — отчаянно возразила она. — То есть снега насыпала! Вы что, не знаете, что снег — тоже вода?

— Вы что, не знаете, что снег тоже вода? — передразнил ее дед Данила. — А ты знаешь, сколь ее, этой воды, там останется, когда он растает? С гулькин нос плюс трезорова какашка! Давным-давно уж выпарилась вся! Охо-хо, — причитал он, оглядывая почерневшие стенки чана, который чадил темным угаром, — ить лишь бы кладка не треснула!

— Треснула... — оглядев печь, заключил Димитрий. — Топку летом переключивать придется...

Он пригнулся, изучая дверь.

— Щепа в разъем попала, — наконец доложил он деду Даниле, демонстрируя расплюснутую щепку. Повертел ее в руке и забросил на полати. Сама бы не открыла...

Раскрасневшиеся девчата, кряхтя, притащили воду.

— Лей! — скомандовал дед Данила. Чан зашипел раненым ужом, утонув в клубах пара. — Ить сколько дров-то извела, — почесал он в затылке.

Димитрий подождал, пока чан перестанет шипеть, поднапряг стальные мышцы и выволок его из бани.

Снеженика часто хлюпала носом, размазывая по лицу слезы обиды, сажу, сопли и слюни. А обида была такая, что конца и краю не видать. Видит бог, она старалась! Но не ее вина, что коровы не доятся, пироги не пекутся, баня не топится, а мужики не соблазняются.

Она вздохнула с подвыванием, глотая слезы. Руки замерзли и саднили, а проклятуший чан даже не собирался очищаться. И сколько не драй его щеткой с песком, ничуть чище не становится. Да тут и мощное средство от гари вряд ли справится!

Девчата, видя ее отчаяние, уселись помогать, да и дед Данила, пожалев непутевую гостью, поспешил разбавить пустой слезоразлив светскими сплетнями.

— Днесь в лавку к купцу Михайлову ходил, — усаживаясь на пенек, деловито заявил он. — Говорит, начальство к нам едет! Из самой Москвы! Сам царь-батюшка в нашу дыру сваво поверенного шлет земскую управу блюсти. К нам, да в Сосновку, что на другом берегу. Народ поговаривает, что не абы кто, а особа дворянского роду: то ли князей Наглоруких, то ли Долгомышкиных отпрыск, ага... А можа, и тех и других за раз. Нечасто к нам такие гости приезжают.

Дед Данила раскидал бадиком головешки и ненадолго замолчал, предлагая проникнуться новостью, но Снеженике было глубоко чихать и на князей Наглоруких, и на Долгомышкиных, и на купца Михайлова с его лавкой. В голове вертелась обида на Димитрия, перед которым она снова опозорилась, а в сердце иголкой засела тоска, какой с ней в Москве никогда не бывало. Тоска по Вадиму, по его заботе, по беспечной жизни под его крылом... И по какому поводу она сейчас ревела — уже попробуй разберись.

— Я слыхала, молодой и неженатый, — заговорщицки шепнула на ухо Ульянка. — Федоська, говорят, наряды достает, завтра на празднике краше всех будет.

— Каком празднике? — хлюпнула носом Снеженика. Что ни говори — слезами делу не поможешь. Нужно брать себя в руки и бороться до последнего!

— Дык воскресная ярмарка, да гуляния перед Крещением! — оживился дед Данила. — Скоморохи приедут с театрой, музыканты. Шутка ли дело, сам князь Долгомышкин в гости ожидается!

Снеженика сдунула с лица выбившуюся прядь:

— А Федоська — это та, которую он сватал? — она мотнула головой в сторону соседской избы и злорадно усмехнулась.

— Ага, — кивнула Дуняшка. — Бабы судачат, мол, этого князя к рукам приберет, своего не упустит...

— Упустит! — зло выплюнула Снеженика. Накопленные обиды тяжелым грузом лежали на душе, мешали дышать. Она и сама объяснить не могла, откуда взялась эта мстительная уверенность, но было бы совсем не плохо сбросить этот негатив на бедовую головушку Федоськи!

— Так ты пойдешь? — с надеждой заглянула ей в лицо Ульянка.

— Конечно, пойду! — подозрительно многообещающе выдала Снеженика. — Готовьте лучшие наряды. Душа требует праздника!

Пока чистили чан, пока воду с реки носили, пока она лежала пластом на топчане, в полной уверенности, что больше никогда не сможет встать, наступили глубокие сумерки. Снеженика отправилась в баню последней. После нее — только соседи, Кондрат уже два раза приходил и торопил, опасаясь, что упадет градус. Какой именно — не уточнял, но по его виду было очевидно — сам он упадет гораздо раньше.

Снеженика лениво плескалась в тазу, обдумывая планы мести Федоське. Почему именно ее она выбрала козлом отпущения, было не ясно, но отчего-то становилось легче при мысли, что ей можно досадить.

Свеча на подоконнике затрепетала и погасла. Снеженика подошла к оконцу, чтобы зажечь ее заново. Взгляд упал на улицу. Дмитрий в ожидании своей очереди вышел на крыльцо и взял лопату.

Коварные мыслишки столпились в голове и махом переключились на другой объект. Упертый дуб — так просто не возьмешь. Пора прибегнуть к тяжелой артиллерии. Пусть немножко нечестно, зато быстро и действенно. Снеженика мстительно усмехнулась.

Правильно говорят — шальная мысль, пришедшая спонтанно, чаще всего оказывается дельной. И тут главное — не думать, чтобы не начать сомневаться.

Дальше Снеженика действовала молниеносно. Быстро отыскав заветную щепу, она запихнула ее под дверь и покрепче ее захлопнула. Потом набрала воды и плеснула ее прямо в дверцу топки, отчего в воздух взвились клубы пара и золы, а затем, подхватив увесистый камень, прицельно пульнула им в окно.

Осколки брызнули на снег, из разбитого оконца повалили белые клубы.

— Помогите! — истошно завопила она в разбитое окно. — Спасите, ох, батюшки, задыхаюсь! — она «зашлась кашлем» и аккуратно высунулась посмотреть.

Сработало! Дмитрий бросил лопату и поспешил к бане.

— Опять? — бросил он в разбитое оконце.

— Ох, дверь эта, чтоб ее! Сменить давно пора. Умира-а-ю! — она картинно хватанула ртом воздух.

— Щас, я щас... — засуетился Дмитрий, подхватывая топор.

Он одним рывком сорвал крючок в предбаннике и дернул на себя обитую войлоком дверь. Ни фига, она не поддалась ни на дюйм. Дмитрий дернул еще, и Снеженика заволновалась. А что, если не осилит? Куда она там запихнула эту треклятую щепу?

— Помогите! — уже по-настоящему испугавшись, заорала она и забарабанила по двери изнутри.

Дмитрий ловко подцепил дверь лезвием топора, приподнял. Топорище затрещало, но дверь поддалась, и он резким рывком дернул ее на себя. Клубы белого пара выползли в

предбанник, окутывая густым туманом его фигуру, а из них, как Афродита из пены, выплыла Глаша, укрытая лишь распущенными волосами ниже попы и с деревянной шайкой в руках.

Собственно, так и было задумано, но тут даже играть не пришлось. Снеженика так обрадовалась счастливому избавлению, что вывалилась из бани абсолютно реалистично, прямо на Дмитрия, и только увидев его обалделые глаза, вспомнила — нужно же действовать согласно эпохе.

Почему-то с данной ситуацией в голове ассоциировались лишь диснеевские мультики, поэтому она, поджав ногу, сделала испуганные глаза и пронзительно заверещала на самой высокой ноте.

Дмитрий, и без того в полуобморочном состоянии — шутка ли дело, такую театру нечасто увидишь — отшатнулся к стене, с ходу не догадавшись отвести взгляд.

— Ах ты, бесстыжий! — завопила Снеженика, отчаянно прикрываясь тазиком. Тазик был маленький, а красоты так много, что Дмитрий не успевал смотреть. — Куда глаза пялишь?

Тот, наконец, очнулся, побледнел, потом покраснел, зачем-то перекрестился и бросился к двери. Не рассчитал — врезался в косяк, развернулся на носках, оказавшись снова лицом к Снеженике, и тут же отхватил шайкой по лбу.

Гулкий звук прокатился эхом по предбаннику. Дмитрий подрубленным дубом — плашмя, прямо на спину, — выпал на улицу, да так и остался лежать на снегу, не в силах пошевелиться от избытка эмоций. Следом прилетела шайка — точнехонько в причинное место, отчего он согнулся пополам и заметно отживел, а потом и оброненный топор метко впечатался лезвием в пенек в метре от его лица.

Снеженика сочла этот финальный аккорд восхитительным и с грохотом захлопнула дверь. Тут же бросилась к окну, смеясь в кулак, — Дмитрий не сразу, а полежав пару минут, поднялся и, кряхтя и потирая бок, захромал к дому.

Ну что ж, как говорится, красоты много не бывает! А она-то сокрушалась, что фигура не ахти, да много лишнего, что тут худеть еще полгода надо. А на деле-то — эффект бомбический! Даже завидно стало — *вот такими* глазами на нее даже Вадька не смотрел.

— Вот так-то! — поздравила себя Снеженика. — А то «медведица неповоротливая...» Посмотрим, как теперь ты запоешь!

Настроение резко улучшилась, и она мысленно пообещала себе завтра пощадить Федоську.

Князь Долгомышкин оказался совсем молодым, самодовольным, заносчивым франтом. Ума на первый взгляд не много, а вот понтов — хоть черпай экскаваторным ковшом.

«Мажор», — сразу окрестила его Снеженика, едва увидев, как тот брезгливо морщит длинный аристократичный нос, оглядывая недостроенный сруб, предназначенный под здание администрации.

Народу в этот сруб набилось предостаточно. В основном мужики да вездесущие бабки, собирающие последние сплетни. Молодежь же резвилась на ярмарке.

Вот уж не ожидала Снеженика такого размаха. У Вадыки в Авдеевке селян раз-два и обчелся, а тут... Как на площади в базарный день. Все кричат, хохочут, пестрят разноцветными нарядами. Торгаши увлекают покупателей, девки поют, на небольшой площадке накрыт стол, ломящийся от угощений. По дороге со свистом проносятся сани с голосящими парнями, визжащими девками и хохочущими детьми. Цветные ленточки, вплетенные в гривы лошадей и упряжь, развиваются по ветру.

Снеженика, в сопровождении девчонок и деда Данилы, который по случаю праздника тоже принарядился в армяк с ярким кушаком и даже прихватил гармонь, все никак не могла закрыть рот от изумления. Вздрагивала и жалась к обочине, когда мимо проносилась очередная повозка и не могла объяснить, почему она — житель двадцать первого века, завсегдатай клубов и тусовок, робеет и чувствует себя здесь диким волком.

А вот Звездоцапу, который сопровождал ее повсюду, похоже, все нравилось. Он сидел у нее на руках, вертел головой и то и дело порывался выскочить и включиться в общую тусню, догоняя очередные сани.

Пройдя через толпу ряженных, они зашли через недостроенный вход в здание администрации. В срубе были возведены только стены и крыша, сквозь пустые оконные проемы намело снежка, но собравшиеся селяне все быстро утоптали.

Мужики курили, что-то громко обсуждая, бабки ворчали, а князь Долгомышкин стоял в центре залы возле наспех сколоченного стола, на который на всякий случай навалили всё сразу: пироги, чернильницу с пером, кучу бумаг и бутылку водки, и пытался держать речь.

На фоне местных мужиков он сильно выделялся — весь из себя ухоженный, отмытый и элегантно одетый, словно сошедший со страниц учебника по литературе. Первая мысль — того и гляди побьют, почему-то даже у нее руки зачесались.

Ему бы на балах танцевать да музицировать на рояле. Сразу видно, что понятия физический труд и бытовые проблемы в его лексиконе либо отсутствуют, либо считаются ругательными, тем удивительней казался тот факт, что именно этого празднующегося дворянчика командировали в эту глухомань. Однако хитрый взгляд выдавал в нем картежника и кутилу, что немного объясняло, за какие именно «заслуги» он тут оказался.

Девки сразу указали на Федоську. Нарядная чернобровая девица стояла недалеко от стола и не сводила глаз с князя. Судя по выражению лица — этот хлыщ ей сразу же пришелся по душе, а первого взгляда на девку Снеженике хватило, чтобы понять: они два сапога — пара.

Снеженика с компанией пристроились у стеночки, рядом с главной сельской сплетницей — глуховатой и очень вредной с виду бабкой Матреной.

— Дык это тебя государь-амператор прислал нами править? — тут же выкрикнула

бабуся.

Долгомышкин элегантно стянул перчатки.

— Что? Почему император? Меня прислал губернский съезд, — надменно прогундосил он.

— Ась? Кого он съест? — уточнила у деда Данилы бабка Матрена.

— Съест, говорит, все, что наготовили на праздник! Голодный! — не растерялся дед Данила.

— Ух ты, прожорливый, ирод... — утерев двумя пальцами уголки рта и подслеповато шурясь, крикнула бабка, а Долгомышкин продолжил:

— Я, как представитель губернского дворянства, должен буду проконтролировать формирование сельского схода...

— Куды он ходит? — снова спросила бабка.

— По нужде, говорит, сейчас ходит и сразу, значит, пироги есть начнет, чтоб больше влезло, — подмигнул дед Данила, а Снеженика прыснула в кулак.

— Вам — вольноотпущенным крестьянам должно сформировать сельский сход и выбрать старосту, — продолжал надрываться князь. — Вы выбрали?

— Дык нет... — засомневались в толпе.

— А почему? — надменно вскинув бровь, поинтересовался князь. — Указ из города во все села отправляли.

— Дык как барин Сосновский помер, наследников и не оставил... Кто этим будет заниматься?

— Оооо! — Долгомышкин возвел голубые глаза к потолку. — При чем тут барин? Старосту, говорю, выбрать надо! Из вас, из крестьян!

— А! Ну так бы сразу и сказал! — засуетились мужики. — Ермолай Потапов самый старший у нас, ему, почитай, годков девяносто уже, правда, не видит совсем, да соображает через раз. Но ежели надобно, сейчас его сюды доставим!

Князь сделал несчастное лицо.

— Отвечать за распределение земель, повинностей, — терпеливо объяснил он, загибая пальцы, — и по другим вопросам. Ведь есть у вас вопросы?

— Есть! Дык Ермолая нести, аль не надо?

— Вопросы локальных проблем! — взорвался князь.

Народ пошушукался и допёр.

— Переправу через реку бы доделать, — осторожно предложили из толпы, а остальные тут же подхватили:

— Дорога на мельницу раскисла!

— А ежели неурожай?..

— Вот! — довольно заключил Долгомышкин, потирая руки. Ефим! — он оглянулся в поисках своего помощника. — Где Ефим? Паразит... Опять гуляет... Так, кто из вас обучен грамоте? Писать кто-то умеет?

— Я умею! — неожиданно для всех, а в первую очередь, для себя самой заявила Снеженика. Сама напугалась, чего сказала, но увидев в наступившей тишине удивленные глаза Федоськи, приободрилась и виляющей походкой направилась к столу.

Народ, завидев у нее на руках знаменитого Клёкота Петровича, робел и расступался, и путь этот она проделала как королева по красной дорожке под восторженные взгляды мужиков и завистливые — баб.

Усадила на край стола петуха и взялась за перо. Блин! Перо — не ручка, вот где можно опозориться! Макнув его в чернильницу, коряво вывела: Указ.

Князь сунул нос в листок и остался доволен.

— Значит, пиши... По его губернаторскому повелению...

— ...по царскому хотению, вези меня, печь, домой! — автоматически продолжила Снеженика и, поймав удивленный взгляд князя, кокетливо улыбнулась, похлопав ресницами: — Да, да? Немного отвлеклась, простите...

Нос князя покраснел и пошел пятнами, он глупо улыбнулся и прокашлялся:

— Так... О чем это я?

— Вы хотели сказать, что губернатор по указу императора повелевает организовать в деревне сельский сход и выбрать старосту для решения местных административных и организационных проблем, который будет подотчетен лично вам, как лицу государственному и властью наделенному, — снова очаровательно улыбнулась Снеженика.

В зале повисла гробовая тишина. Под балками крыши чирикнул воробей и тут же стыдливо заткнулся.

— Гляди-ка, чья такая будешь? — удивился князь, наблюдая, как она невозмутимо и ловко выводит пером слова.

— Местная, — уклончиво ответила она, подув на лист. Посмотрела со стороны — просто ужас, все вкривь и вкось и куча клякс, но князю вроде нравится. Подумав, она щедро добавила твердых знаков — причем где попало и побольше — стало еще красивее, и князь, довольный, подмахнул ее писанину.

— А теперь пиши...

— Я вам не писарь! — ловко прервала она его, поднимаясь. — Полно, князь, праздник же! Отдохните!

Она закинула за спину косу и, подобрав петуха, удалилась: грациозно и женственно. Князь так и замер с открытым ртом, а в толпе восхищенно присвистнули вслед.

Снеженика вышла на улицу. Солнечный свет слепил глаза. Орали дети, воробьи, заливались лаем собаки. Атмосферно. Празднично. Вокруг все пело, ликовало, а душа взывала к действию. Следом, хохоча, выскочили девчата.

— А князь-то, князь! Глазищи — во! — хохотала Ульянка, изображая Долгомышкина.

— А Димитрий? Ты видела, как он смотрел? — залиvisto поддержала Дуняшка.

Да неужто? Снеженика замерла, почувяв, как екнуло сердечко. Она ослабила платок — стало жарко, потом и вовсе стянула его, спустив на плечи.

— Димитрий был там?

— А то! — хохотала Ульянка. — И глазья похлеще князя на тебя таращил! Ты, может, не заметила, — понизила голос она, — он весь день за нами ходит! И сейчас идет, вон там... — она повернулась, чтобы показать, но Снеженика ловко перехватила ее за рукав.

— Тише! Не смотри в его сторону! Делай вид, что не замечаем! — тут же отвернулась она, едва скрывая торжество.

Ну что, похоже, бастион пал? Эх, Вадька, не догадался в свое время сделать так же! Это же такой экстрим! Охота, эйфория, страсть! И эти чувства ее просто окрыляли.

Весело болтая, они пробирались через разноцветную толпу к палатке скоморохов.

— Ах ты, стерва беспутная! — Федоська разъяренной кошкой вцепилась в ее рукав. — Разрядилась как матрешка и женихов чужих сманиваешь?

Кто тут матрешка — еще поспорить можно. Федоська, кажется, нацепила на себя весь гардероб сразу. Тут и яркая, вышитая душегрея на заячьем меху, и выглядывающая из-под неё пышная пестрая юбка, и цветное покрывало из кисеи и шелка, три нитки бус на шее и ленты на косе. По сравнению с ней Снеженика выглядела серой мышью, хотя нарядилась в праздничный платок и даже сменила валенки на поношенные, но яркие сапожки.

— С каких пор в женихи себе его записала? — надменно фыркнула она. — Такие, как он, на таких, как ты не женятся!

— На таких, как ты, что ли женятся? — вспыхнула Федоська. Черные глаза метнули искры — того и гляди в косы вцепится!

— Больно надо! — отступила от нее Снеженика. — Он не в моем вкусе! Мне мужики покрепче нравятся!

— Вся деревня знает, кто тебе нравится! Вот его и охмуряй, а моего не трогай! — продолжала напирать та.

Топот копыт и возмущенные вопли заставили их оглянуться, а толпу — расступиться. Федоська мило улыбнулась, подцепив Снеженику под локоток, и состряпала приветливую физиономию.

Князь, верхом на белом жеребце, красуясь, пробирался сквозь толпу. Темный коричневый сюртук с бархатным воротником подчеркивал его щеголеватость. Узорчатый шарф на шее и темный жилет, вышитый шелком, начищенные до блеска сапоги и небрежно накинутая на плечи бобровая шуба довершали светский образ. Головного убора по причине ясного дня на нем не было, ветер колыхал завитые виски.

Вот он — тот самый принц на белом коне, которым все девчата грезят! Хоть картину пиши! Ну пусть не принц, а князь! Зато воочию и прямо тут. Жизнь прожита не зря, будет, что внукам рассказать.

Снеженика усмехнулась, окидывая его взглядом. А вот не вштыривает что-то! Обидно даже... Зато Федоську впечатлил, уж это точно — облизывается, как лиса на колобка!

— Почему петуха продаешь, красивая? — поравнявшись с ними, затормозил князь.

— Не продается! — надменно бросила Снеженика, стараясь не смотреть на князя, и вздрогнула, выхватив краем глаза из толпы недовольный взгляд Димитрия.

— Золотом плачу! — настаивал князь.

— Смотрите, сколько дашь! — неожиданно встряла Федоська, переключая внимание на себя. — Нынче петухи дорогие!

Долгомышкин захохотал и спрыгнул с лошади.

— Ладно, тогда меняю на своего! — он выудил сахарного петушка на палочке и протянул его Снеженике.

— Ой, благодарствую! — тут же выхватила петушка у него из рук Федоська. — А я как раз таких люблю! А у нее зубы болят, — покосилась она на Снеженику и мило улыбнулась.

Князь немного растерялся.

— Кстати, — спохватился он, — забыл представиться — Василий Юрьевич! А вы?

Он, рисуясь, протянул руку Снеженике.

— А я Федосья! Очень приятно! — вновь опередила ее шустрая подружка, пожимая пальчиками его руку, и вдруг резво подцепила его под локоток: — А что, князь, говорят, театру сегодня привезли, пойдёмте посмотрим?

Снеженику при этом она незаметно оттеснила плечиком. Та спускаться не собиралась, открыла рот, чтобы возмутиться, но тут мимо со свистом пронеслись сани, запряженные...

быком! Выкрашенная в красный цвет дуга, ленты на рогах... Парни в санях смеялись и залиvisto свистели, за ними вслед, захлебываясь лаем, неслись собаки.

Запас терпения Звздоцапа достиг своего предела. Не в силах больше сдерживать задор, он выдрался из рук Снеженики и спрыгнул в снег. Расправил крылья и что есть духу припустил следом, включаясь в общее веселье.

— Стой! — завопила та, кидаясь за ним, но угодила в толпу ряженных.

Парни и девки в меховых накидках, с рогами и разукрашенными масками на голове изображали нечисть и кикимор. Они мычали, рычали, пугая селян, у одного вместо шапки красовался бычий череп.

Толпа «нечисти» с визгом и гиканьем подхватила Снеженику, Федоську и князя и затянула в дикий хоровод. Откуда ни возьмись появились цыгане. Пестрые юбки замелькали в воздухе, загромыхали медяки на ожерельях. В центр круга выпихнули мужика с медвежьей шкурой на голове. Он стянул ее и расплылся в пьяной улыбке:

— Барин, а весело-то как!

— Ефим! — возмущенно взвизгнул князь. — Ты какого лешего тут делаешь? Коня поймай! В Сосновку ехать надо!

Он растолкал толпу, вытаскивая за шиворот Ефима, который, судя по всему, пребывал далеко в нирване. Потом сам поймал коня и сунул поводья в руки Ефиму:

— Запрягай! Сударыня, — это уже к Снеженике, — как поеду обратно, обязательно навещу!

— Зачем? — немного растерялась та.

— Мне может потребоваться ваша... помощь, — князь поиграл бровью и скрылся в толпе.

— Только попробуй! — сквозь зубы процедила Федоська, провожая его взглядом. — Так разукрашу — вовек не забудешь! Он не по тебе!

— По тебе ли? — ехидно усмехнулась Снеженика.

Этот хлыщ ей и даром не сдался, но позлить Федоську страсть как хотелось. Та уже пыхтела как паровоз. Воображение подкинуло картинку: они с Федоськой катаются по снегу, таская друг друга за косы, вокруг смеются люди, лают собаки, скоморохи люто завидуют, а Дмитрий разочарованно качает головой. Синяк под глазами, клочок выдранного волос в руках, рассыпанные бусы на снегу... Финал. Аплодисменты.

Федоська, судя по всему, подумала о том же, поэтому грозно полыхнув глазами, развернулась и зашагала прочь.

Снеженика оглянулась в поисках своих. Девчат и след простыл — наверняка театру побежали смотреть. Дед Данила обнаружился за накрытым столом. Он восседал у самовара и воодушевленно играл бабкам на гармонии, те млели и охотно подпевали. Дмитрия нигде не было видно, зато рядом вещала бабка Матрена, захлеб докладывая новости всем любопытным:

— Какого-то дурня прислали — грамоте не обучен, манер не знает. Молодой да бестолковый аки пень дубовый. Говорит не по-людски, двух слов связать не может. Его даже Глашка Данилова за пояс заткнула.

— Дык енто он петуха ее испужался!

— А петухов от него прячьте, сказал, подати собирать будет, с каждого двора по петуху, ага! Себе на пропитание. А Ермолая Потапова, почти покойного, дорогу на мельницу расчищать отправит!

Снеженика закатила глаза к небу. Во дает бабка! Отсюда и повелась, наверное, игра в испорченный телефон. Но что же делать дальше? Она призадумалась. Можно присоединиться к девчатам, хотя здорово распирает поискать Димитрия, но нужно сначала отловить Звздоцапа...

— Барин тонет! — вдруг истошно заголосили в толпе. Все засуетились, кто-то взвыл, бабы ахнули. — Почти весь утонул! Не уберегли посланника царского!

Внимание! Автор не претендует на историческую точность! Помним, что роман юмористический, а не исторический)))

— Барин тонет! — толпа рванула к речке. — Ой, батюшки, что деется!

Снеженика подцепила юбку и заторопилась вслед за всеми. Когда он успел-то? Только что тут был, глазки строил!

Селяне столпились на берегу, в глазах у баб читался ужас.

Деревянные сани медленно уходили под треснувший лед прямо на середине реки. Они надсадно скрипели, проседали, кренились на левый бок и на глазах погружались в ледяную воду.

На крик сбежался и сосновский люд с другого берега: дети, бабы, рыбаки. Народ галдел, суетился, бегал взад-вперед, но лезть на лед никто не решался. Все с любопытством смотрели на дорогие сани и рвущего жилы коня, что отчаянно пытался выбраться из ледяной ловушки. Коня держал под уздцы уже протрезвевший Ефим и отчаянно тащил его из воды. Ледяное крошево летело из-под копыт, конь бился и фыркал, стреляя полными ужаса глазами.

С князем ситуация обстояла и того хуже. Он, судя по всему, ухнул в воду, как только сани черпнули воды, и теперь почти по плечи был зажат между санями и кромкой льда, что угрожающе трещал и крошился от любого прикосновения. Одно неосторожное движение — край отломится, и сани тут же перевернутся. Одной рукой Долгомышкин цеплялся за деревянный обод, второй — пытался снять напитанную водой шубу.

— Да кой же бес тебя сюда понес? Переправа-то правее! — орали с берега Ефиму. — Коня отстегивай быстрее! С санями не выдюжит!

Ефим суетился, пыхтел и не знал, за что хвататься: он то бросал коня и бежал к саням, потом спохватывался и спешил обратно, черпая валенками воду. Лицо покраснело, борода висела сосульками, изо рта вырывался пар.

— Во дура-ак! — возмущались мужики. — Здесь полынья, и лед некрепкий, у нас про то каждый ребенок знает!

— Дык дети санками и накатали, вот конюх и попутал спьяну! — галдели на берегу.

К реке сбегались все новые люди, участливо уточняли, что к чему, мотали головами и присоединялись к громко сочувствующим.

— Князь по указу самого императора к нам приехал! Управу чинить! А конюх его с цыганами напился, да в полынью его и завез. Теперя тонет! — вещала вездесущая бабка Матрена. Она, как представитель местных СМИ, собрала вокруг себя наибольшую кучу народа. Только микрофона в руках не хватает и оператора с камерой рядом.

— Дык это и не конюх даже, а писарь...

— Да какой он писарь, просто дворовый мужик...

— Эх, не уберегли князя...

— О-хо-хо, молодой, совсем не пожил... А цыгане-то выступать будут?

— Смотрите! Смотрите!

Лед опасно затрещал, от полыньи в разные стороны тонкими змеями поползли трещины.

— Барина, барина спасай! — подсказывали мужики суetyщемуся Ефиму. — Бросай коня!

Тот месил ногами ледяное крошево, проваливаясь по колени в воду, но ухитрился-таки

отцепить упряжь. Перепуганный конь заколотил копытами по льду, Ефим упал на пузо, подтягивая его за поводья.

— Бросай его, дурак! Сани сейчас перевернутся, и князь твой полностью потонет!

Сани совсем просели, наполняясь водой, и медленно завалились назад. Бабы в толпе заголосили.

Ефим вскочил, бросил поводья и метнулся к саням, запутался в ногах и плюхнулся на лед, проехав на пузе почти до самой полыньи.

— Во непутевый, ведь сам сейчас провалится, ни князя не спасет, ни коня!

— Дык помочь бы... — неловко заикнулся кто-то в толпе.

— Дык помоги, коли жить надоело!

— Ох, пропал князь! Совсем пропал! Жалко.

— Ну, пойду Ермолая Потапова порадую, что ему дорогу до мельницы не чистить...

Снеженика наблюдала за всем как в замедленной съемке. Перед глазами проносились смазанные образы, звучал бабий гомон, скакали друг через друга переливчатые солнечные зайчики. Мозги сбились в кучу, а разум будто сразу отключился: ни размышлений, ни логики. Ни одного мало-мальски разумного сомнения, только одна ясная мысль: человек же тонет! А они стоят и просто смотрят!

Сама не понимая, что делает, она скинула шубейку и выхватила бадик из рук первой попавшейся бабки.

— Глашка! Ты-то куда лезешь! Вот бедовая девка, потонешь ведь! — завопили из толпы.

Осторожно, почти на четвереньках, добралась до саней, где уже по шею в воде бултыхался Долгомьшкин, цепляясь окоченевшими руками за лед.

— Держись! — заорала, перекинув ему палку. — Шубу! Шубуними!

— Тут либо держись, либоними! — булькнул князь.

— А надо и то, и другое!

— Санями прижало, пошевелиться не могу! Надо ждать, пока утонут!

Сани снова просели, темная утроба ухнула подо льдом, издавая чавкающий звук, словно сам дядька Водяной заглотил, и кромка льда пошла мелкими трещинами. Сейчас раскрошится — и все!

— Хватай!

Раздался оглушительный хруст. Лед затрещал, мелькнули полозья, вода гулко булькнула и сомкнулась, увлекая сани вместе с князем за собой в ледяную бездну. На берегу завизжали, кто-то повалился в обморок.

Снеженика бросила палку, упала на живот, окуная руки в воду. Надрываясь изо всех сил, подтащила князя за меховой воротник. Тот плевался и отфыркивался.

— Глади, как цепляется! Во девка! Брось его, Глашка, на кой он тебе?

— Дык замуж захочешь, не так цепляться начнешь!

Глаза князя излучали отчаяние.

— Бросай... — посиневшими губами вымолвил он, — не выдюжишь...

— А вот фиг вам, Василий... как вас там по батюшке... Не отпущу! — сквозь зубы прошептала Снеженика и закричала, срывая голос: — Шубуними!

Лед рядом затрещал и просел под грузным телом Ефима.

— Не подходи! — заорала ему Снеженика, и тот остановился как вкопанный. — Не выдержит! Иначе все утонем!

Князь еще цеплялся за кромку льда руками, но тяжелая шуба тянула на дно, Снеженика

из последних сил удерживала его за ворот сюртука.

— Бросай! — прошипел князь, хватая ртом воду. — Тебе, девке, из без шубы меня не вытянуть!

Снеженика и ахнуть не успела, как рука соскользнула, и темные воды сомкнулись над головой царского посланника.

— Эх, хороший мужик был князь, — грустно вздохнули в толпе. — Дык, наливай, как говорится, не чокаясь...

— Помолимся за упокой души раба божьего Василия... — громовым басом затянул отец Игнат, тоже случившийся с прихожанами поблизости, а бабы с воем подхватили.

— Ой, ё-ёй! — голосили бабы. — Потонул все-таки. Так и не выйдет замуж Глашка горемычная! Последнего жениха в реке потопила...

— Вылезай, непутевая! — орали ей с берега. — Хватайте ее за косу, да тяните, покуда она следом за своим ненаглядным в омут не бросилась!

— Эх, Василий, Василий...

Снеженика в ужасе смотрела, как расплзается полынья, наполненная ледяным крошевом. Как расходятся темные круги, да ходит ходуном и гудит лед. Где-то там, под ним, опускаются на дно сани и человек! Которого она не спасла!

Справа охнул Ефим. Темные круги поплыли перед глазами Снеженики, к горлу подкатила тошнота.

Из воды показались пузыри и мокрая рука. Князь исхитрился скинуть шубу и в последней отчаянной попытке уцепился за лед.

— Живой! — ахнули в толпе. — Какой живучий князь попался!

— Помолимся за здравие раба божьего Василия, — тут же сменил пластинку отец Игнат, — да за чудесное избавление...

— Дык, чокаясь, что ли? Ну, тады, за князя. Дай бог ему здоровья!

— Помогите! — отчаянно закричала Снеженика, хватая князя за руку. — Да помогите, что же вы стоите? Сама не осилю!

Князь вытащил вторую руку, подтянулся, но на этом силы оставили его. Снеженика, срывая ногти, как смогла вытянула его на лед почти наполовину и рухнула, понимая, что дальше не сдюжит, сейчас отпустит — и все насмарку.

И тут на лед выскочил герой. Красный петух с белым хвостом метнулся к обессиленной девушке, схватил ее клювом за юбку и отчаянно потянул на себя. Петух надрывался, расправив крылья, скользил лапами по мокрому льду, но упрямо тянул изо всех своих куриных сил.

Приободренная неожиданным союзником, Снеженика стиснула зубы.

Народ замер, любясь неожиданным зрелищем. Со стороны они представляли собой этакое новое прочтение «Репки». Только кошки с мышкой не хватает.

— Ой, батюшки! — выдохнули в толпе. — Никак сам Клёкот Петрович за князя вступился.

— Петух вступился, а ты боишься! Срамота! — заголосили бабы.

По толпе пробежался рокот возмущения с нотками обвинения.

Князь не удержался на льдине, соскользнул и опять ушел под воду. Снеженика, окунув руки почти по плечи, успела подхватить. Она лежала на льду и понимала, что он уже не проявляет признаков жизни. Поднатужившись, снова подтянула его наверх.

«Всё. Теперь всё... Больше не выдюжу...» — поняла она, сдаваясь...

Лед слегка продавился, покрываясь кристальной водой. Девичьи пальцы заскользили по рукам Снеженики, спустились по ним под воду и вцепились в князя.

— Тяни! — зашипела Федоська, опускаясь рядом на живот в ледяную жижу. Душегрейку и платок она заранее скинула, и хрупкий лед еще чудом, но удерживал обеих девушек.

— И раз! — скомандовала Федоська, а у Снеженики словно открылось второе дыхание. — И два! — они рывком в четыре руки и один клюв рванули князя из полыньи.

— Тяжелый, блин! — взвыла Снеженика. — А так с виду и не скажешь!

— Давай! — лед под ними затрещал. — Тяни! Три! — раздался хруст, лед треснул, и Снеженика чуть не ухнула под воду.

— Не шевелись! — закричала она, глядя в отчаянные черные глаза Федоськи. — Даже не дыши!

Черная трещина проползла между ними. Теперь всё: одно движение — и все трое уйдут под лед!

— Утонут! Обе!

— Пропали девки!

— Пойдут на корм ракам, как пить дать! — снова ахнули в толпе.

Оглушительный треск заставил сердце Снеженики уйти в пятки. Думала — переворачивается льдина, но нет. Тяжелый и длинный березовый ствол рухнул поперек полыньи, едва не придавив коня. Куски коры, ветвей и прошлогодних листьев взметнулись в воздух. Конь зацепился копытами, поднапрягся и выскочил на лед, отряхивая шкуру и отфыркиваясь.

— Держись! — скомандовал знакомый голос, и Снеженика сквозь мутные слезы разглядела, как Дмитрий аккуратно подбирается к ним по стволу.

Федоська стальной хваткой вцепилась в князя.

— Тащи!

Дмитрий быстро подполз, подхватил его за шиворот и перекинул поперек ствола.

Лед под Федоськой опасно затрещал.

— Не вставай! — закричала ей Снеженика, уцепившись за березу и понимая, что та сейчас ухнет под воду. — По льду катись! К берегу!

Федоську уговаривать не пришлось. Она кубарем метнулась, только косы черные взлетели. Едва успела выкатиться с потрескавшейся ледяной плиты, которая, надсадно крякнув, разломилась пополам и встала на ребро.

Дмитрий подтаскивал ствол с князем и Снеженикой к безопасному месту.

Долгомышкин не подавал признаков жизни.

— Все-таки помер! — констатировали в толпе. — Ну, как говорится, давайте помянем, наливай...

— Помолимся за усопшего... — снова затянул отец Игнат, бабы подняли вой.

Федоська ревела белугой, размазывая сопли по лицу.

Снеженика подлетела к ней.

— Чего реवेशь? Откачивать давай! Воды он наглотался!

— Дык помер, не спасли, — еще громче заголосила она.

— Ох, село ты без асфальта! — разозлилась Снеженика. Утопленников ей ни разу откачивать не приходилось, но как это делают, любой школьник знает.

Она перекатила князя на спину, бегло прощупала пульс.

— Живой он! Пока еще! Воду из легких выгнать надо! — заорала Димитрию.

Тот даже переспрашивать не стал. Перегнул князя через колено и как следует встряхнул.

— Давай сюда! Еще! Сердце бьется, — прильнув ухом к груди князя, доложила она, — но не дышит!

Как делают искусственное дыхание, по телевизору видала, да только в жизни столкнулась впервые! Эх, была не была...

— Гляди-кась, как девка страдает, да милого сваво лобызает. Кака любовь у них была, а мы-то и не знали, — бабы утирали платочками глаза.

— Ты что это творишь? — возмущенно налетела на нее Федоська. Но быстро смикитив, что к чему, оттолкнула ее в сторону: — Дай я!

Странно, но у Федоськи получилось лучше. И когда князь открыл глаза, он увидел перед собой ее заплаканное, но довольное лицо. Она еще несколько раз проделала процедуру, чтобы закрепить результат, а тот даже не стал сопротивляться.

— У кого баня топлена? — строго спросила Снеженика, оглядывая толпу. Она подобрала свою шубейку и укутала в нее князя.

— У нас топлена! — твердо заявила Федоська, давая понять, что князя ни в чей двор она не пустит и из своего теперь не выпустит.

— Тащи барина в баню! — радостно заорали в толпе. — И водки ему, водки налейте!

Мужики подхватили князя и как дорогой трофеей на вытянутых руках потащили к дому Федоськи. Та, семеня и кутаясь в душегрейку, побежала следом.

— Помолимся за раба божьего Василия... — возглавил процессию отец Игнат, — да чтоб его, окаянного, запутался уже... за упокой али за здоровье? А где енто тут водки наливают?

Снеженика окоченевшими руками подобрала мокрого петуха. Тот дребезжал как хрустальная рюмка на холодильнике и все время поджимал лапы. Мокрое платье стояло колом, шубу она отдала Долгомышкину, и только сейчас, когда опасность миновала, поняла, как же сильно замерзла.

— Пойдем до дому. Тоже баню истоплю... — знакомый голос теплым бальзамом пролился на душу. Сильные руки накиннули ей на плечи тулуп и обняли со спины.

Слезы покатались по щекам. Снеженика закрыла глаза. Вадим... Она медленно повернулась. Димитрий, в одной рубахе, сверлил ее озабоченным, но нежным взглядом. Она улыбнулась.

— Пойдем...

— Это что?

— Не что, а кто! Лошадь!

Действительно, лошадь. Белая в яблоках, запряженная в расписные деревянные сани. Она лениво пожевывала удила, а солнечные блики играли в атласных ленточках, вплетенных в гриву.

— Вижу, что лошадь. Спрашиваю, зачем?

— Кто тут креативный директор: я или ты? Полагаю, это будет не лишним, чтобы подчеркнуть культурные традиции. Создать атмосферу, так сказать, и антураж...

— Ты где ее взял?

— Блин, на ипподроме. Недорого, кстати, аренда на весь день. Вместе с кучером.

— И где твой кучер?

— Я не знаю... был вроде...

Андрей возился у машины, сгружая сумки из багажника.

— Оставил телефон, сказал, мол, звякните, как нужен буду! — через плечо пояснил он. — Веди ее сюда что ли! Чего в воротах застряли?

Вадим тихо выругался сквозь зубы. И так забот полон рот, лошади им еще не хватало!

— Че смотришь? Паркуйся! — небрежно кивнул он Кириллу.

Тот недовольно вздохнул и, взяв лошадь под уздцы, повел ее под гаражный навес. «Козёл неблагодарный», — прочел Вадим по его затылку и улыбнулся.

Вообще, за все те годы, что они знакомы, осечек у Кирилла никогда не случалось. Он всегда каким-то десятым чувством понимал, когда и где что надо предпринять, и его интуиции Вадим доверял больше, чем самому себе.

Поэтому, какая бы хрень ни пришла тому в голову (а приходила она довольно часто, только успевай за голову хвататься), Вадим ее смиренно принимал. Ворчал, конечно, высказывал собственное, никому не нужное мнение, но всегда давал добро. При этом действовал Кирилл все время по наитию, без какого-либо четко выверенного плана, и сам больше всех удивлялся, когда по итогу эта самая хрень внезапно срабатывала.

Вот и сегодня. Лошадь притащил. Когда успел, главное? Вадим на всякий случай выглянул за ворота, опасаясь увидеть цыганский табор с медведями. А что? Вполне в его стиле...

По дому витали головокружительные ароматы. Во избежание новых эксцессов, Вадим никуда ни на минуту не отлучался, взвалив все заботы на парней, и второй день ходил хвостом за Глашей, помогая, подсказывая и выполняя незначительные поручения.

Ксюха, посчитав свою помощь исчерпывающей, рано утром упаковала в переноску Звездочапа и гордо отбыла в город на самой первой электричке.

Таким образом, все хлопоты по хозяйству легли на хрупкие плечи Глаши, которая, нужно сказать, вовсе не растерялась. Вадим не переставал удивляться ее трудолюбию и выносливости и четко уяснил для себя природу известной пословицы про русских баб, коня и избу. Вот точно, оттуда оно и пошло...

За сравнительно небольшой срок Глаша умудрилась настряпать целую кучу блюд. Тут были и пироги, и пирожки, какие-то крестообразные печенюхи, которые она именовала

крестцами и уверяла, что в Святки без них никуда. Огромная кастрюля щей, печеный гусь и даже какая-то фигня из мятого картофеля с топленным маслом с чудным названием «дротик».

Кирилл, увидев все это изобилие, ненадолго впал в ступор и уточнил, а точно ли китайцев будет только шестеро. Ибо с первого взгляда становилось понятно, что пирогов тут хватит, чтобы накормить сразу пару провинций.

Сам же он снова удивил Вадима, умудрившись продумать мелочи, о которых тот даже и не вспомнил бы. В этом Вадим убедился, когда они с Андреем в четыре руки вывалили в гостиной кучу расписанной под хохлому посуды, разноцветные матрешки и даже самовар. Тот факт, что Глаша умеет им пользоваться, привел парней в восторг и лишний раз укрепил в уверенности, что все пройдет успешно.

В результате, когда китайцы выгрузились из автобуса, их встретил богато накрытый стол, хаотично раскиданные по гостиной хохломские подносы и румяная Глаша в вязаном терракотовом платье и богатом кремовом платке в мелкую розочку на плечах. В косу она вплела ленту, и такая же, подходящая по цвету, была повязана на голове.

В целом, выглядела она колоритно и очень в тему, а с учетом того, что говорила и действовала не притворяясь, и вовсе производила неизгладимое впечатление. Найми они актрису, и то бы так не справилась.

На удивление, все хлопоты Глаша взяла на себя. Переводчик едва успевал переводить ее веселое щебетание. Гости ели мало, зато много фотографировали, при этом что-то постоянно спрашивая у Глаши. А парни, ютясь в стороночке, уже не раз задавались вопросом, а зачем они, собственно, тут.

Трудности посыпались через час, когда у ворот Вадима затормозил покоцанный белый «Жигуль».

Андрей с гостями как раз выбрались на улицу покурить, когда дверца колымаги распахнулась, и Ксюха, в застегнутой не на ту пуговицу, а потому перекошенной дубленке и в шапке набекрень, выбралась из такси и, просочившись в приоткрытые ворота, хромая, заковыляла к дому. При этом позади нее на длинном поводке по снегу волочилась переноска, из которой доносилось недовольное ворчание.

Она молча проследовала мимо гостей, даже не удостоив их банальным «здрасьте» и, отреченно глядя перед собой, заволокла переноску в дом.

— Ты чего? — тут же подскочил Вадим, быстро увлекая ее на кухню.

— Он все испортил, — скривилась Ксюха. Глаза разнесчастные, тушь размазалась, вот-вот заревет.

— Кто испортил?

— Звездоцап! — Ксюха скинула дубленку прямо на пол и плюхнулась на стул. — Ничего не успели, только вошли... А он...

— Что?

— Истерику устроил, всех собак перепугал, кубок разбил, подрался с председателем судейской комиссии... Даже меня укусил, представляешь? — она обиженно продемонстрировала Вадиму забинтованный палец.

— Ну, мы же предположили, что это петух... Зачем ты его в люди потащила?

— Вадим... Это ж бред! — она подняла на него полные слез глаза. — Ты хочешь сказать, что мой домашний мальчик Звездоцап сидит сейчас в курятнике на насесте? В девятнадцатом веке?

— Похоже на то...

— Столько труда! — причитала Ксюха, даже не слушая его. — А теперь наград лишили, запретили участвовать в выставках, вынесли вердикт о несоответствии породе...

— И что? Перестанешь его из-за этого любить?

— Нет...

— Тогда успокойся и пошли к гостям. Ксюх, я тебя предупреждаю, не вздумай что-то мне испортить!

Та быстро вытерла слезы рукавом. Вот дура! У Вадима сделка века, а она тут нюни развела.

— Вадим, там такси у ворот...

— Я понял. Пойдем.

В гостиной стоял гомон и смех. Под восхищенные возгласы присутствующих Глаша сыпала на пол вареную гречку, а Звездоцап, забавно повернув нос вбок, собирал ее языком, оставляя на полу сопливый след.

— Особая порода, — деловито объяснял переводчику Кирилл, устанавливая по центру гостиной гладильную доску. — Результат неосторожного эксперимента местных генетиков. Этот... как его... Бойцовский шпиц-клювокрыл. Гнездится на возвышенностях, предпочитает вегетарианскую диету. Не знали? Темнота! Шучу, шучу! Просто дрессировка!

Гладильная доска псу явно понравилась: и широкая, и яркая, и все вокруг видать и под контролем. Для удобства было решено подставить рядом табуретку, на этом обустройство импровизированной псарни-курятни было закончено.

Ксюха выпила таблетку и выползла во двор. Голова постепенно успокоилась и теперь там осталась только одна мысль: а зачем, собственно, она потащила пса на эту выставку? Не иначе, как из чувства противоречия, лишь бы не вешать на свои плечи лишних забот.

Тут же стало стыдно. Сестра ее, вина в том, что с ней произошло, по сути, тоже ее. А отдуваться должен Вадим?

— Такой красивый дэвушка скучает, — от неожиданности Ксюха подпрыгнула и обернулась. Недавний таксист, вертя на пальце ключи от машины и красуясь, грациозно прислонился к ограде беседки. — И зачем только ваши мужики все мимо смотрят? Пайдем, пакатаю, э?

— Выход вон там! — удивленно приподняла брови она. Мало того, всю дорогу клинья подбивал, так теперь и не выгонишь!

— Зачэм выход, зачэм вход? Красивый дэвушка не может быть один! Ей нужен красивый мужчин! — он поиграл бровями и указал на себя.

— У... у меня есть мужчина! — не придумав ничего другого, брякнула она.

— Тэперь уже есть! — уверенно заявил таксист и призывно поманил ее пальцем.

Ксюха попятилась.

— Отстань!

— Проблемы? — сильная рука обвила ее за талию. Кирилл склонился к ее лицу, бросив выжидательный взгляд на таксиста. — Подожди дома, дорогая, здесь холодно, — интимно шепнул на ухо и легонько подтолкнул ее к двери. — Не нужно беспокоить мою девушку, уважаемый. Я этого не люблю, — обратился он к таксисту.

— Вай! Кто бэспокоит? — засуетился тот. — Твой дэвушка, я привез, зашель, чтоб заплатили...

— А! — догадался Кирилл, доставая бумажник. Бегло отсчитал несколько купюр. —

Сколько я вам должен? Этого хватит?

Таксист свысока — снизу вверх, покосился на парня и деловито запихнул деньги в карман.

— Хватит, дарагой, звони — подвезу, машина — зверь! — он картинно обвел круг указательным пальцем и довольно зашагал к воротам.

— Ага, всего доброго! — вежливо кивнул Кирилл, при этом совсем невежливо запихивая Ксюху в дом.

— Это что еще за цирк? — зашипела она, когда он зажал ее в прихожей.

Кир удивленно выгнул бровь.

— Возражаешь? Я ее тут спасаю, можно сказать, прикрываю собой, а она... Нет, я могу его вернуть, если так приглянулся...

— Дурак... — фыркнула Ксюха, но тут же спохватилась: — В смысле, это, спасибо...

Они зашли в гостиную, где царило полное веселье: Глаша, расставив на столах банки и склянки, учила четырех китайцев готовить сбитень. Вадима, Андрея и главу делегации видно не было. Остальные же активно участвовали, пробовали на вкус, хохотали, плевались, но при этом не забывали нахваливать.

Ксюха зябко поежилась. Зря все-таки выскочила без одежды.

— А это — тебе, — шепнул Кирилл, накидывая ей на плечи павловопосадскую шаль. — Для тебя специально взял зеленую... Царевна-лягушка...

— Ах ты ж! А говорил — не помню! — наигранно нахмурилась она.

— Не помню, честно! Ничего не помню! — Кирилл сделал несчастную мордашу и, склонившись к ее уху, весело добавил: — Одну только тебя запомнил.

Ксюха закуталась в шаль и покосилась на него. Забавный! Правда, сейчас ничего общего с тем, что ей довелось наблюдать накануне. Новый чистый костюм, причесанные волосы, хитрый прищур темно-серых глаз. Сколько ему лет? Ровесник или старше? С виду довольно моложавый, но если приглядеться, видно — под тридцатник, а может быть, и за...

Тоже туда же — царевич... — вспомнила она. Смешной, курносый... Если чуть растрепать волосы, больше будет походить на Незнайку или Буратино. Смотря что сверху нацепить: шляпу или колпак. Она улыбнулась, понимая, что ему будет адски к лицу и то, и другое.

Кирилл поймал ее улыбку.

— Я знал, что я тебе понравился, — подмигнул лукаво.

Ну еще бы! Такой фронт, даже пахнет сегодня парфюмом. Не рыбой. Даже не перегаром. Штаны не спадают — какой прогресс! Ну как тут устоять? Ксюха закатила глаза и обреченно помотала головой.

— Кир! — Вадим высунулся из кабинета, делая пригласительный жест головой. — Иди сюда.

Кирилл рыбкой нырнул в кабинет. Неуверенно потоптавшись у двери, Ксюха просочилась следом. На подносе красовался самовар. В чашках благоухал ароматом пряных трав горячий чай. Переводчик что-то втолковывал Андрею, Вадим сиял похлеще самовара, а Кирилл, оперевшись руками в стол, бегло просматривал бумаги.

Заметив ее, Вадим подхватил дымящуюся чашку.

— Такое дело... — заговорщицки прошептал он, протягивая ей ароматный напиток. — Я сказал ему, что вы с Кириллом пара.

— Что? — обомлела Ксюха, едва не поперхнувшись. — Зачем?

— Ну как — зачем? — Вадим невозмутимо пожал плечами. — Чтоб втереться в доверие. Мне слишком долго объяснять, кто ты такая и почему так обращаешься с собаками. А тут отвлек их на любовь. Семейный бизнес, клан, традиции... Повернут он на этом, понимаешь?

— Нет!

— Что — нет?

— Не понимаю, причем тут я и этот вечно пьяный Буратино?

— Кто? — улыбнулся Вадим. — Кир, вообще-то, не пьет. Это просто от стресса. Тебе трудно что ли подыграть?

Кирилл официально обменялся рукопожатием с главой делегации. Тот то ли реально не узнал его без грима, то ли старательно делал вид, что не узнает, но это безмерно радовало.

— А чего сразу я? — не отступала Ксюха, искоса поглядывая на Кира. — Тебе надо, ты и изображай свои семейные ценности...

— Как ты это себе представляешь? — поджал губы Вадим. — Я бы, может, и рад! Но только представь, что устроит эта недотрога, если я к ней прикоснусь! Была бы это Снежа... — он тяжело вздохнул и сразу погрузился.

— Была бы это Снежа, — поспешила успокоить его Ксюха, — твои китайцы ели бы подгорелые макароны и весь вечер слушали восхищения по поводу новых трендов в индустрии моды... Это в лучшем случае...

— Чего шепчемся? — Андрей обнял их обоих за плечи и картинно распахнул дверь кабинета. — А теперь гуляем, ибо...

Он вынужденно запнулся и замолчал. В гостиной снова было оживленно. Один из гостей увлеченно фотографировал Звездоцапа, вальяжно восседающего на гладильной доске, а трое других, включая Глашу, завороченно слушали уже знакомого всем таксиста.

Тот размахивал наполненным фужером и высокопарно вещал:

— ...Так пусть здоровье сидящих здесь людей сравнится с величию гор Кавказа, а красота их жен — с сияющим водою Хуанхэ! Вот такой тост получился, хотя, желтый вода, на мой взгляд не очень красиво, я бы сказала... А вот еще тост! Високо-високо в горах жиль один баран...

— Минуточку, — Андрей быстро отделился от компании и, уцепив оратора за рукав, перекинулся с ним парой фраз. Потом достал бумажник, отслонявил несколько купюр и бодро выпроводил его за дверь. Таксист при этом упирался, силился договорить тост, не забывая активно распахивать пирожки по карманам.

— Ты чего, сразу не мог заплатить? — Андрюха накиннулся на Вадима, едва за таксистом закрылась дверь.

Тот пожал плечами.

— Я заплатил вообще-то...

— Эмм... И я заплатил, — почесал в затылке Кирилл.

— Если вам интересно, — тут же встряла Ксюха, — я тоже заплатила! Мне сто рублей не хватило, и я домой зашла у Вадика занять...

Все молча переглянулись.

— Учись, братан, как надо деньги делать, — усмехнулся Андрей, хлопнув Вадима по плечу. — Пойду проверю, не продал ли он нашего коня.

— Ворота закрой! — крикнул вслед Кирилл. — И подожди изнутри чем-нибудь!

— Боишься, что опять вернется? — на ходу хохотнул тот.

— А то! Тут еще китайцы не платили, ему возвращаться и возвращаться.

Дорогие друзья! Мне очень важна обратная связь. На просторах самиздата я автор новый, и пока нахожусь в поиске своего жанра. Стоит ли мне продолжать писать в юмористическом жанре или уйти в любовь-морковь 18+? (такой опыт тоже есть — см. «Невеста последнего волка»).

Комментарии пишут единицы, за что им огромное спасибо, но все же хотелось бы услышать еще мнения. Заранее спасибо! Приятного чтения.

— Горько! — неожиданно провозгласил переводчик, кивая пьяненькому самураю. Странно, но с легкой руки Кирилла это совсем не китайское прозвище, кажется, намертво прилепилось к руководителю китайской фирмы.

— Что? — голос Вадима осел.

— Наш командир говорит, что знает о вашей помолвке и желает поднять бокал за вашу будущую семья с таком замечательный девушка, который так вкусно готовит! — радостно доложил переводчик. — И мы знать, что в таком случае у вас полагается желать горько!

Гости дружно закивали, и все выжидательно взглянули на Вадима. Он побледнел, боясь взглянуть на Глашу, а та отшатнулась, кутаясь в платок.

Вадим скрипнул зубами. Вот сейчас весь их красивый цирк пойдет коту под хвост.

Китайцы вопросительно переглянулись. Почуввав неладное, перекинулись недоуменно-встревоженными взглядами Андрей с Кириллом. Неудобная пауза затянулась, рискуя прерваться трескучим провалом... Но тут на помощь пришла Ксюха.

— Минуточку! — поднялась она, поправляя спадающую шаль. — Тут произошла досадная ошибка. Вам, видимо, не так перевели. Вадим и наша дорогая Глаша пока просто встречаются, а свадьба намечается у нас!

Она приобняла Кирилла, одновременно пихая его ногой под столом.

Переводчик что-то быстро проговорил самураю, и тот расплылся в довольной улыбке.

— Горька! — снова поднял бокал он, салютуя Ксюхе.

Не давая Кириллу времени на вопросы, она подхватила оторопевшего парня за лацканы пиджака и смачно чмокнула в губы.

— Нет, нет! Нада считать... Раз... два...

Твою ж..! Ксюха больно наступила Киру на ногу и, обвив руками шею, впилась в его губы. «Лишь бы не начал вырываться, — вертелось в голове, — а если будет — укушу!»

Вот только Кир вырываться не спешил, а неожиданно привлек ее за талию и ответил. Это так ошеломило Ксюху, что она не на шутку напугалась. Отпрянула и попыталась вырваться, но не тут-то было. Кирилл не позволил ей двинуться с места и целовал до десяти.

Китайцы взорвались аплодисментами и дружно хряпнули по полной. Вадим изо всех сил семафорил глазами Кириллу. Мол, молчи и ничего не спрашивай, все потом.

Ксюха дрожащими руками налила себе бокал вина и залпом его осушила. Сказал бы кто пару дней назад, когда это пьяное нечто валялось в коридоре и обнимало ее сапог, что она сегодня будет его целовать! Прилюдно! Ужас какой! И еще ужасней, что это ей понравилось!

— А давайте я вам музыку включу, — срывающимся голосом произнесла она, направляясь к колонкам. Не столько, чтоб гостей отвлечь, а чтобы отвлечься самой и заставить слушаться предательски трясущиеся ноги.

— Лучше давайте я спою! — вдруг перебила ее Глаша, и Ксюха, оторопев, остановилась.

Глаша уже давно почуввала, что что-то пошло не так, и почему-то считала себя виноватой. Она поднялась из-за стола, поправила шаль и, выйдя в центр комнаты, завела мелодичную песню. Красивый голос лился птичьей трелью. Молодая девушка в давно забытой русской песне грустила по своему возлюбленному, а Ксюха с удивлением осознавала, что впервые слышит, как ее сестра поет, и оказывается, у нее есть голос.

Кирилл ослабил ворот на рубашке и вышел на веранду.

— Ты когда успел-то? — шагнул следом Андрей, он показал глазами на Ксюху и достал сигареты. — Будешь? — протянул пачку Кириллу. Тот взял, растерянно покрутил в руках и вернул обратно.

— Сам не понимаю... — пожал плечами он. — Ничего не хочешь объяснить? — обратился он к Вадиму, который, прихватив куртки для Андрея и Кирилла, выскочил вслед за ними.

— Кир, только не сейчас! — растерянно произнес тот, вручая ему куртку.

— Нет, я в общем не в претензиях, — повел бровями Кирилл, — но есть дурное ощущение, что я один не в курсе, что тут происходит...

— Я объясню тебе потом, как-нибудь. Например, когда снова напьешься как в прошлый раз... Или когда я так напьюсь...

— Вы что, поссорились? — встрял Андрей. — Помнится, в офисе целоваться не стеснялись...

— Нет, не поссорились... — Вадим сделал несчастное лицо. — Черт... я не знаю, как вам это объяснить. Может, потом?

— Она объявила тебе, что убежденная девственница и до свадьбы ни-ни? — не унимался Андрей.

— Угу... А целый год я спал под дверью.

— А что тогда? — парни в четыре глаза уставились на Вадима.

В гостиной раздались аплодисменты и возбужденные голоса, а потом оживленная толпа радостно вывалилась на улицу.

— Гости изволят покататься на лошадке! — показывая пальчиком на сани, объявила Ксюха.

Те толкались возле коняшки и радостно фотографировали Глашу, которая кормила ее с рук хлебом с солью.

Андрей достал телефон.

— Не понял... — он удивленно вздернул бровь, послушав рваные гудки. Набрал еще пару раз, но аппарат выдал «Абонент находится вне зоны действия сети». — Отлично покатались! — он досадливо сплюнул.

— Может, телефон неправильно записал? — предположил Кирилл.

— Угу, смотри, — Андрей ткнул ему в нос дисплей, — его входящий, — что свидетельствовало о том, что горе-кучер сам набирал номер Андрея, чтобы оставить свой звонок.

— И что теперь делать? — повисла многозначительная тишина.

— Так мы покатаемся, можно? — Глаша со знанием дела поправила подпругу и намотала на руку поводья, потом бросила вопросительный взгляд на Вадима.

— Постой, так ты..? — он указал сначала на лошадь, потом на Глашу, — умеешь ей управлять?

Глаша посмотрела на него как на ненормального.

— А ты разве не умеешь? — засмеялась она.

Вадим задумчиво поскреб в затылке.

Испытывать сани с новым возницей вызвались Вадим с Андреем. Глаша с гиканьем и с ветерком прокатила их вокруг поселка и лихо остановила сани возле ворот.

— Вот это я понимаю! — присвистнул Андрей, выпрыгивая из саней. — Вот это девка!

Смотри, не тяни — уведут! — толкнул он в бок Вадима.

Дальше в несколько заходов катались китайцы, но главная веселуха началась, когда дело дошло до «молодых».

— Я с ним не поеду! — вырывалась Ксюха, пока Андрей и самурай втолковывали ей, что «влюбленная пара» просто обязана уединиться вдвоем в романтической обстановке, дабы вкусить все красоты природы.

С другой стороны саней в это время заканчивалась стычка между Вадимом и Кириллом.

— Вадим, ты офигел? Нашел артиста Марлезонского балета!

— А что не так? Как раз твой профиль!

— Я жениха играть не подряжался!

— Ты сам лошадь притащил, никто тебя об этом не просил. Теперь катайся.

— Вадим, да я ее боюсь!

— Лошадь?

— При чем тут лошадь? Её! — Кирилл мотнул головой в сторону Ксюхи, которую заботливые китайцы уже усаживали на облучок.

— Кир, — Вадим по-хозяйски запахнул на нем куртку и натянул капюшон. Потом загреб рукою за грудки, притянул к себе и угрожающе проговорил на ухо: — Наши партнеры хотят, чтобы ты покатал девушку. Либо ты ее сейчас катаешь, либо я потом закатаю тебя в асфальт. Выбирай... — он приветливо улыбнулся, отпустил Кира и хлопнул его по плечу.

Тот мстительно поджал губы и передернул плечами. Промолчал, но взгляд на Вадима бросил такой, что тот сразу понял: идти ему сегодня далеко, по тропочке лихой, за дали дальние...

Глаша прицелилась было снова вскочить на козлы, но Кирилл остановил ее царственным жестом:

— Нет уж! Вдвоем, так вдвоем!

— Кир, ты уверен? — осторожно встрял Андрей.

— Не будем портить идиллию! — подмигнул тот и, весело присвистнув, развернул лошадку на грунтовую проселочную дорогу.

Сани весело заскользили по накатанной дороге вдоль посадок. Даже весело стало — вот так прокатиться с ветерком. Ленточки красиво развеваются на ветру, залиvisto брякает колокольчик, деревья нестройными рядами уносятся вдаль, так и хочется спеть что-то типа «И уносит меня в звенящую снежную даль...»

Ксюха расслабилась и даже успела поймать кураж, но тут... Серая тень метнулась из кустов, и на дорогу прямо перед носом лошади выскочил кот. Вместо того, чтобы просто перемахнуть через дорогу и бежать себе спокойно по своим делам, затормозил как вкопанный прямо на середине, вылупил глазища и, заметив несущуюся на него лошадь, подскочил и с пробуксовкой ломанул назад. Не подрассчитал скорость и скользкость дороги, поэтому пробуксовал на месте несколько дольше, чем позволяло время и, вспушив парашютом хвост, нырнул обратно в кусты.

Лошадь резко затормозила, взвилась на дыбы и метнулась в сторону, пытаясь обогнуть препятствие. Сани повело, они пошли юзом по скользкой дороге, потом поймали полозьем сугроб, насыпанный грейдером, взобрались на него. Заскрипела стяжка, послышался треск поломанной оглобли. Сани накренились и, плавно завалившись набок, съехали в кювет.

Кирилл ухнул спиной в пушистую шапку снега в густых зарослях ирги, ругаясь и ломая ветки. Ксюха завалилась на него сверху — прямо на грудь, и так они и замерли — почти

вниз головами, на пологой насыпи дороги. Опомнившись, она тут же попыталась вскочить, но сапог застрял в полозьях, и теперь даже при большом желании она не могла ни встать с Кирилла, ни даже откатиться в сторону без посторонней помощи.

Побарахтавшись недолго, она обреченно уткнулась носом ему в грудь.

Кирилл откинулся на снег и тихо засмеялся.

— Нет, ну всякое со мной случалось. И девчонки, бывало, клеились, но чтобы так настырно домогались — никогда...

— Что?! — задохнулась от возмущения Ксюха. — Это ты про что вообще?

— Как про что? — он приподнялся на локтях. — Сама посуди: то в ванную ко мне прыгаешь, то целоваться лезешь, теперь вообще в кусты завалила. Спасения нету!

— Ах ты! — она попыталась отстраниться от него на вытянутых руках, но угол падения был таков, что в такой позе долго не продержаться. Руки подогнулись, и она снова бухнулась ему на грудь.

— Два дня всего знакомы, а чувство, что уже женат, — продолжал шутливо сокрушаться Кирилл. Он с трудом приподнялся, исхитрившись вытащить из кармана брюк телефон. — Вадим, мы тут приехали, гони эвакуатор.

Служба спасения в лице Андрея, Вадима и Глаши не заставила себя долго ждать. Внедорожник Андрея резко затормозил возле потерпевших крушение саней, обдав Кирилла с Ксюхой облачком снежной пыли.

— Блин, Вадим, зря я с тобой не поспорил! — хохоча, вышел из машины Андрей. — Сто процентов был уверен, что этим все закончится!

— А я бы и спорить не стал, — в тон ему ответил Вадим. Он обошел авто, оценивая беглым взглядом масштабы аварии. — Я знал, что этим закончится, как только лошадь у ворот увидел...

— Нет, вы спасать нас собираетесь или так и будем рассуждать? — возмущенно подал голос Кирилл.

Андрей, заметив их позу, утер скупую мужскую слезу, согнувшись в припадке беззвучного хохота.

— Может, мы рано приехали, надо было дать вам время намиловаться?

— Ща вылезу — всеку, — сурово пообещал Кирилл. Только сурово у него, как всегда, не получилось, поэтому Андрей глумиться над «молодоженами» не прекратил.

Не переставая сыпать остротами, он вызволил Ксюхин сапог, подал ей руку.

— Как? — сокрушалась она, пока пыхтя и цепляясь за руку Андрея выбиралась на дорогу. — Скажи мне, как вы с ним работаете? Это же ходячее стихийное бедствие!

— А ты думаешь, почему он на своей машине не ездит, а постоянно со мной? — хохотнул Андрей. — А потому что авто он водит так же виртуозно, как коня!

Он вытащил Ксюху из сугроба и протянул руку Кириллу.

— Имей в виду. На будущее, — добавил со смешком через плечо.

— Что? — взорвалась она. — Какое такое будущее? Да вы тут сговорились что ли?

Она вытряхнула снег из капюшона и нервно взглянула на Кира. Тот, весь в снегу и изрядно помятый, но при этом страшно довольный собой с сомнением разглядывал сани.

— Вот блинн, вся премия сюда теперь уйдет, — протянул он, с досадой пиная полозья.

Вадим задумчиво бродил вокруг запутавшейся в поводьях лошадки, соображая, что с ней делать.

Глаша молча подошла, погладила ее по морде. Потом аккуратно выпрягла ее из саней.

Парни дружно уронили челюсти, когда она, выведя коняшку под уздцы, вернулась к саням, ловко отвела оглоблю и, поднатужившись, перевернула сани плечом.

— Глаша! — первым опомнился Вадим. — Пстой. Нельзя же так! — он подхватил ее под руку.

— Почему — нельзя? — искренне удивилась она. — Я сейчас сани вытащу, лошадку обратно впрягу. Оглоблю только надо подвязать, так и до дома дотянем. А то если б топор был, можно осинку срубить...

— Глаша! — Вадим запнулся, не находя слов, а Андрей с Кириллом просто потеряли дар речи при этой сцене. Он посмотрел на них, потом молча отвел Глашу в сторонку. — Ты девушка! А рядом трое мужиков!

— И что? — снова удивилась она.

Вадим хлопнул себя по лбу.

— Ты так всегда себя ведешь?

— Ну да... — растерялась она.

— Девочка моя, послушай мой совет, — улыбнулся он. — Девушка должна быть беззащитна и нежна, чтобы нравиться мужчине.

Глаша покраснела:

— Почему?

— Господи! Да потому что мы сейчас втроем чувствуем себя полными идиотами! Пойми, мужчина это сила, а женщина — нежность и красота. Это истина на все времена. А если ты все мужские обязанности возьмешь на себя, он будет чувствовать себя ущербным! Вон, посмотри на них... — он, улыбнувшись, мотнул головой на друзей. Те озабоченно скребли в затылках, с удивлением поглядывая в их сторону. — Поняла?

— А я думала — наоборот...

— Что наоборот? — чуть не упал Вадим.

— Ну в смысле, чем девка крепче, тем быстрее ее замуж возьмут...

— Крепче — в плане о муже заботиться, детей рожать! Но не сани же ворочать, в конце концов!

— И что, вы сами справитесь? — протянула с сомнением. — Я же могу помочь!

— Глаша! Пощади мою девушку! Ты, может, девка крепкая, а она?

— Ох! — напугалась она, ошупывая себя руками. Кажется, дошло.

— Послушай, тут дело не в теле, — улыбнулся Вадим. — И не в физической силе. Есть такое понятие — женственность. Посмотри, — он аккуратно указал глазами на Ксюху. Та, разумеется, разруливать ситуацию не стремилась, а довольно морщила нос на солнышко, считая снегирей. — А теперь посмотри сюда, — Вадим кивнул на Кира, который хоть и бродил вокруг саней, но постоянно украдкой кидал взгляды на Ксюху. — Поняла?

Та потупила глаза и кивнула головой.

— Обещай, что там, у себя, ты так больше делать не будешь?

— Обещаю... — тихо выдохнула Глаша.

Довольных, веселых и гомонящих без умолку, как воробьи, китайцев погрузили в автобус и отправили в гостиницу с Андреем, уже когда сгустились сумерки.

Кирилл, отчего-то заартачившись, вызвался остаться помогать, и возражать никто не стал.

Пока разбирали столы, убирались, разгребали гору грязной посуды, пока улаживали

дела с объявившимся конюхом, на улице совсем стемнело.

Вадим, наконец-то скинув напряжение, вдруг неожиданно для всех впал в полный раздрай. Он сидел на крыльце веранды и молча пил вино прямо из горла.

Нужно сказать, что за весь день парни не выпили ни капли, а Вадим, похоже, даже ничего не съел, поэтому развозило его быстро и в хлам.

— Глаш, — он, чуть не плача, повернулся к ней. — Скажи, а там... Ей ничего не угрожает?

Та все быстро поняла, уселась рядом на корточки и сочувственно погладила его по руке.

— Все хорошо с ней будет. Не волнуйся! — затараторила она. — Бабка у меня хорошая. Дед веселый. Девчата, правда, вредные, да они мелкие еще. Корова добрая, Трезор не кусается. Клекот Петрович, правда, суров, да он тут, со мной. Все в порядке с ней, не убивайся так!

Ксюха подсела к Вадиму со спины, обняла его за шею и уткнулась носом в плечо. Тихо всхлипнула, вздыхая. Непонятная круговерть, затянувшая их обоих в мистическое торнадо, вымотала до предела и ее. Хотелось то плакать, то кричать, то бежать куда-то без оглядки, то просто молча сидеть и никого не слушать. Вадима она понимала, и за Светку душа болела ничуть не меньше, чем у него.

— М-да... — Кирилл задумчиво почесал висок. — Я так понимаю, мне снова ничего не будут объяснять...

— Извини, Кир... Можно не сегодня? — Вадим бросил на него умоляющий взгляд и снова отхлебнул.

— Я так понимаю, это не твоя девушка? — попытался догадаться тот.

Вадим посмотрел на Глашу и обреченно уронил голову на руки.

— Ооо! Давай-ка! — Кирилл отобрал у него бутылку, с усилием поднял, забрасывая его руку себе на плечо. — Пошли, уложу тебя. Харе на сегодня.

Глаша подскочила и засеменила следом, открывая двери.

Ксюха осталась одна. Присела на крыльцо, подхватила одиноко стоящую Вадькину бутылку, сделала глоток. Как-то муторно, тоскливо... Казалось бы, отчего? Да черт его знает? Она зябко поежилась.

Во дворе автоматически зажглись фонари. Синяя подсветка на деревьях в раз превратила обычный участок в сказочный сад. На небо выползла луна, подмигивая сквозь ветви сосен. Ксюха закрыла глаза, вдыхая ароматы зимней ночи.

Дверь тихо шелкнула, и на веранду выбрались Кирилл и Пончик.

Кир уселся рядом с Ксюхой и тоже задумчиво уставился вдаль.

— Расскажешь?

— Не-а...

— Почему?

— Потому что ты и так бог знает что про меня думаешь, а если я тебе сейчас расскажу правду, будешь и вовсе считать меня сумасшедшей, — она хлебнула из бутылки. — Я лучше подожду, пока Вадька протрезвеет. Вместе расскажем.

Кир молча отобрал у нее бутылку.

— А тебе важно, что я буду думать про тебя? — улыбнулся он.

Ксюха посмотрела на него и поднялась. Потянулась и направилась к двери.

— Тебе где постелить? — бросила через плечо.

— Могу лечь сразу с тобой, — не растерялся Кирилл. И, поймав ее возмущенный взгляд,

рассмеялся: — Нет, просто если следовать динамике наших отношений, то будет логично предположить, что где бы я ни лег, утром все равно обнаружу тебя у себя под одеялом.

Ксюха громко фыркнула, берясь за ручку двери.

— Постелю на твоём любимом диване в гостиной, — бросила коротко. — Вот же придурок, Божееее!!!

Кир улыбнулся и подмигнул сидящему рядом Пончику. Тот зевнул и приветливо вильнул хвостом в ответ.

— Видал? — пожаловался ему Кирилл. — Вот так разгребаешь целый день: девицы, лошади, китайцы, самураи... Ни психики не шадя, ни здоровья... А потом на тебе — придурок... — Пончик с пониманием посмотрел на него и дал лапу. Кир пожал ее и потрепал его по холке: — Молодец, соображаешь. Э-хх, вот такая, брат мой, фукусима... — выдохнул он устало.

— Гляди-кась, — Кондрат удивленно потер замерзшее окно. — Кажись к соседям-то сваты пожаловали... Ить как знал — уведут девку, как пить дать! — махнул рукой он.

Димитрий отложил в сторону старый хомут, который он пытался починить, и подошел к окну. Возле соседской калитки стояли дорогие сани. Добротный, сытый жеребец похрапывал в упряжи, нетерпеливо бил копытом, а из его ноздрей валил пар. Вокруг него лениво похаживал ямщик, деловито пиная полозья саней. Стало быть, гости богатые пожаловали. И Димитрий уже догадывался — кто именно...

— Тьфу! — расстроился Кондрат и сел за стол. — Таковую девку упустил... Эхх! — он досадливо крикнул. — И добрая, и фактурная, а пироги какие печет... А теперя почитай — все? Разве ж она ему откажет? Эх тыбы, дуболом! Ить нравился ж ты ей, ведь вся деревня знала!

Димитрий скрипнул зубами так, что на скулах заиграли желваки. Стиснул руки в пудовые кулаки до хруста в суставах. Быстро подхватил с лавки тулуп.

— Куды? — напугался Кондрат. — Совсем сдурел? Где ты, а где князь! На каторгу захотел?

Димитрий посмотрел на него удивленно.

— Пойду скотине дам, — обыденно сообщил он, хлопнув дверью.

Долгомышкин-старший — грузный отставной офицер в богатой бобровой шубе с высокомерным видом проследовал в избу. Мимоходом кивнул в знак приветствия деду Даниле и брезгливо осмотрелся.

— А вы проходите, ваше высокблагородие, садитесь да чайку отведайте, — суетилась вокруг него бабка Анисья.

Она стряхнула с лавки кота и быстро протерла ее полотенцем.

— Присаживайтесь, не стесняйтесь. Сейчас пирогов принесу. С маком. Может, водочки потребить под такое дело? А что ж вы не предупредили, мы бы подготовились. А почто одни, да без сватов? — с заискивающим видом тараторила она без умолку, уставляя стол нехитрыми угощениями.

Князь скинул шубу, оставшись в едва сходящемся на богатом пузе мундире, и грузно опустился на скамью. Дед Данила на правах хозяина чинно уселся напротив и выжидательно уставился на гостя.

Бабка бухнула на стол штоф с водкой и миску соленых груздей.

— А что ж сам Василий Юрьевич не пожаловали? Али позже будут? — не унималась она.

Снеженика с девушками испуганными мышами затаились за печкой. Зачем пожаловал Долгомышкин-старший, было непонятно. Но когда бабка заговорила о сватах, сердце Снеженики ухнуло в пятки. Решать такие вопросы за кого-то она была не готова.

Дед молча наполнил рюмки. Долгомышкин подхватил одну, коротко выдохнул в сторону и опрокинул ее в рот, не закусывая. Потом чинно вытер указательным пальцем седые усы.

— Добро помню! — басом заявил он, глядя на деда. — И не люблю быть в долгу. А мой Василий, получается, девке вашей жизнью обязан.

Дед Данила неопределенно пожал плечами, а бабка охотно закивала.

— А посему примите от меня благодарность и дары. Сей же час доставят вам сундук с добром, отказ не принимаю, — приказным тоном продолжил князь. — Там на приданое с лихвой ей хватит. Это хорошая новость. Теперь плохая...

Он снова наполнил рюмку, молча выпил. Крякнул забористо, но закусывать снова не стал.

— Передали мне мои люди, что Василий в сосновском поместье почти не бывает, дела все забросил, да только и знает, что с девкой вашей милуется... Совсем разум потерял, да честь дворянскую с ним вместе...

Бабка Анисья ахнула и выронила плошку с мочеными яблоками. В гробовой тишине они покатались по полу, а миска с треском разлетелась в черепки. У деда Данилы глаза полезли на лоб, он удивленно хмыкнул и почесал бороду.

— А не наговаривают ли твои люди? Можя, что спьяну померещилось? — недоверчиво покосился он.

— Тоже так подумал сначала, — пробасил князь. — Покуда сына не увидел. Ить ни одной разумной мысли в голове, аки кобель в период гона... Я его сюда за что отправил? — словно оправдываясь, развел руками Долгомышкин. — Чтобы за ум взялся, ибо кутила и мот. Думал, месяц-два посидит в Сосновке, по жизни светской поскучает, выводы сделает. А он? Того и гляди на девке крестьянской женится! В общем так... — князь вытащил из-за пазухи увесистый кошель и грохнул его на стол. — Коли он девку вашу порушил, примите как откуп. Но буду требовать, чтоб более она к нему не приближалась! Иначе по селу ославлю, а его в Сибирь отправлю, там дел сейчас хватает! Все одно — разлучу!

— Дык... — заикнулся дед Данила, но князь его перебил:

— Я потому один пришел, — сказал, понизив голос. — В селе пока еще не знают. Так в ваших интересах девку вашу соблюсти, да сора из избы не выносить.

Князь выпил еще водки и грузно поднялся со скамьи.

— Архип! — прокричал в приоткрытые двери.

Кучер, пыхтя и тужась от напряжения, втащил на порог объемный кованый сундук. Потом, суетясь, подал барину шубу.

— За сим визит свой завершаю, да на благоразумие ваше надеюсь, — он грозно посмотрел на деда и скрылся в дверях.

Дед Данила молча подошел к окну, проводил князя взглядом до калитки, посмотрел, как тот взобрался в сани, а могучий жеребец сорвался с места, и вернулся обратно за стол. В гробовой тишине выпил налитую рюмку, закусил грибочком. Потом взвесил в руке кошель.

— Дык чего ж ты молчишь-то, ирод? — рявкнула бабка так, что дед от неожиданности подскочил и выронил княжьи дары. — Ить позорище какое, прости господи, не ровен час, народ прознает, да все ворота дегтем вымажет! Ох, горе-горюшко, беда-а-а! — заголосила она. — Ох, Глашка бедная, так замуж и не выйдет, дык еще и опозорила зараза ента городская. А ну иди сюды!

Она всплеснула полотенцем и бросилась за печку.

— Ить как ума хватило, а? — накинулась она на Снеженику. — Это, можя, у вас там с мужиками до свадьбы жить энто норма, дык здесь разве можно?! Это что ж ей делать, головушке бедовой, как вернется, а? Хоть прямиком да в прорубь с головой!

Снеженика вжалась в стену. После слов князя она и сама обалдела. Во-первых, прошло-то всего ничего, а с учетом того, что Долгомышкина с тех пор она в глаза не видала, все

услышанное казалось полным бредом или «новостями от бабки Матрены».

— Ах ты ж блудница греховная! — бабка Анисья от души хлестанула полотенцем. Снеженика, вытаращив глаза, едва успела увернуться. Девки подняли визг. — Какой же бес тебя попутал с энтим франтом закрутить? Н-на, получай!

Снеженика поднырнула под руку разъяренной бабки и пулей вылетела в горницу.

— А ты что сидишь, пенек облезлый? — накинулась та на деда, который спокойно наливал себе вторую. — Таки ославила Глашку-то нашу! А ежели теперя понесет? — ахнула она от новой догадки.

Дед удивленно вскинул брови и довольно хе-хекнул.

— Ить и дура ж ты, Анисья, индо удивляюсь, почто я тебя замуж взял? — он опрокинул рюмаху, занюхал рукавом.

Это окончательно вывело бабку из себя. Воспользовавшись тем, что она переключилась на другой объект, Снеженика подхватила с лавки платок и шубейку и выскочила в сени. Запрыгнула в валенки и испуганной лисицей сорвалась со двора.

Проваливаясь в сугробы и на ходу завязывая платок, добежала до избы Федоськи. Той дома не оказалось. Ее многочисленные домочадцы, пожимая плечами, сообщили, что дома последнее время она бывает редко. С подругами гуляет.

Ах, с подругами, значит! Знаем мы этих подруг! Теперь бы узнать, где именно гуляет! Она растерянно оглянулась...

— Со мной пойдем, я знаю! — вдруг дернула ее за рукав Ульянка. Вот ведь мелочь вездесущая! И когда только успела догнать?

— Откуда знаешь? — голос срывался от быстрого бега и возмущения. — Как вы вообще умудряетесь все вокруг видеть и знать?

— На гумне они, — игнорируя ее вопросы, прошептала Ульянка. — На старом, заброшенном барском. Я там кота ловила, да увидала случайно...

— Кхм... — Снеженика нервно поправила платок, стараясь не думать о том, что именно увидела Ульянка. — Никому не говорила?

— Нет.

— Молодец. И дальше молчи. Со мной не ходи. Где это?

Старое барское гумно располагалось на окраине деревни и представляло собой большой заброшенный деревянный сарай, по периметру густо поросший бурьяном. К двери вела узенькая, хорошо утоптанная тропка, и Снеженика понятливо вздохнула.

Тяжелая дверь, тихо скрипнув, сразу поддалась. В нос ударил запах перепрелого сена, зерна и мышей. Когда-то здесь кипела работа, о чем свидетельствовали сохранившиеся довольно крупные скирды соломы, развешенные на деревянных стенах инструменты и молотилки. Теперь под истлевшими половицами шуршали мыши, да тихо переругивались под балками крыши воробьи.

— Федоська! Ау! Ты тут? — осторожно спросила Снеженика. В ответ — тишина. — Выходи, знаю, что тут вы! — она повысила голос. — И вы, Василий Юрич, тоже вылезайте! Батюшка ваш к нам сейчас приезжал, неприятности у вас!

В дальнем углу зашевелилась скирда.

— Глашка? — Федоська, поправляя одежду и отряхиваясь, прыгнула на пол. А глазища-то сияют — как два медных подноса, ослепнуть можно. Снеженика невольно улыбнулась.

Сконфуженный князь спрыгнул следом.

— Зачем приезжал? — недовольно спросил он, хмуря брови.

— Откуп заплатить! Доложили ему о «наших» с вами похождениях...

Пока Снеженика подробно описывала визит Долгомышкина-старшего, князь прямо на глазах опадал с лица, а Федоська майским клещуком все сильнее вцеплялась в его руку:

— Вася, это что же?! — глаза ее наполнились слезами, щеки побледнели. Хосподи, что же делать теперь?

«Ничего себе, — удивилась Снеженика, — а ведь не притворяется девка, неужто с первого взгляда такая любовь?» Даже жалко ее стало.

Князь устало потер глаза.

— Черт! — воскликнул отчаянно, пиная какую-то железяку. — Поймаю этих соглядатаев — в конюшне запорю!

— Вася! Не поминай нечистого! — испуганно прижалась к нему Федоська. Глашу она уже несколько не смущалась. Уткнулась князю в грудь и обильно поливала ее слезами. Но это еще пол беды. Молодой князь, как зеленый юнец, моргал глазами и выглядел при этом так растерянно, что того и гляди разревется сам. Он дрожащей рукой поглаживал руку Федоськи, шепча ей какие-то невнятные утешения.

Снеженике, как яркой любительнице романов про любовную любовь, эта сцена казалась душераздирающей. Уж сколько раз заботливый Вадим отпаивал ее валерьянкой, когда в тысяча пятисотый раз тонул в Атлантике Джек, а Молли трогательно прощалась с Сэмом. Наивно и грозно сокрушался, грозясь выкинуть телевизор, когда она, размазывая сопли по подушке, взхлеб рыдала над очередным дурацким сериалом. И вот сейчас при виде этой картины глаза защипало, а в горле застрял ком. Такая драма разыгрывается, да не на экране, а прямо перед ней!

Князь досадливо мотнул головой, стряхнул с себя Федоську и слегка ослабил воротник.

— Пойду воздухом подышу, подумать мне надо, подожди, душа моя...

Ведь знал же, не дурак — все понимал: не ровня они, и отец никогда не позволит... Но нет, не устоял... А как устоять, коли кровь молодая и горячая, а девка такая красивая, что поди еще такую поищи!

Князь пнул ногою дверь и тут же охнул, получив кулаком под дых. Чья-то рука сгребла его за шиворот и ткнула носом в сугроб.

— Зря, ох зря не дал тебе утопнуть, — сквозь зубы процедил Димитрий, макая князя в снег еще раз. — Ну ничего, тут до реки недалече, сейчас все поправлю.

Нельзя сказать, что без этого финального аккорда душевный раздрай князя выглядел неполным, зато теперь появилась реальная возможность выплеснуть весь негатив.

Князь, кажется, даже обрадовался такому повороту, особо и не разбираясь, а кто, собственно, перед ним. Он грубо выругался и резко дернулся из цепких рук, пытаясь зацепить противника. Но Димитрий был настороже. Он приподнял князя за грудки и что есть силы шмякнул спиной о стену сарая. Трухлявое строение дрогнуло, с пологой крыши медленно пополз толстый пласт снега и лавиной обрушился на драчунов, скрывая их с головой.

Князь выбрался первым, попытался раскидать руками снег, не уследил, и словил кулаком в нос. Схватился руками за аристократичное имущество и, рыча, накинудся на вынырнувшего из сугроба Димитрия. Тот не учел, что князь хоть и габаритами не вышел, но имеет неплохую воинскую подготовку, и опомниться не успел, как уже лежал пластом в

сугробе с красивым, цвета заката, фонарем под глазом.

Девки, привлеченные шумом, уже давно ломились в дверь, заваленную снегом.

— Убью гада! — взревел Димитрий, наступая. — И пусть на каторгу пойду, но сначала тебя, подлюку, придушу!

— Давай! — вскинулся тот, и они, рыча, покатались в снег.

Первым опомнился князь, когда понял, что в рукопашной схватке такого бугая не одолеть.

— С ума сошел? — захрипел он, когда Димитрий, вне себя от ярости, вжал его шею локтем в сугроб. — Чего я тебе такого сделал?

— Что сделал? — передразнил его Димитрий. — А девок чужих по сараям портить, это нормально по-твоему?

— Что значит — чужих? — удивился князь.

— То и значит! Я ее сватать хотел! — князь попытался извернуться, но Димитрий не отпустил. Подскочил на ноги, дернув его за собой. — А ты... Ты же поиграешь и бросишь!

— Не брошу! — тут же заорал тот. — Думаешь, тебе одному она любя? Я не виноват, что выбрала меня!

— Она тебя не выбирала! Это ты ей выбора не оставил! Сватов заслал, а кто же сможет князю отказать?

— Чего? — князь как-то сразу поостыл и на мгновение замер. — Каких сватов?

— Батюшки! — ахнула Федоська, вываливаясь, наконец, из двери сарая. — Да что ж ты, ирод, творишь? — она с кулаками набросилась на Димитрия. — Отпусти сейчас же!

— Дима, мать твою... — закатив глаза, застонала Снеженика. — Ты-то как тут оказался?

Они с Федоськой повисли на нем в четыре руки, пытаясь оторвать от князя.

Под напором девок Димитрий растерялся и разжал пальцы. Князь медленно осел в сугроб, к нему подскочила плачущая Федоська.

— Вася! Родненький мой, как же так? — причитала она, вытирая с его лица кровь платком.

Димитрий вытаращил на них свой уцелевший глаз:

— Так ты... Не с ней?

— С ней! — князь головой указал на Федоську. — А ты чего подумал?

— А я подумал — с Глафирой...

— Вот и папаша его так подумал, — охотно встряла Снеженика. — И появился угрожать. — Она оттащила Димитрия от князя на безопасное расстояние и на всякий случай удерживала за рукав. — Разлучить их хочет, — добавила жалобным шепотом.

Князь поморщился и попытался подняться. Димитрий примирительно протянул ему руку.

— Прости, Василий Юрьевич. Попутал... — неуверенно пробормотал он.

Тот только рукой махнул, присел на корточки и, захватив в ладонь снега, прижал к разбитому лицу.

— Так что ж вы по сараям жметесь, сватал бы! — быстро нашел выход Димитрий.

— Ха! Сватал... — передразнил князь. — Он мне благословения не даст, наследства лишит, а не подчинюсь — в Сибирь отправит. На службу иль в губернский съезд... — обреченно выдохнул он.

Федоська снова заревела, а Димитрий задумчиво почесал затылок. Снеженика

уткнулась носом ему в плечо, не в силах сдержать очередной порыв сентиментальности.

— Уедем! Сбежим! — горячился князь. — И плевать мне на все...

— Дурная затея, княже...

Федоська взвыла пожарной сиреной, Снеженика, бросив Димитрия, бухнулась в сугроб рядом с ней, обняла, и обе завывли дуэтом.

Мужчины вымученно переглянулись. Князь поднялся, вытер руку о штаны и протянул ее Димитрию.

— И ты меня прости. Я, видишь, даже и не поблагодарил вас за спасение...

Димитрий пожал ее, сочувственно глядя на князя.

— Пойдемте-ка ко мне, — неожиданно предложил он. — Обсушимся, обогреемся, да вместе покумекаем, как дальше быть...

Вадим взъерошил волосы и уронил руки на стол:

— И да, ребят, я вам так благодарен... Я даже не знаю, что бы я делал без вас. И ты, Ксюх, и ты, Кир... Кир?

— Ммм... — тот взмахнул рукой с зажатой в ней вилкой, дожевывая завтрак. — То есть ты хочешь сказать, что вот она, — он указал на сидящую напротив Глашу, — в принципе, и есть твоя девушка, но в ее теле кто-то другой?

— Да. Так вот, я чего подумал, тут Крещение скоро, может...

— Минуточку... То есть по факту это не она, а девушка из 19го века?

— Да чего тебе неясно? — вспыхнула Ксюха. — Все же популярно объяснили! Моя сестра не умеет готовить, не умеет петь, историю не знает, лошадей в глаза не видела и уж тем более не способна тягать плечами сани!

— А это, значит, — Кир указал вилкой на Звздоцапа, — не собака, а петух?

— Клёкот Петрович, — охотно подсказала Глаша.

— Клёкот Петрович, угу, — эхом повторил Кирилл и отправил в рот следующую порцию яичницы. — Вадим, тебе повезло, что у меня воображение богатое. И, в принципе, если сильно поднапрячься, я вполне могу себе это представить, но ты уверен, что не перетрудился в последнее время? Китайцы эти, хлопоты, договора... Может, расстроился, что сделку провалили и... Ты знаешь, есть у меня один знакомый доктор...

— А меня ты тоже к доктору потащишь? — снова встряла Ксюха, отодвигая пустую тарелку.

— Тебя вообще без проблем...

— А меня? — скромно улыбнулась Глаша.

— Послушай, Кир! — вмешался в спор Вадим. — Я понимаю, как это звучит, но это так. Если не хочешь в это все ввязываться, я тебя не заставляю. Ты здорово помог с китайцами, спасибо. Вот и работай с ними дальше. А тут дело семейное, мы сами разберемся. Девоньки, я вот что подумал... Тут скоро Крещение. А давайте-ка махнем все вместе к моему деду в Авдеевку. Если честно, мне кажется, если кто и сможет со всем этим разобраться, то только он...

— В Авдеевку? — обрадовалась Глаша, и Вадим едва сдержал улыбку... Как бы он хотел, чтобы его Снежа так радовалась таким вещам...

— Да, Глаш. В ту самую Авдеевку, но двадцать первого века. Думаю, тебе будет интересно, да и дед у меня историей села увлекается, ты можешь ему столько всего прояснить.

— Я тоже поеду, — вдруг огорошил всех Кирилл.

— В смысле, а китайцы?

— Ща все бумажные дела улажу и пусть Андрюха нянчит. Ты все равно не справишься один... Во-первых, — он лукаво прищурился и показал пальцем на Ксюху, — она без меня не поедет.

Та откинулась на спинку стула и усмехнулась:

— Это с чего бы?

Кирилл поднялся, обошел ее со спины и облокотился на эту же спинку, замерев в сантиметре от ее уха.

— С того, что скучно тебе будет без меня, привыкла уже, — промурлыкал ласково. — А во-вторых, — он выпрямился, не дожидаясь потока бурных возмущений, — давно хотел нормально в прорубь окунуться. Вечно то некогда, то негде! Народу кругом — тьма, а в деревне — тишина, уют, покой..., — протянул он самозабвенно, — чистая девственно природа...

Ксюха поднялась со стула, сгребая со стола посуду.

— Ты плавать-то умеешь, эстет? — усмехнулась она, памятуя о его опыте возницы.

— Нет, — Кир заложил руки в карманы трико и скромно пожал плечами, — но очень рассчитываю, что если что, то ты меня спасешь! — он подмигнул Ксюхе и развернулся на пятках: — Поехали, Вадим! Спасибо, девочки, все было очень вкусно...

И танцующей походкой удалился из кухни.

— Кир в прошлом профессиональный пловец, — шепнул ей на ухо Вадим, вылезая из-за стола. — Мастер спорта, когда-то был чемпионом России среди юниоров. Ну ладно, мы в офис. Пока!

Он по очереди чмокнул девушек в щечки и поспешил догонять Кирилла.

Ксюха присвистнула и повернулась к Глаше:

— А я все думаю, откуда у него такая обалденная фигура...

Дед Вадима — интеллигентный и добродушный старик Дмитрий Степанович встретил их радушно. По габаритам он здорово напоминал своего внука и на фоне совсем не просторной деревенской избы смотрелся довольно грузно.

Ребята провели в дороге несколько часов и приехали под вечер. С учетом того, что всю дорогу пришлось успокаивать Глашу, которая так и не смогла привыкнуть к машине, и слушать лай трех собак, которых Ксюхе было некуда девать и она взяла их с собой, голова Вадима шла кругом. На подъезде к деревне автомобиль несколько раз застревал в снегу, приходилось откапывать, и ребята просто валялись с ног от усталости.

Изда Дмитрий Степановича представляла из себя тот редкий образчик русского быта, который сейчас принято выставлять в музеях. Он умудрился сохранить почти весь этнос, внося по минимуму технические блага. Едва зайдя внутрь, становилось понятно, что хозяин — человек увлекающийся, ценящий культурные традиции. Тем неудивительней казался тот факт, что Вадим, владея достаточными средствами, не обустроил для деда жилье комфортней.

В прихожей было тесно, поэтому раздевались по очереди. Недовольная Ксюха вытряхнула собак из переносок, с тоской обводя глазами унылую избу, но тут же прыснула от хохота, стоило Кириллу снять куртку. Вот уж точно — не зря его с собой взяли, с этим экземпляром настроение обеспечено в любой, даже самой непривычной обстановке.

Вообще, если не считать растянутых маек Вадима, она привыкла его видеть при костюме: неважно, с иголки или мокром и рваном, но всегда в деловом. Сейчас же он красовался в джинсах и скандинавском узорчатом свитере с двумя оленями, занимающимися непотребством.

— Что? — развел руками Кирилл, проследив за ее взглядом. — Вадим, между прочим, подарил на Новый год! — он бросил веселый взгляд на Вадима, который, глядя на него, тоже лыбился во все тридцать два. — Специально надел, чтоб сделать приятное начальству!

Вадим прихлопнул лицо пятерней, изображая смущение, и покачал головой.

— Заходите, давайте размещаться.

Имба состояла из двух комнат и кухни. Печь, хоть и выглядела массивно и по-старинному, тем не менее топилась газом. Удобства, разумеется, на улице. В одной из комнат обосновался дед, в другой было решено разместить гостей.

Поскольку приехали уже затемно, все важные вопросы решили оставить на утро. Дмитрий Степанович суетился на кухне, потчужа гостей ужином. Вкратце суть дела Вадим, рискуя сойти за сумасшедшего, пояснил ему по телефону, и решать такие проблемы на ночь глядя никто не горел желанием.

— Давайте-ка, отдохните с дороги, — суетился дед, доставая постельное белье. — Завтра крещенский сочельник. Праздник. Чудное время, волшебное. Вот завтра о ваших чудесах и потолкуем.

Глаша, попав в знакомую обстановку, воспряла духом и не скрывала своей радости, чем очень удивила Дмитрия Степановича, который еще помнил ее прошлый визит. Тогда Снеженика только брезгливо морщила носик и утащила Вадима обратно в город, едва они успели попить чай. Эта девушка ему нравилась явно больше, и он искренне недоумевал, что в ней не устраивает его внука.

В гостевой комнате оказался только один диван, и на него было решено уложить девушек. Для парней же дед достал две пуховые перины, которые просто бросили на пол у печки.

Кир, заграбастав рукой под бок пару шпичев, тут же захрапел, а Вадим с дедом, закрывшись на кухне, еще долго что-то обсуждали...

Ксюха проснулась от холода. Стуча зубами, потянула на себя одеяло, но и так было понятно: печь еще не топлена, и согреться вряд ли удастся. Надо бы встать, пойти на кухню и согреть горячего чайку, да заодно попинать Вадима, чтобы позаботился, наконец, об отоплении.

Она повернулась на бок, намереваясь слезть с дивана и оторопела. Глаша, видимо, снова проснулась до зари, а на ее месте она с удивлением обнаружила Кирилла. Тот скромно ютился на самом краешке, зябко кутаясь в оленей, и даже не претендовал на ее одеяло, довольствуясь только уголком, едва прикрывающим ноги.

Вот! На нее бочку катил, а сам... Ксюха улыбнулась. Почему-то присела рядом, не в силах отвести от него глаз. Такой забавно-милый, как дитя. Похоже, что на полу совсем замерз и забрался на диван в поисках спасения.

Она аккуратно, чтобы не потревожить, перелезла через него и запрыгнула в пушистые тапки. Потом обернулась и, потянув за край одеяла, заботливо укутала в него Кира. Подоткнула края по бокам и, не удержавшись, чмокнула его в висок.

На кухне вовсю свистел чайник, а Глаша ловко переворачивала на сковороде блины.

— Доброе утро! — бодро прочавкал Вадим, слизывая с пальцев тягучий ароматный мед. — Выспалась?

Ксюха поздоровалась и налила себе в кружку чай. Уселась поближе к плите, зябко обнимая ладонями чашку.

— Вадь, затопить бы. Холодно.

— Сейчас, сейчас, — засуетился Дмитрий Степанович. — Не хотел вас будить, она ж гудит как паровоз. Парнишку твоего не разбужу?

— Кого? — Ксюха смущенно улыбнулась, понимая, что он говорит это всерьез. Напугалась, осознав, что ей это приятно.

Дед проделал непонятные махинации с печкой, в которых не каждый инженер разберется, и та, наконец, загудела, источая мягкое тепло.

Шпицы, поскуливая, сгрудились у двери, и Ксюха засобиралась на улицу.

— Да пусть гуляют, у меня собаки нет, — успокоил ее дед.

Но Вадим тоже поднялся из-за стола.

— Ну, — хлопнул в ладоши он, направляясь следом за ней, — какие у нас планы на сегодня?

— А церковь была вот здесь! — тараща огромные глаза на магазин, доложила Глаша. Глаза ее разгорелись, а щеки пылали румянцем. Было заметно, что ей одновременно и любопытно, и страшно, но любопытство перевешивало.

Дом Дмитрия Степановича располагался в центре деревни недалеко от реки. Через дорогу стояла двухэтажная школа, рядом с ней небольшая часовенка, а дальше проулок выходил на центральную дорогу, вдоль которой теснились дома и парочка магазинов.

— А вон там поповский дом был! — она указала пальчиком на довольно дорогой коттедж рядом с магазином. А сейчас церква где же?

— Сейчас только часовня, — охотно объяснил дед. — Но за школой есть старинная церковь-музей. Как раз девятнадцатый век. Построил ее князь Василий Юрьевич Долгомышкин, знаешь такого?

— Нет, — пожалла плечами Глаша. — Барина Сосновского знаю, а князя к нам и не заезжают...

— Так вот, говорят, интересная это история была... Как-нибудь расскажу. А церковь потом большевики сломали. Колокольню снесли, а остальное под конюшни приспособили. Да так и осталась она вот, без колокольни... Пойдем, покажу.

Более-менее знакомым для Глаши оказался только берег, который тоже знатно обвалился и стал значительно положе.

— И леса на том берегу не было! Там же Сосновка была!

— Есть поселок за лесом, — улыбнулся Дмитрий Степанович, — и усадьба князя Долгомышкина сохранилась. Там санаторий сейчас и турбазы.

Ксюха, зевая, бродила вдоль забора, пока остальные снаряжали экспедицию на реку.

— У нас как делают? — объяснял дед проснувшемуся и выползшему на улицу Кириллу. — Прорубь заранее вырежут, потом в сочельник батюшка из района приедет, освятит. Сейчас особо никто и не купается уже. Так, молодежь иногда, и то редко. А вот воду после полуночи надо пойти взять. Умыться, да на год запасться.

Блаженную тишину зимнего утра прорезали вопли и звуки борьбы. Куры подняли шум и гвалт, послышалось хлопанье крыльев, грохот и возмущенное кудахтанье. Из-за ворот раздались отчаянный клекот петуха и чье-то грозное рычание.

— Хосподя, у вас куры есть, да? — страдальчески закатила глаза Ксюха.

— Есть немного, — кивнул дед. — Кажись, лиса забралась или хорек, надо пойти посмотреть.

— Звздоцап? — догадался Вадим.

Ксюха отчаянно всплеснула руками.

— Я сама, вы не отвлекайтесь.

Клекот Петрович, попав в знакомые пенаты, был просто обязан навести порядок.

Неважно, что не тот курятник и куры не те. Главное, какой-то наглый петух посмел высказать ему свое неуважение.

Ксюха с Кириллом прибежали как раз в тот момент, когда он, отплевываясь от пуха, выдирает наглему из хвоста последнее перо. Вот где пригодилось собачье умение кусаться! Не имея зубов, провозился бы гораздо дольше.

— Сюда иди! — Ксюха попыталась оттащить его от петуха, но Клекот Петрович только что победил и упивался своей победой. Никуда идти он, разумеется, не собирался, поэтому грозно типнул ее за палец и нацелился на курятник.

Ксюха поймала его на пороге, но тот ловко вывернулся и помчался прямо к небольшому, дряхлому навесу с крышей из перепревшей соломы, под которым были установлены птичьи кормушки.

— Лови! С другой стороны заходи! — закричала она Кириллу, перекрывая вход в курятник.

Тот растопырил руки, пытаясь перехватить шпича, но поскользнулся и, падая, задел ногой подпорку навеса. Навес зловеще накренился, и Кирилл едва успел выкатиться из-под него, подцепив по дороге и Ксюху. Они рухнули в сугроб: Ксюха снизу, а Кирилл — прикрывая ее спиной. Следом повалился навес, погребая под собой куриную столовую и щедро посыпая ребят снегом и прошлогодней соломой.

Шпич мышью юркнул в курятник, а Кирилл приподнялся на руках, уперев их в снег с двух сторон от Ксюхиного лица.

— Вот только не говори на этот раз, что это я опять тебя завалила! — гневно пискнула из-под снега Ксюха.

— На этот раз, похоже, я, — улыбнулся он. Капюшон с него слетел, в волосах запуталась солома, зато глаза так и лучились озорством.

Ксюха завозилась, отчаянно пытаясь выбраться из-под него, бухтя под нос ругательства и костеря на чем свет стоит всяких непутевых идиотов в оленях, из-за которых на каждом шагу неприятности.

Выбраться он ей не дал, и она, фырча и отплевываясь от соломы, упала обратно в снег, прожигая его глазами. Кирилл припал на локти, и его губы оказались прямо у ее лица.

— Что? Не знаешь, что делать со мной? — шепнул на ухо. — Убить или влюбиться?

— Первое! — тут же выдохнула Ксюха.

— Второе! — утвердительно хмыкнул Кирилл.

— С чего бы?

— С того, что ты — уже.

— Да ну?

— Давай проверим, — он снова улыбнулся и, понимая, что конкретно рискует, накрыл ее губы своими.

Кир ожидал чего угодно, да и был готов ко всему, подсознательно сгруппировавшись и прикрыв рукой самое ценное, но только не к тому, что вычудила Ксюха. Она неожиданно страстно обхватила его руками за шею, притягивая к себе, и жадно ответила на поцелуй...

Ни на церковную службу, ни на торжественную церемонию водосвятия бабка Анисья Снеженику не пустила. Более того, заперла в избе, строго-настрого запретив даже во двор выходить. Было обидно, но она твердо решила молчать. И даже сделать вид, будто страдает. По князю, ага...

И как князь не отрекся, как ни пытался выглядеть мучеником в ее глазах, другого выхода убедить его отца в том, что они расстались, она не видела. Федоська ревела, клялась «век бога молить», а Дмитрий лишь мрачно молчал.

Конечно, риск прослыть блудницей по селу был очень велик, но сквозила робкая надежда — авось, никто ничего не успеет прознать. Русская надежда на «авось», а ведь как греет душу...

Часы давно пробили двенадцать. И бабка, и дед Данила видели десятый сон. Девчонки сопели на печке. Поквокивая и потряхивая лапой, дрых на подушке Звездоцап. Завтра праздник великий — Крещение, то есть, получается, уже сегодня... Но только не для нее. Снеженика тихо вздохнула, потушив керосинку.

Легкий тук в оконце заставил ее дрогнуть. Показалось? Нет. Вот опять. Снежок врезался в стекло так, что оконная рама легонько зазвенела. Снеженика быстро подскочила к окну. Дмитрий?

Он жестом показал ей «тише» и махнул рукой, мол, выходи. Что это за ночные свидания? Если бабка прознает, да не сносить ей вообще головы! Но Дмитрий настойчиво звал, и она решилась.

Тихо, не зажигая свечи, прокралась в сени. Почти не дыша, подхватила шубейку с платком и выскочила на крыльцо. Он быстро схватил ее за рукав:

— Пойдем!

— Куда? Если бабка прознает, что я по ночам с парнями шляюсь, да она завтра же сама меня на все село ославит! И куда я потом? Никто же замуж не возьмет!

— Я возьму! — не глядя на нее, буркнул Дмитрий, продолжая настойчиво тянуть ее за руку.

— Что? — она остановилась как вкопанная, не веря в то, что слышит.

— Я возьму. Если пойдешь, конечно, — остановился он.

— Ты предложение мне сейчас делаешь что ли? — обмерла она.

— Да пусть и так, — пожал плечами Дмитрий. — Я про князя правду знаю, и знаю, что нет за тобою греха. Другой грех мы на душу взяли. Все вчетвером. Родных да близких обмануть решили. Дурное это. Пойдем. Вода в реке сейчас святая. Покаемся, умоемся, да грех водицею крещенской смоем.

Ночная река сияла белоснежным покрывалом, снег искрящимися гирляндами облепил ветки деревьев. Вокруг тишина — ни ветерка, ни скрипа, вся природа словно замерла в этом восхитительном волшебном оцепенении. К темной воде проруби, вырубленного в форме креста, вела широкая и хорошо утоптанная дорожка из следов, но народ уже разошелся. Это завтра здесь будет шумно илюдно, когда селяне придут за водой, а пока у проруби сидели только князь с Федоськой.

Федоська окунала руки в воду и обтирала холодными ладонями лицо князя. Тот смеялся, целовал ей руки и проделывал такую же процедуру и с ней, и Снеженика, глядя на

эту идиллию, еще раз утвердилась во мнении, что поступает правильно.

Федоська, увидев ее, бросилась обниматься, а князь поднялся и приветливо махнул головой.

— Спасибо тебе, Глафира. Я добро не забываю, отныне на меня всегда рассчитывать можешь.

— Я учту, княже, — подмигнул Димитрий. Подошел к проруби, размашисто перекрестился и, зачерпнув ладонью воды, умылся. Потом отступил, пропуская Снеженику.

Она присела на корточки, устремив глаза в волнующую зыбкую рябь. Темная, как ночное небо, и сколы льда искрятся под луной. Толстенные, словно бетонная плита. Сколько же времени и сил понадобилось, чтобы выпилить такое без бензопилы?

Она взволнованно повела рукой по водной глади. Холодная, аж руку жжет, будто стеклянными осколками ранит. И волнительно. Так волнительно, что душу заполонило. То ли восхищением накрыло, то ли панической атакой. Она зачерпнула пригоршней воды...

Пятки обожгло огнем. Даже понять ничего не успела. Увидела только, как вспыхнула вода зарницей подо льдом. Тихо, без треска и шума, лед просто расступился под ногами, словно облаком рассеялся, и Снеженика почувствовала, что летит прямо в воду. Боковым зрением выхватила испуганное лицо Федоськи, да князя, что метнулся к проруби за ней...

— Внимание! Смертельный номер! Кто стесняется, просьба отвернуться, кто хочет полюбоваться — не стесняйтесь, денег не берем! — Кирилл скинул куртку, которую заранее одел на голое тело, и дедовы валенки, стянул джинсы, оставшись в одних темных плавках.

Глаша и вправду отвернулась, а вот Ксюха, наоборот, восторженно вперила глазами, как он и призывал — без всякого стеснения.

— Ухх! — Кир проковылял на носочках к корявым перилам. — Отличный морозец!

— Кир, мож не надо, — попытался вклиниться Вадим. — Больничный не дам! У нас китайцы, помнишь?

— Вадька, вот че ты какой муторный? — Кир похлопал себя руками по плечам. — Такая красота вокруг, а у него опять одни китайцы на уме. Учись внимать природе! — разведя руками, патетично возвестил он. — Понимать ее красоту и быть ее частью... И потом, в крещенской воде не заболеешь, лучше раздевайся и тоже ныряй!

— Воздержусь, — усмехнулся Вадим. — А там посмотрим. Когда тебя вытаскивать придется.

— Ой, ой! — передразнил его Кирилл и наступил на первую ступеньку. Та продавилась и опустилась под воду. — Эх, что там полагается сказать? Во имя Отца... — он спустился по лесенке в воду, размашисто осенил себя крестным знаменем и три раза окунулся. Потом выскочил из проруби как пробка из бутылки.

— Вот это даааа! Вот это круууть! — Кир, подпрыгивая, носился вокруг проруби, вытряхивая воду из ушей. От его тела валил пар, словно он только что из бани вышел. — Давай, Вадюх, не пожалеешь! И, главное, не холодно совсем!

— Какой там не холодно, иди сюда! — засуетилась Ксюха. Она накинула ему на голову полотенце и принялась растирать. Но Кирилла распирала энергия. Он, похоже, вошел в раж и, кажется, нацелился на второй заход. — Куда? Оденься! Вот дурной, о божеее!

С огромным трудом, почти насильно, она запихнула его в валенки и куртку, застегнула ее на нем и накинула на мокрые растрепанные волосы капюшон.

— Только попробуй рыпнись, свяжу полотенцем!

— Как скажешь, командир, — улыбнулся Кирилл. — Сама-то умойся хотя бы, царевна-лягушка...

— Сам такой!

Ксюха в шутку пристукнула его полотенцем и подошла к мосткам. Присела аккуратно, проговорив про себя слова молитвы, и умыла лицо. Следом за ней такую же процедуру проделал Вадим. Настала очередь Глаши.

Отчего-то стало страшно, словно не прорубь это, а межгалактическая бездна. Сердце замерло, а потом поскакало как сумасшедшее. Только и успела подойти, ничего более... Алая вспышка подо льдом, визг Ксюхи, легкий всплеск...

— Твою мать! Хорошо, штаны не успел нацепить, — Кир быстро скинул куртку и щучкой нырнул под лед.

— Кирилл! — голос Ксюхи сорвался и отчаянным эхом побежал вдоль берегов. Она упала на колени на самом краю проруби, отчаянно шаря руками в воде. — Кирилл! О боже! Кир!!!

Вадим быстро выпутывался из куртки.

— Принимай! — Кирилл вынырнул и ухватился за поручни, прижимая за талию чихающую и отфыркивающуюся Глашу. Дубленки на ней уже не было, и оставалось только догадываться, как и когда он умудрился ее расстегнуть.

Вадим подхватил девушку, вытащил на берег, кутая ее в свою куртку.

— Жива?

— Кирилл... — Ксюха уже бесконтрольно редела. Совершенно не соображая, что делает, на эмоциях, схватила его руками за плечи, в бессознательной попытке вытянуть наружу, поскользнулась и рухнула в его объятия сама.

— Да здесь что сегодня? Конкурс «Лучший нырок через кувырок»? — воскликнул Кирилл, подхватывая ее, да так удачно, что она даже не успела наглотаться воды. — Вадим, принимай вторую!

Он схватился за перила и выскочил из проруби, отфыркиваясь и отряхиваясь как мокрый кот. Вадим как раз успел вытряхнуть Ксюху из мокрого пуховика, и Кирилл, подхватив свою куртку, накинул её ей на плечи. Приобнял со спины.

— Ты куда полезла, глупая?

— За тобо-ой, — разревелась та. Развернулась, выскользывая из куртки, и повисла у него на шее, шаря руками по мокрой спине.

Кир снова поднял куртку и надел ее на себя. Потом обхватил руками Ксюху, пряча ее под полами куртки.

— Всё! Будем согреваться старым дедовским способом — тело к телу! Не возражаешь?

— Нет! — сквозь слезы улыбнулась та, прижимаясь теснее.

— Пока бежим до дома, — он подхватил ее на руки и запрыгнул в валенки. — И да, надеюсь, вопросы на тему царевны-лягушки отныне отпали? Я честно выловил тебя в твоём болоте!

— В реке!

— Пускай в реке, неважно! Теперь домой, бегом, к печке! Степаныч! Раскочегаривай свой агрегат!

Снеженика боялась вдохнуть. Сердце ухнуло куда-то в пятки и, кажется, почти не билось, перед глазамиплыли разноцветные круги. Ледяная вода сковала и тело, и разум. Она

была не в состоянии ни кричать, ни двигаться, ни соображать.

Как в полусне почуяла, как чьи-то руки выудили ее из воды, но не заметила разницы между водой и сушей. Везде царил кромешный холод, перед глазами — тьма с редкими проблесками мерцающих огоньков. Чей-то голос, чьи-то прикосновения.

— Глаша! — сильные руки встряхнули ее за плечи. — Жива? Открой глаза.

Димитрий. Что произошло? Почему она упала в воду? Ведь лед — она точно видела — был очень крепкий?

— Глаша, домой пошли! Согреться надо! Быстрее, к печке!

Мужчина укутал ее во что-то теплое и сухое.

А князь? Ох, ему опять пришлось нырять? Ведь так и заболеть недолго...

Она открыла глаза. Поверхность реки серебрилась легким снегом под луной, а окошко проруби шло мелкой рябью. Никакого намека на разлом, лед целехонек, так что же здесь произошло? Возле проруби — ни души.

— А князь? Где князь? — заволновалась Снеженика. — Неужто снова утонул? — она дернулась к проруби, но ее не пустили.

— Хмм, Кир у нас кровей вроде не княжеских, — усмехнулся Димитрий. — И хрен его утопишь. Дома они давно, у печки греются, а мы с тобой, заметь, всё мерзнем!

Сознание среагировало не сразу. Ей потребовалась целая минута, чтобы молча обернуться и осознать — перед ней не Димитрий...

— Ва... Вадим... — она задохнулась, часто заморгала глазами, которые тут же заволокло слезами. Воздух застрял в легких. Она могла только открывать рот, из которого не вырывалось ни звука. Схватила его руками за плечи, словно не веря своим глазам. Потом обхватила руками его лицо. — Вадим! Вадечка, это ты?! — слезы ручьями полились из глаз. Она всхлипнула, ловя губами воздух. — Господи, не может быть, это ты, Вадькааааа!

Она рухнула в его объятия, обильно поливая слезами. Без разбора целуя в губы, нос, глаза, все время всхлипывая и подвывая.

— Снежа? — Вадим поначалу оторопел и даже отшатнулся. — Ты?

— Ааааа, — голосила Снеженика, — Вадь, я больше так не буду, правда! Я все поняла! Я же тебя люблю, и я согласная! Замуж я согласна! Ты ведь не передумал, нет? — губы посинели от холода и едва двигались, но эмоции рвались через край. Снеженика едва успевала одновременно дышать, рыдать и что-то причитать. Она глотала окончания и пугалась в словах. — Вадькааааа! Я давно должна была сказать... признаться...

— Что? — напугался Вадим. — Что там у вас произошло? Ты мне изменяла с князем?

— Сдурел? — она на секунду даже прекратила слезоразлив и удивленно хлюпнула носом.

— Ну незнай... а то ты о нем так печешься, что я чуть было не приревновал, — улыбнулся он.

— Нет, я не это... — она обхватила его руками за шею. — Я тебя немножко обманула... Меня на самом деле зовут Света...

— Светлана? — Вадим облегченно выдохнул и прижал ее к себе. — Красиво. Значит, светлая...

Светка, закутанная в плед, склонилась над столом, на котором Дмитрий Степанович раскатал большую карту. Глаза у обоих горели интересом, и Вадим, глядя на нее, не мог поверить... Он любовался и пытался понять, что же так заметно изменилось в его девушке? Словно и она это, а вроде другой человек...

— Вот, вот! — она воодушевленно ткнула пальчиком в лист. — Глафира и Димитрий Морозовы! Вадим! Они все-таки поженились! Счастье-то какое! — она как дитя запрыгала на месте, подскочила к Вадиму и чмокнула его в губы.

Дед, нацепив на нос очки, радостно суетился вокруг свитка с красиво расчерченным разноцветными рамочками деревом.

— Глафира, выходит, Данилова, — проследил он пальцем по бумаге. — Вот Данилова Глафира Петровна. И значит, как говоришь, деда звали? Данила? Хмм, забавно — Данила Данилов.

— Ой, да он и сам забавный! — захохотала Светка. — А почему он указан один? А бабушка где?

— А о бабушке я информации не нашел, — расстроено доложил Дмитрий Степанович.

— Пишите — Анисья, — воодушевленно доложила Светка. Ох, а отчество я не спросила...

— Да и это прекрасно! — радовался дед, восполняя пробелы. — Смотри, Вадим, какая штука... А ведь Глаша тебе, считай, пра-пра-прабабкой приходится...

— Ну конечно! — Светка хлопнула себя рукой по лбу. — Вы же с Димитрием одно лицо! Господи, — она на секунду замерла, озаренная догадкой, — а фамилия! Ты же тоже Морозов!

— Это потрясающе! Это просто потрясающе! — дед, возбужденно потирая руки, пробежался по избе. — Это просто невероятно, тебе выпал уникальный шанс пообщаться со своим далеким предком!

— Да мне вообще везет по жизни, — улыбнулся Вадим, не сводя глаз со своей ненаглядной.

— Ой! — вдруг встрепенулась она. — Я еще спросить хотела... А как же князь?

— Какой князь? — удивился дед. — В нашем роду князей не было.

— Зато в селе был. Долгомышкин... Ведь осталось же в истории хоть что-то про него?

— Знаешь его? — опешил дед.

— А то! Я ему, похоже, жизнь спасла...

Дед восхищенно почесал в затылке.

— Была у меня про него подборка. В сенях. Сейчас принесу. Если Василий Юрьевич...

— Да! Он!

— Нууу, личность известная, — причмокнул губами дед. — Для нашего села он столько сделал! Уважаемый человек, дворянин, а о крестьянах заботился.

— Да нет же! Мне другое интересно! Он был женат? Кто его жена? — захлебываясь от нетерпения, затараторила Светка.

— Сейчас поуглю, — достал телефон Вадим.

— Да не надо, я знаю, — махнул рукою дед. — Тут такая история была, что на селе и по сей день ее знают. Редчайший случай в истории. Дворянин, потомственный князь женился

на крестьянке. Сам и наследства лишился, и чина, отец от него, считай, отрекся, но он все равно настоял на своем... Такая любовь была.

— Федосья Лопухова, — прочитал в телефоне Вадим.

— Федоська!!! — Светка, как ребенок, запрыгала на месте от счастья. — Ура! Ура! Урааа!

— А потом, как старый Долгомышкин помер, ему все имения вернулись. Да он в Сосновке остался, усадьбу выстроил. Две войны прошел, а потом...

— Не хочу знать, что было потом! — остановила его Светка. — Главное, что все у них сложилось, и все было не зря! — она, хохоча, повисла на шее у Вадима.

— Сейчас подборку принесу, там вроде даже картинка была... — дед накинул телогрейку и выскочил в сени.

Вернулся в сопровождении недовольного и напыженного Звздоцапа.

— Слышу, в дверь скребется, — разведя руками, доложил дед. — Как же вы его на улице забыли?

Ксюха неопределенно пожала плечами. Все это время они с Кириллом, раздетые в старые, еще студенческих времен, рубашки Вадима, скромно помалкивали в обнимку на диване.

Ну как объяснить Дмитрию Степановичу, что никто Звздоцапа не бросал, а он сам, не взирая на уговоры и причитания Ксюхи, пожелал остаться в курятнике, упрямо забившись в гнездо для несушек. Ей только и оставалось, что подложить туда побольше сена, да оставить рядом чашку с гречкой.

Звздоцап грозно рыкнул на деда и направился к дивану.

— Ох, а как же Витаминчик!? — вдруг ахнула Светка. — Как же он там один, без меня? Выгонит бабка его в курятник! Замерзнет! Куры побьют!

Щпиц вздрогнул и оглянулся. Увидев Светку, просиял и весело вильнул хвостом.

— Витаминчик? — неуверенно прищурилась она, и пес, радостно взвизгнув, бросился ей в руки.

— Ооо, — понятиливо протянула Ксюха. — Не вижу другого выхода, как подарить его вам с Вадимом на свадьбу.

Вадима перекосило, а Светка радостно подхватила песика, потискала и расцеловала в мокрый нос.

— Ну вот, все в сборе, можно и на боковую, — устало зевнул Вадим, но его никто не поддержал.

— Нет, нет! Там вроде кто-то чаю обещал? — бодро напомнила Ксюха.

— Да, да! Я заварил! С мятой! — быстро отозвался дед, что-то бегло записывая в бумагах.

Ксюха было дернулась на кухню, но Кир ее остановил.

— Я сам.

— Ты будешь? — тоже нацелился на кухню Вадим.

Светка коротко кивнула, не сводя глаз с сестры, которая почему-то репьем прилипла к заму Вадима. Кира она видела в офисе пару раз, но на друзей Вадима только фыркала, их общества старалась избегать, и так получилось, что Вадим их до сих пор не познакомил.

Кирилл поднялся с дивана, но Ксюха вцепилась ему в воротник и еще какое-то время они, смеясь, целовались, не в силах расстаться даже на минуту. Это повергло Светку буквально в шок, она искренне недоумевала, как такое возможно, и тем интереснее было

узнать, что же такого она пропустила.

— Вот этот? Seriously? — она вопросительно подняла брови, указывая глазами на удаляющегося Кирилла.

Ксюха облизала спину Кира влюбленным взглядом и расплылась в глупой, умильной улыбке.

— Мне кажется, он идеален...

— Что? — Светка пощелкала пальцами перед носом сестры. — Ау, родная! Смотри чего, вот это дааа... — протянула она удивленно.

В таком состоянии Ксюху она точно ни разу не видела. У той если и случались увлечения, то первое, что она видела в избранниках, так это недостатки, о чем всегда вдохновенно докладывала Светке. Запросы Ксюхи были таковы, что никто из знакомых и незнакомых парней до ее идеала не дотягивал, и было совершенно очевидно, что остаток своих дней Ксюха будет куковать в окружении шпичев, ибо они, безусловно, совершенны. Поэтому Светка и представить не могла, что вот этот, пусть и симпатичный, но далеко не идеальный экземпляр ввергнет ее здравомыслящую сестрицу в такое умопомрачение.

— Нет, мне просто интересно, — улыбнулась она, глядя как Ксюху плющит от умиления, — как ты умудрилась в зеркале спутать его с Хэмсвортом? У них из общего лишь только пол и цвет волос!

Ксюха отвлеклась от блаженного созерцания Кира и удивленно посмотрела на сестру, пытаясь понять, о чем она вообще. Потом громко хлопнула себя по лбу.

— А, ты об этом! Да я, если честно, никогда и не гадала. Ерунда все это, да и страшно...

— Вот как? — брови Светки возмущенно полезли наверх. — А на мне, значит, решила поэкспериментировать?

— Вот видишь, как я правильно сделала, что не на себе, — смущенно поправила одеяло Ксюха. — Теперь точно буду знать, что делать этого не стоит... Да и не нужно мне уже, — и она снова растеклась в улыбке, наблюдая, как Кир приближается к ней с чашкой горячего мятного чая.

— Шах и мат... — очаровательно подмигнул небесно-голубыми глазами изящный блондин и тряхнул длинной гривой волос.

Его соперник недовольно поморщился, смерив шахматную доску хищным недовольным взглядом. Да, действительно, белые опять выиграли, и черный король, одиноко забившись в угол, всю семафорил белым флагом.

— Ну кто бы сомневался, — недовольно проворчал он, сгребая фигуры с доски. — Ведь ты опять шельмуешь!

— Я? По-моему, это твоя прерогатива.

— Жаль, жаль, но только не сейчас, — брюнет поднялся, небрежным жестом расправив полы золотого камзола, и лениво потянулся. Подошел к большому панорамному окну, за которым клубилось разноцветное небо. Раздраженно щелкнул по каменному полу заостренным кончиком изящного черного хвоста. — Ничего, на Купалу отыграюсь. Тогда мое время будет...

Блондин приблизился, шурша по полу белоснежными перьями сложенных за спиной крыльев.

— А когда приходят Святки, убегайте без оглядки... — шутливо пропел ему на ухо детскую песенку.

Золотые глаза блеснули алой искоркой:

— Вот же ты наглец, пушистый... Посмотрим, как запоешь, когда другие силы будут править.

— Ну что ты злишься? — примирительно улыбнулся Светлый. — Знал же, что я не допущу, чтобы было по-твоему. Я для этого тут и дежурю.

Брюнет сложил руки на груди и смерил его надменным взглядом.

— Не допущу, — передразнил он его, — тогда объясни, чего я здесь забыл?

— Прекрасно знаешь. В Святки ваша братия резвится, а наше дело — наблюдать, — блондин распахнул окно, и в комнату ворвались звуки музыки и веселья.

Брюнет выглянул наружу и досадливо поморщился:

— Ты все равно не дашь повеселиться. Вот зачем все обратно исправил? Они сами наравались, я их за дело наказал!

— Любопытство — не порок... — пожал плечами блондин. — И не грех, чтобы так наказывать. Другое дело — поучить! Так даже интересней!

— Ничего интересного, скукота! — Темный прошелся из угла в угол и плюхнулся обратно в кресло. — Чтоб я еще раз дежурить вызвался в эти дни, да никогда!

— Ну-ну, не ты, так другой... — задумчиво протянул блондин. — Кстати, зеркало отдай, — потребовал сердито. — Замучились за вами эти шутки разгрести.

— Перетопчешься... — недовольно буркнул тот. — Если б не оно, я тут совсем со скуки кони двинул... Да и тебе веселуха: беги скорей, строчи отчет в свою канцелярию, как ты пресек очередную пакость. Сколько там? Сразу восемь медалей заработал? За восемь устроенных судеб, ха-ха, благодетель!

— Не утрируй, хвостатый... — блондин присел напротив, аккуратно расправив перья, и принялся не торопясь расставлять на доске фигуры. — То вовсе не моя заслуга. Я чувствами не торгую, могу лишь только подтолкнуть...

— Ха-ха! Деваху в прорубь, например... — учтиво подсказал Темный.

— Ну а куда деваться... Сами они не полезли бы, а мне за тобою нужно было ауру зачистить.

Темный фыркнул и, набычившись, отвернулся. Светловолосый расставил белых и принялся за черные.

— Я помню, помню... На Купалу... — улыбнулся он, поймав недовольный взгляд темных глаз. — Ну а пока, еще партейку?

Больше книг на сайте - Knigoed.net